

24/33

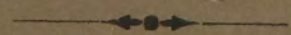
ОЧЕРКИ
ПОЛИТИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

~~24/33~~

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

В. О. ДЕРЮЖИНСКАГО

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

СПБ.—1911

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Того же автора:

Полицейское право. (Право передвиженія.—Союзы и собранія.— Печать.— Чрезвычайныя мѣры безопасности.— Санитарная и медицинская полиція.— Полиція нравовъ.— Народное образованіе.— Общественное призрѣніе и благотворительность.— Фабричное законодательство). Третье изданіе. Спб. 1911 г. Цѣна 3 руб.

Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. (Монтескьё, какъ историкъ и публицистъ.— Публичные митинги въ Англіи.— Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи.— Парнелъ и Ирландія.— Гладстонъ.— Верхняя палата во Франціи.— Печать во Франціи при Наполеонѣ I.— Конституція Третьей Республики.— Буланже и Буланжизмъ.— Клемансо). Стр. VII+328 — Цѣна 2 рубля.

О гарантіяхъ личной свободы въ Англіи. Habeas Corpus Актъ и его приостановка. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристики Брайса (Лордъ Биконсфильдъ.— Гладстонъ.— Парнелъ.— Гринъ.— Фриманъ.— Лордъ Актонъ). Цѣна 60 коп.

Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Цѣна 25 коп.

Общественное призрѣніе у крестьянъ. Цѣна 25 коп.

Международная борьба съ торговлею женщинами. Цѣна 30 коп.

Административные суды въ государствахъ Западной Европы. Цѣна 75 коп.

Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Цѣна 30 коп.

29.133.

ОЧЕРКИ

~~29.133.~~
ПОЛИТИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ

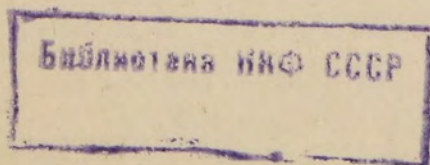
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

В. О. ДЕРЮЖИНСКАГО

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

СПБ.—1911

39

4139

86569

Предлагаемые очерки были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ. Въ нихъ авторъ имѣлъ въ виду ознакомить читателей съ новѣйшими работами трехъ выдающихся изслѣдователей въ области политической литературы—проф. А. Дайси, Сиднея Лоу и Брайса. Издать эти очерки отдѣльно автора побудила увѣренность въ томъ, что высказанныя названными писателями мысли и соображенія о различныхъ проявленіяхъ политическаго развитія современной Англіи представляютъ глубокій интересъ и заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Особенно подробно анализировано изслѣдованіе проф. Дайси о соотношеніи между эволюціею общественнаго мнѣнія и развитіемъ законодательства въ теченіе XIX вѣка. Эта работа по глубинѣ мыслей, въ ней выраженныхъ, и по яркости освѣщенія различныхъ сторонъ политическаго и соціальнаго развитія современной Англіи, должна быть признана капитальнымъ вкладомъ въ литературу политическихъ наукъ.

Большой интересъ, по мнѣнію автора, представляютъ также размышленія знаменитаго Брайса о тѣневыхъ сто-

ронахъ современныхъ демократій — размышлений, навѣянныхъ долготѣннымъ изученіемъ политической жизни Англіи и другихъ странъ.

Въ очеркѣ „Новѣйшая эволюція англійскаго кабинета“ отмѣчены наиболѣе, по мнѣнію автора, существенные результаты попытки Сиднея Лоу дать картину современнаго политическаго строя Англіи.— Въ связи съ этимъ очеркомъ стоитъ этюдъ, въ которомъ приводятся важнѣйшія данныя о развитіи представительства рабочихъ въ англійскомъ парламентѣ.

В. Д.

15 ноября 1910 г.

Оглавленіе.

Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи.

СТРАН.

1

I.—Связь между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ въ современной Англіи.—Интересы и убѣжденія; вліяніе ихъ на законодательство.—Характерныя особенности общественнаго мнѣнія Англіи въ XIX вѣкѣ.—Преобладающее теченіе.—Происхожденіе его.—Непрерывность въ развитіи его.—Теченія противныя и перекрестныя.—Вліяніе законовъ на развитіе общественнаго мнѣнія.—Соотношеніе между успѣхами демократіи и особенностями новѣйшаго законодательства Англіи.—Наличность демократическихъ учреждений не предопредѣляетъ самага характера законодательства.—Три періода въ развитіи англійскаго законодательства XIX вѣка въ соотвѣтствіе съ тремя основными теченіями общественнаго мнѣнія: 1) эпоха стараго торизма; 2) періодъ бентамизма или индивидуализма; 3) періодъ коллективизма

3

II.—Эпоха стараго торизма (1800—1830 гг.). Оптимизмъ и реакція.—Застой въ законодательствѣ.—Реакціонный актъ 1800 г. о коалиціяхъ.—Традиціи попечительнаго управленія.—Зачатки гуманитарнаго законодательства.—Потребность въ реформѣ представительства

36

III.—Періодъ бентамизма или индивидуализма (1825—1870 гг.).—Бентамъ и основныя черты индивидуализма.—Свобода договорныхъ отношеній.—Право союзовъ и индивидуальная свобода.—Причины успѣховъ бентамизма.—Характерныя черты законодательства въ періодъ бентамизма.—1) Переходъ политической власти.—2) Проведеніе началъ гуманности.—3) Расширеніе области индивидуальной свободы.—4) Охраненіе права

50

IV.—Періодъ коллективизма (1865—1900 гг.).—Зарожденіе соціаль-
ныхъ проблемъ.—Эволюція теченія протеста противъ индивидуализма.—
Переворотъ въ области соціальныхъ и политическихъ взглядовъ.—То-
рійская филантропія и зарожденіе фабричнаго законодательства.—Стол-
кновение между индивидуализмомъ и коллективизмомъ.—Новое на-
правление въ области рабочаго движенія — Политическія реформы и
новыя теченія въ сферѣ законодательства 76

V.—Періодъ коллективизма (продолженіе).—Развитіе идеи вмѣша-
тельства государства.— 1) Расширеніе идеи защиты.—2) Ограниченіе
договорной свободы.—3) Коллективныя формы дѣятельности.—4) Урав-
неніе удобствъ.—Общія тенденціи новѣйшаго законодательства Англіи.—
Ихъ проявленія въ отдѣльныхъ отрасляхъ законодательства. 100

VI.—Различіе во взглядахъ индивидуалистовъ и коллективистовъ на
отношенія между человѣкомъ и государствомъ.—Соотношеніе между
бентамизмомъ и демократическимъ социализмомъ.—Принципъ полез-
ности.—Парламентское верховенство.—Усовершенствованіе механизма
управленія.—Характерныя черты перехода отъ индивидуализма къ кол-
лективизму 130

Новыя явленія въ развитіи англійскаго кабинета 145

Рабочіе депутаты въ англійскомъ парламентѣ 170

**Джемсъ Брайсъ о гражданскомъ долгѣ въ современ-
ныхъ демократіяхъ 191**

Общественное мнѣніе и законодательство въ Англіи.

A. V. Dicey, Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. London, 1905.

А. В. Дайси пользуется и у насъ широкою и заслуженною извѣстностью, какъ глубокой и блестящей истолкователь основныхъ началъ англійской конституціи. Сочиненіе его по этому предмету въ русскомъ переводѣ выдержало два изданія, что рѣдко выпадаетъ на долю ученыхъ произведеній. Новый трудъ знаменитаго оксфордскаго профессора, изданныя имъ «Лекціи о соотношеніи между законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ теченіе XIX-го вѣка», представляетъ также огромный интересъ и отличается тѣми же достоинствами, глубиною и ясностью анализа сложныхъ явленій и вопросовъ, которыя такъ ярко выступаютъ въ его «Основахъ англійскаго конституціоннаго права».

Задача лекцій профессора Дайси, какъ то видно и

изъ заглавія книги, состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить связь или соотношеніе между развитіемъ англійскаго законодательства въ XIX вѣкѣ и эволюціею англійской общественной мысли, какъ она выразилась въ тѣхъ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, которыя послѣдовательно смѣняли другъ друга. Въ предисловіи авторъ указываетъ, что книга его не есть изслѣдованіе, а скорѣе рядъ выводовъ и размышленій. «Она написана не съ цѣлью раскрытія новыхъ фактовъ, а съ тѣмъ, чтобы изъ многихъ хорошо извѣстныхъ фактовъ политической, соціальной и правовой исторіи извлечь заключенія, которыя нерѣдко, при всей очевидности ихъ, проходятъ незамѣченными, и которыя не лишены большого значенія».

Въ исторіи Англіи XIX-й вѣкъ представляется знаменательнымъ періодомъ первостепенныхъ политическихъ реформъ и важныхъ соціальныхъ преобразованій. Изъ страны съ аристократическимъ управленіемъ она постепенно превратилась въ демократію; широкое преобладаніе индивидуалистическихъ началъ въ ея законодательствѣ мало-помалу уступило мѣсто инымъ теченіямъ въ духѣ развитія государственнаго вмѣшательства въ различныя стороны соціальной жизни. Глубокій переворотъ въ строѣ управленія и въ направленіи законодательства совершился безъ какихъ-либо катастрофъ и потрясеній, путемъ спокойной эволюціи общественнаго сознанія. Важнѣйшіе моменты и проявленія этой эволюціи находятъ себѣ яркое и разностороннее освѣщеніе въ книгѣ проф. Дайси.

I.

Связь между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ въ современной Англіи.—Интересы и убѣжденія; вліяніе ихъ на законодательство.—Характерныя особенности общественнаго мнѣнія Англіи въ XIX вѣкѣ.—Преобладающее теченіе.—Происхожденіе его.—Непрерывность въ развитіи его.—Теченія противныя и перекрестныя.—Вліяніе законовъ на развитіе общественнаго мнѣнія.—Соотношеніе между успѣхами демократіи и особенностями новѣйшаго законодательства Англіи.—Наличность демократическихъ учрежденій не предопредѣляетъ самаго характера законодательства.—Три періода въ развитіи англійскаго законодательства XIX вѣка въ соотвѣтствіе съ тремя основными теченіями общественнаго мнѣнія: 1) эпоха стараго торизма; 2) періодъ бентамизма или индивидуализма; 3) періодъ коллективизма.

Разсмотрѣніе главныхъ теченій общественнаго мнѣнія, повліявшихъ на развитіе англійскаго законодательства въ XIX-мъ вѣкѣ, профессоръ Дайси предваряетъ нѣкоторыми общими замѣчаніями. На нихъ необходимо остановиться, такъ какъ въ нихъ выясняется основная точка зрѣнія автора на соотношеніе между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ, а также указываются главныя особенности, характеризующія развитіе и значеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи.

Зависимость законодательства отъ измѣняющихся теченій общественнаго мнѣнія пользуется широкимъ признаніемъ. «Всѣ мы,—говоритъ Дайси,—такъ привыкли надѣлять общественное мнѣніе таинственною и почти сверхъестественною силою, что мы упускаемъ изъ вида необходимость отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно разумѣемъ мы подъ общественнымъ мнѣніемъ, а также измѣрить настоящіе предѣлы его вліянія и опредѣлить способы его воздѣйствія».

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что устойчивость человѣческихъ учрежденій находится, вообще, всюду и всегда въ тѣсной зависимости отъ убѣжденій и чувствъ того общества, въ которомъ создались эти учрежденія. Но это обстоятельство еще не даетъ возможности утверждать, что законодательство каждой страны само представляетъ собою результатъ того, что мы разумѣемъ подъ «общественнымъ мнѣніемъ». Этимъ терминомъ, въ примѣненіи его къ законодательству, обозначается наличность въ данномъ обществѣ господствующаго убѣжденія въ томъ, что такіе-то законы благодѣтельны и потому должны быть сохраняемы, или—что они пагубны и потому должны быть измѣнены или отмѣнены. Утвержденіе, что въ такой-то странѣ законодательство направляется общественнымъ мнѣніемъ, означаетъ, что законы въ ней сохраняются или отмѣняются въ соотвѣтствіе съ взглядами или желаніями обитателей этой страны. Между тѣмъ, это утвержденіе, будучи вѣрнымъ по отношенію къ современной Англіи, не всегда можетъ быть признано вѣрнымъ для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ, при чемъ и для Англіи оно не всегда было вѣрнымъ.

Во-первыхъ, во многихъ обществахъ едва-ли даже можно признать наличность общественнаго мнѣнія,—если подъ этимъ терминомъ разумѣть сознательные взгляды населенія на измѣненіе или улучшеніе его учрежденій. Члены такихъ обществъ живутъ скорѣе подъ вліяніемъ привычекъ, чѣмъ сознательнаго мышленія, и обнаруживаютъ традиціонную вѣрность укоренившимся обычаямъ и нежеланіе какихъ-либо перемѣнъ. Таковы восточныя

страны. Въ нихъ, какъ и на Западѣ, также господствуетъ общественное мнѣніе, въ широкомъ смыслѣ этого слова; но присущее имъ нежеланіе перемѣнъ въ отношеніи къ вѣковымъ устоямъ представляетъ собою нѣчто совершенно отличное отъ общественнаго мнѣнія, которое въ Англіи XIX-го и XX-го вѣковъ постоянно требуетъ улучшеній въ законодательствѣ страны.

Во-вторыхъ, возможно указать на государства, въ которыхъ законы и учрежденія подвергались коренному измѣненію не подъ вліяніемъ идей или стремленій населенія или значительной части его, а въ силу убѣжденій, исповѣдуемыхъ небольшимъ числомъ людей и даже отдѣльными лицами, въ рукахъ которыхъ оказывалась власть. Реформы Петра Великаго въ Россіи и Фридриха Великаго въ Пруссіи проведены были не подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія русскаго народа или пруссаковъ, а силою убѣжденій этихъ отдѣльныхъ личностей, давшихъ новое направление законодательству и учрежденіямъ двухъ великихъ государствъ.

Въ-третьихъ, законодательство страны можетъ не отражать общественнаго мнѣнія вслѣдствіе отсутствія законодательнаго органа, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ времени. Скопленіе тѣхъ злоупотребленій, которыя вызвали французскую революцію, обусловливалось въ значительной степени отсутствіемъ законодательнаго учрежденія, которое обладало бы достаточною силою и волею, чтобы осуществить реформы, давно выдвигавшіяся французскимъ образованнымъ обществомъ. Съ другой стороны, можно признать, что замедленіе въ области необ-

ходимыхъ реформъ въ Англіи конца XVIII и начала XIX вѣковъ обусловливалось не только реакціонными теченіями подъ впечатлѣніемъ французской революціи, но и несовершенствомъ законодательнаго органа, какимъ являлся до-реформенный парламентъ.

Тѣсная и непосредственная связь, существующая въ современной Англіи между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ, представляетъ собою своеобразный и заслуживающій вниманія фактъ, подобнаго которому трудно найти въ другомъ мѣстѣ. Нигдѣ перемѣны въ народныхъ убѣжденіяхъ и желаніяхъ не получали такого быстрого выраженія въ измѣненіяхъ законодательства, какъ въ Великобританіи въ XIX-мъ вѣкѣ и особенно во второй половинѣ его. Францію называютъ страню революцій, Англія славится консерватизмомъ; но бѣлаго взгляда на законодательную исторію обѣихъ странъ достаточно, чтобы убѣдиться въ ошибочности ходячаго противоположенія между французскою перемѣнчивостью и англійскою неизмѣнностью. Не взирая на рядъ революцій, происходившихъ въ Парижѣ, основныя постановленія кодекса Наполеона сохраняются неизмѣнными со времени его изданія въ 1804 году. Въ Англіи въ 1804 г. престолъ занималъ Георгъ III, и англійское общественное мнѣніе въ ту пору не было склонно къ какимъ-либо законодательнымъ или политическимъ перемѣнамъ; и однако едвали можно указать какую-либо часть англійскаго собранія статутовъ, которая между 1804 г. и настоящимъ временемъ не подверглась измѣненіямъ по существу или по формѣ, при чемъ сверхъ измѣненій, проведенныхъ черезъ парла-

ментъ, нужно имѣть въ виду не менѣе важныя нововведенія, явившіяся въ результатѣ правотворческой дѣятельности судовъ. Съ другой стороны, Соединенные Штаты Сѣверной Америки живутъ подъ режимомъ чистой демократіи, и ни въ одной странѣ нѣтъ такой свободы выраженія мнѣній; между тѣмъ вся исторія Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что, во всякомъ случаѣ, федеральное законодательство не легко поддается широкимъ и внезапнымъ перемѣнамъ, да и въ законодательствѣ отдельныхъ штатовъ не обнаруживается глубокихъ или рѣзкихъ перемѣнъ.

Общественное мнѣніе, находящее выраженіе въ законодательствѣ, представляетъ собою весьма сложное явленіе и часто принимаетъ форму компромисса, возникающаго изъ борьбы между идеями правительства и чувствами или привычками населенія. «Верховная власть, — говоритъ Дайси, — можетъ находить извѣстную законодательную мѣру цѣлесообразною, но въ то же время не желать или даже не быть въ состояніи осуществить такое свое убѣжденіе, и это изъ опасенія оскорбить чувства подданныхъ, которые, хотя вообще и не принимаютъ активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, могутъ проявить неодолимое противодѣйствіе законамъ, нарушающимъ ихъ привычки или возмущающимъ ихъ нравственное чувство».

Сказанное примѣнимо ко всѣмъ странамъ, какова бы ни была форма правленія, но особенно рѣзко это выражается въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ законодательство, проходящее черезъ парламентъ, постоянно носить

на себѣ слѣды компромисса «между просвѣщеніемъ и предразсудкомъ». Дайси отмѣчаетъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ XVIII-мъ вѣкѣ и позднѣе законодательство нерѣдко считалось съ невѣжествомъ и предразсудками населенія. Вальполь и его сотрудники-виги были свободны отъ ханжества, однако Вальполь никогда не согласился бы освободить диссентеровъ отъ дѣйствія Test Act'a (присяги въ отреченіи отъ папской власти), хотя диссентеры были его надежными сторонниками. Актъ 1753 года, облегчавшій натурализацію евреевъ, былъ—во вниманіе къ народному ропоту—отмѣненъ въ ближайшую сессію послѣ его изданія. Скромная мѣра 1778 г. о смягченіи уголовныхъ законовъ противъ католиковъ вызвала въ 1780 г. вспышку революціоннаго насилія; происшедшій въ этомъ году бунтъ лорда Гордона объясняетъ, если не оправдываетъ, замедленіе на долгое время эмансипаціи католиковъ. Да и самый актъ 1829 года объ эмансипаціи католиковъ является весьма интереснымъ памятникомъ законодательнаго компромисса. Мѣра эта была проведена реформистами, желавшими полного устраненія политическихъ органиченій, подъ которыми находились католики въ Соединенномъ Королевствѣ; однако, въ этотъ актъ были внесены (ст. 28—36) суровыя постановленія объ изгнаніи изъ королевства «всякаго іезуита и всякаго члена какого-либо другого ордена, союза или общества римской церкви, связанныхъ монашескими или религіозными обѣтами». Какимъ образомъ случилось, что въ законъ о возстановленіи гражданскихъ правъ католиковъ внесены были уголовныя кары противъ іезуитовъ и монаховъ?—

спрашиваетъ Дайси. «Отвѣтъ ясенъ. Общій характеръ закона отражаетъ просвѣщенные взгляды правящаго класса, который, пользуясь благопріятными обстоятельствами, провелъ мѣру религіозной терпимости, въ разрѣзъ съ предразсудками народа. Уголовныя постановленія, грозящія іезуитамъ и монахамъ изгнаніемъ, которое никогда, однако, ни въ единомъ случаѣ не было примѣнено, являются памятникомъ уступки, сдѣланной народному ханжеству государственнымъ тактомъ парламентскихъ дѣятелей».

Положенію, по которому развитіе законодательства зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, можетъ быть противопоставлено указаніе, что въ вопросахъ законодательства люди руководствуются главнымъ образомъ своимъ интересомъ, а не убѣжденіемъ въ хорошихъ качествахъ того или другого закона. Внимательный анализъ показываетъ, однако, что между этимъ указаніемъ и приведеннымъ положеніемъ нѣтъ никакого противорѣчія.

Совершенно вѣрно, что въ законодательствѣ люди руководствуются болѣе всего своимъ дѣйствительнымъ или кажущимся интересомъ. Это до такой степени вѣрно, что изъ обзрѣнія законовъ страны часто нетрудно догадаться, какому классу принадлежала или принадлежитъ господствующая власть въ данное время. Стоитъ бросить бѣглый взглядъ на законы и учрежденія въ эпоху среднихъ вѣковъ, чтобы сейчасъ же замѣтить, что господствующая власть была связана съ землевладѣніемъ. Кто, ознакомившись съ сборникомъ законовъ Ямайки или Южной Каролины, не обнаружитъ, что въ извѣстное время бѣлые были деспотическими владыками надъ чер-

ными? Кто изъ контраста между англійскимъ земельнымъ правомъ и современнымъ земельнымъ законодательствомъ Франціи не усмотритъ, что въ Англіи политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ современной Франціи она находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ? Законы о свободѣ торговли 1846 г. и позднѣйшихъ годовъ показываютъ намъ, что политическая власть въ Англіи перешла въ то время въ руки промышленниковъ и торговцевъ. Даже незнакомому съ исторіею парламентскихъ реформъ въ Англіи легко было бы, по важнѣйшимъ изъ новыхъ статутовъ, замѣтить, что въ теченіе XIX-го вѣка усилилась политическая власть сначала среднихъ классовъ, затѣмъ городскихъ рабочихъ и наконецъ сельскихъ рабочихъ. Словомъ, связь между законодательствомъ и интересами законодателей вполне очевидна.

На указанное выше противопоставленіе Дайси отвѣчаетъ слѣдующими словами Юма: «Хотя люди въ значительной степени управляются интересомъ, однако самый интересъ и всѣ человѣческія дѣла всецѣло управляются *убѣжденіемъ*». Слѣдовательно, если мы допустимъ, что люди, имѣющіе власть въ дѣлѣ изданія законовъ, всецѣло руководствуются желаніемъ обезпечить свои личные и эгоистическіе интересы, то все-таки пониманіе ими своего интереса и, стало-быть, самое законодательство ихъ опредѣляются ихъ взглядами, ихъ убѣжденіями; и потому тамъ, гдѣ общество имѣетъ вліяніе, развитіе законодательства направляется общественнымъ мнѣніемъ.

Въ связи съ этимъ Дайси высказываетъ нѣсколько

глубокихъ соображеній о соотношеніи между интересомъ и убѣжденіемъ.

Граждане цивилизованной страны, какъ Англія, большею частью вовсе не проявляютъ узкаго эгоизма въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они, безъ сомнѣнія, стремятся обезпечить свои интересы, т.-е. увеличить свои удобства и уменьшить свои неудобства, но они вовсе не имѣютъ въ виду принести въ жертву своимъ частнымъ выгодамъ благополучіе своихъ ближнихъ или благосостояніе государства. Правда, отдѣльныя лица и еще чаще классы постоянно поддерживаютъ законы и учрежденія, которые они считаютъ благотѣльными для себя, но которые на дѣлѣ оказываются вредными для другихъ. Однако, такой образъ дѣйствій, въ девяти случаяхъ изъ десяти, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что люди легко приходятъ къ убѣжденію, что мѣры, выгодныя для нихъ, благотѣльны и для другихъ. Англійскіе мануфактуристы искренно вѣрили въ протекціонизмъ, пока считали его благотѣльнымъ для промышленности, и стали такъ же искренно вѣрить въ свободу торговли съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ окрѣпло убѣжденіе, что свобода хлѣбной торговли окажется благопріятной для торговли вообще и принесетъ дополнительныя выгоды для мануфактурной промышленности. Крупные землевладѣльцы и фермеры, извлекавшіе выгоды отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, были вообще совершенно честными протекціонистами; они были убѣждены, что протекціонизмъ, вынуждая страну обходиться собственными средствами и расширяя сферу земледѣлія, составлялъ большое благотѣніе для націи. Въ настоящее время

рабочій, думающій, что благосостояніе рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственное благополучіе, развивается благодаря трэдъ-юніонизму, добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ ничего худого въ тѣхъ пріемахъ дѣятельности, которые, хотя ими и стѣсняется личная свобода отдѣльных рабочихъ, увеличиваютъ вліяніе рабочихъ союзовъ.

Дайси находитъ нужнымъ подчеркнуть, что изъ разнообразныхъ видовъ общественнаго мнѣнія онъ въ своей работѣ имѣетъ дѣло только съ тѣми проявленіями общественнаго мнѣнія, которыя отражаются въ законодательствѣ,—съ тѣмъ, что онъ называетъ «законодательнымъ общественнымъ мнѣніемъ» (*law-making or legislative public opinion*). Поэтому теченія общественной мысли, какъ индивидуализмъ и социализмъ, получаютъ у него лишь общее освѣщеніе, при которомъ не приходится вникать въ такіе оттѣнки, какъ, напр., различіе между абсолютнымъ индивидуализмомъ Герберта Спенсера и практическимъ или утилитарнымъ индивидуализмомъ Д. С. Милля и Г. Сиджвика. Съ другой стороны, ему не приходится касаться также и крайнихъ формъ индивидуализма и социализма. «Крайнія и логически послѣдовательныя теоріи,—говоритъ Дайси,—не оказывали существеннаго воздѣйствія на развитіе англійскаго права въ теченіе XIX вѣка. Только умѣренный индивидуализмъ, хотя бы и непослѣдовательный, какъ, съ другой стороны, только умѣренный социализмъ, хотя бы и непослѣдовательный, повліяли на выработку англійскихъ законовъ и потому могутъ быть признаны законодательнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Намъ нечего касаться того индивидуализма, который требуетъ

даже уничтоженія государственной организаціи почтоваго дѣла, какъ и того социализма, который требуетъ націонализаціи земли».

Говоря объ общественномъ мнѣніи, не слѣдуетъ забывать, что оно можетъ проявляться и отрицательнымъ образомъ, — вліять не только на созданіе законовъ, но и на остановку въ ихъ развитіи, какъ это было въ Англіи въ началѣ XIX вѣка. Впрочемъ, въ Англіи, — замѣчаетъ Дайси, — періоды оживленной законодательной дѣятельности всегда были исключительными. Ихъ можно свести къ четыремъ, а именно: эпоха Эдуарда I, вѣкъ Тюдоровъ, періодъ реставраціи и эпоха, слѣдовавшая за актомъ о реформѣ 1832 г. и начавшаяся немного раньше. «Не слѣдуетъ и удивляться, — говоритъ Дайси, — что отсутствіе оживленнаго законодательства было общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. Во всякой странѣ, управляемой согласно съ желаніями населенія, вообще не существуетъ особеннаго стремленія къ переменамъ. И это соображеніе заслуживаетъ вниманія, такъ какъ законодательная дѣятельность, болѣе или менѣе преобладавшая въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ въ англичанахъ иллюзію, что народное чувство всегда благопріятствуетъ дѣятельному законодательству. Во всякомъ случаѣ, опытъ демократическихъ странъ, въ которыхъ конституція обезпечиваетъ регулярный способъ апеллированія отъ законодательнаго собранія къ народу, показываетъ, что голосъ народа можетъ быть одинаково склоненъ къ задержанію, какъ и къ возбужденію энергіи парламентскихъ законодателей. По крайней мѣрѣ, возможно, что въ Англіи

законодательная дѣятельность парламента снова ослабѣетъ и страна вступитъ въ новый періодъ законодательнаго затишья».

Въ общественномъ мнѣніи Англіи, въ соотношеніи его съ развитіемъ законодательства XIX вѣка, можно усмотрѣть нѣсколько характерныхъ особенностей, которыя могутъ быть сведены къ пяти пунктамъ: наличность въ каждый данный періодъ преобладающаго теченія общественнаго мнѣнія; происхожденіе такого теченія; непрерывность въ развитіи его; сдержки, встрѣчаемыя имъ отъ теченій противныхъ и перекрестныхъ; вліяніе самихъ законовъ на развитіе общественнаго мнѣнія. — Разсмотримъ эти особенности.

1) Въ каждый данный моментъ существуетъ совокупность вѣрованій, убѣжденій, чувствъ, усвоенныхъ принциповъ или укоренившихся предразсудковъ, которые вмѣстѣ образуютъ общественное мнѣніе извѣстной эпохи. Вліяніе такого господствующаго или преобладающаго теченія прямо или косвенно опредѣляетъ въ Англіи развитіе законодательства.

Такія теченія общественнаго мнѣнія приобрѣтаютъ свою силу и розмахъ постепенно и сами въ свою очередь задерживаются или замѣняются другими теченіями, которыя получаютъ силу лишь по прошествіи извѣстнаго промежутка времени.

2) Теченіе общественнаго мнѣнія, оказывающее вліяніе на законодательство, возникаетъ нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ современной Англіи, подъ воздѣйствіемъ какого-нибудь одного мыслителя или какой-либо школы. Хотя и

говорятъ иногда, и не безъ основанія, что такое-то убѣжденіе «носится въ воздухѣ» и составляетъ какъ бы общее достояніе, однако рѣдко бываетъ, что такое убѣжденіе развивается въ массахъ самопроизвольно.

Вотъ какъ обыкновенно складываются теченія общественнаго мнѣнія въ Англіи. У какого-нибудь оригинальнаго или гениальнаго мыслителя зарождается новая и, допустимъ, совершенно вѣрная идея; онъ самъ, или восторженный послѣдователь его, проповѣдуетъ ее своимъ друзьямъ или ученикамъ; послѣдніе въ свою очередь также проникаются убѣжденіемъ въ важности и истинности идеи, и мало-по-малу ее принимаетъ уже цѣлая школа. Апостолы новой вѣры производятъ, наконецъ, впечатлѣніе либо на публику въ широкомъ смыслѣ, либо на какого-нибудь выдающагося государственнаго дѣятеля, который своимъ вліяніемъ обезпечиваетъ новой идеѣ поддержку націи. Однако, конечный успѣхъ новой идеи, религіозной, экономической или политической, лишь въ слабой степени зависитъ отъ силы аргументаціи, съ которою защищается идея, или даже отъ энтузіазма ея сторонниковъ. Перемѣна въ убѣжденіяхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ стеченія обстоятельствъ, которыя склоняютъ большинство отнестись благопріятно къ идеямъ, являвшимся прежде нелѣпостями или парадоксами въ глазахъ людей здравомыслящихъ. Ошибочно было бы думать, что, напримѣръ, доктрина о свободѣ торговли восторжествовала благодаря тому, что она была усвоена большинствомъ населенія путемъ логическихъ разсужденій. Какъ ни велика была роль такихъ людей, какъ Кобденъ и Брайтъ, которые съ удивитель-

ною энергією выполнили свою задачу по распространенію идей свободной торговли, — послѣдняя замѣнила протекціонизмъ больше всего подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ и почти случайныхъ обстоятельствъ.

3) Развитие общественнаго мнѣнія характеризуется медленностью, иногда весьма значительною. «Богатство народовъ» Адама Смита, даващаго систематическое изложеніе ученія о свободѣ торговли, было издано въ 1776 году; между тѣмъ, политика свободной торговли была усвоена Англіею только въ 1846 году. Всѣ главные доводы въ пользу эмансипаціи католиковъ были высказаны Боркомъ между 1760 и 1797 годами, но законъ объ эмансипаціи католиковъ изданъ былъ лишь въ 1829 году. Рядъ фабричныхъ законовъ начинается съ 1802 года; движеніе, осязательнымъ результатомъ котораго являются они, достигло своего перваго рѣшительнаго торжества въ 1847 году и свое систематическое, хотя, разумѣется, и не окончательное, развитіе получило въ сводѣ рабочаго законодательства подъ названіемъ «Factory and Workshop Act» 1901 года.

Благодаря обычному консерватизму, свойственному даже горячимъ реформистамъ въ Англіи, и приѣмамъ англійскаго парламентскаго управленія, развитіе законодательнаго общественнаго мнѣнія становится еще болѣе медленнымъ вслѣдствіе укоренившагося предпочтенія къ законодательству частичному и постепенному. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ и подъ давленіемъ какого-нибудь кризиса англійскіе законодатели склоняются къ осуществленію сразу какого-либо широкаго начала и его

69598
логическихъ и необходимыхъ послѣдствій. Уже въ концѣ XVIII вѣка въ средѣ образованныхъ англичанъ окрѣпло убѣжденіе въ несправедливости ограниченія правъ католиковъ. Но уголовные законы противъ католиковъ отмѣнялись постепенно; они были смягчены въ 1778 и затѣмъ въ 1791 годахъ. Въ политическихъ правахъ католики были уравнены лишь въ 1829 году, при чемъ и послѣ этого не одинъ актъ парламента понадобилось издать для устраненія остатковъ прежнихъ уголовныхъ законовъ. Общій принципъ, что религіозное вѣрованіе или отсутствіе религіозныхъ убѣжденій не должно лишать человѣка политическихъ правъ, былъ наконецъ признанъ, но понадобился длинный рядъ актовъ, между 1721 и 1888 годами, чтобы принципъ этотъ получилъ полное осуществленіе даже по отношенію къ праву засѣдать въ парламентѣ. Сводъ рабочаго законодательства есть результатъ болѣе сорока мѣсяцевъ, изданныхъ въ XIX вѣкѣ. Смягченіе уголовного законодательства Англіи совершилось путемъ изданія серіи отдѣльныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый касался отдѣльныхъ видовъ преступленій. Если число преступныхъ дѣяній, караемыхъ смертною казнью, упало съ 160 до 2, то эта гуманизация англійскаго права составляетъ результатъ многихъ актовъ, проведенныхъ главнымъ образомъ между 1827 и 1861 годами.

Рядомъ съ медленностью развитіе англійскаго общественнаго мнѣнія характеризуется непрерывностью, которая въ рѣдкихъ случаяхъ нарушается какими-либо отклоненіями. Въ связи съ этимъ Дайси отмѣчаетъ нѣсколько характерныхъ свойствъ англійскаго общественнаго мнѣнія.

Общественное теченіе, вызывающее измѣненіе въ законодательствѣ, есть, въ извѣстномъ смыслѣ, теченіе того момента, когда совершается дѣйствительная перемѣна въ законодательствѣ; въ другомъ смыслѣ оно нерѣдко являлось въ Англіи теченіемъ, господствовавшимъ лѣтъ двадцать или тридцать передъ тѣмъ; въ дѣйствительности оно является теченіемъ не сегодняшнимъ, а вчерашняго дня.

Законодательное теченіе, конечно, должно быть теченіемъ дня, потому что, когда измѣняются законы, измѣненіе осуществляется законодателями, дѣйствующими въ убѣжденіи, что эта перемѣна есть исправленіе; но такое теченіе является также и теченіемъ вчерашняго дня, потому что убѣжденія, укоренившіяся настолько, чтобы вызвать измѣненіе закона, созданы были мыслителями и писателями, которые проявляли свое вліяніе задолго до совершившейся перемѣны въ законодательствѣ. Вполнѣ возможно, что какое-либо нововведеніе осуществляется уже тогда, когда люди, ратовавшіе въ пользу него, покоятся въ могилахъ, или даже когда обнаружилось уже движеніе противъ идей, получающихъ осуществленіе въ законодательствѣ.

«Нѣтъ ничего мистическаго, — говоритъ Дайси, — въ томъ пути, которымъ вчерашняя мысль или чувство направляетъ сегодняшнюю политику или законодательство. Законодательная работа совершается въ Англіи людьми пожилыми; политическіе дѣятели, руководящіе палатою общинъ, не говоря уже о пэрахъ, руководящихъ палатою лордовъ, имѣютъ очень немногіе менѣе тридцати лѣтъ, а большинство изъ нихъ свѣше сорока лѣтъ. Ихъ убѣжденія и, что еще важнѣе, ихъ предубѣжденія сложились въ пору

ранней молодости, которая является единственнымъ періодомъ жизни, когда люди легко поддаются новымъ идеямъ. Поэтому англійскіе законодатели сохраняютъ предразсудки или привычки мышленія, усвоенные ими въ юности, и когда въ болѣе пожитомъ возрастѣ имъ приходится принимать активное участіе въ законодательствѣ, они ведутъ свою законодательную работу въ соотвѣтствіи съ доктринами, господствовавшими вообще или въ кругу, къ которому они принадлежали, въ дни ихъ молодости. Слѣдовательно, законодатели 1850 года могутъ осуществлять теченія 1830, а законодатели 1880 могутъ внести въ книгу статутовъ убѣжденія 1860 гг., или, скорѣе, тѣ идеи, которыя привлекали юношей — въ первомъ случаѣ 1830-хъ годовъ, во второмъ — 1860-хъ».

4) Рядомъ съ господствующимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія обыкновенно существуютъ теченія противныя и теченія перекрестныя (*counter-currents and cross-currents of opinion*).

Подъ теченіемъ противнымъ разумѣется совокупность взглядовъ, вѣрованій и чувствъ, болѣе или менѣе противоположныхъ господствующему направленію. Съ одной стороны, такія теченія являются отраженіемъ идей и убѣжденій, утрачивающихъ свое вліяніе на данное поколѣніе, особенно на юную часть его. Съ другой стороны, они могутъ быть выраженіемъ новыхъ идеаловъ, начинающихъ оказывать вліяніе на молодежь; надежды и мечты поколѣнія, вступающаго въ жизнь, подрываютъ силу господствующаго направленія.

Теченія противныя, каковы бы ни были ихъ источ-

никъ, имѣютъ одно непремѣнное и одно возможное послѣдствіе.

Непремѣннымъ послѣдствіемъ является то, что теченія противныя оказываются тормозомъ для проявленій господствующаго направленія. Такъ, въ періодъ отъ 1830 до 1850 гг. тогдашній либерализмъ бентамовскій, въ ту пору достигшій высшаго авторитета, встрѣчалъ тормозъ въ старомъ торизмѣ, терявшемъ свое значеніе. Этимъ тормозился процессъ парламентской реформы, движеніе въ сторону демократіи. Первый актъ о реформѣ (1832 г.) оставался безъ измѣненія болѣе тридцати лѣтъ, хотя онъ далеко не удовлетворялъ ни радикаловъ, желавшихъ тайной подачи голосовъ, ни рабочихъ-демократовъ, ратовавшихъ за «народную хартію». Реформисты не въ меньшей степени, чѣмъ тори, испытывали на себѣ вліяніе противнаго теченія. Нѣкоторые изъ выдающихся членовъ министерства, проводшаго реформу 1832 г., въ 1834 г. сдѣлались консерваторами и въ 1841 г. вошли въ составъ консервативнаго кабинета.

Возможнымъ, но не необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго противнаго теченія можетъ быть отсрочка реформы на столь значительное время, что или ее оказывается невозможнымъ провести, или она получаетъ характеръ совершенно отличный отъ первоначально задуманной мѣры. Напримѣръ, когда въ 1785 г. вліяніемъ торизма было отвергнуто предложеніе Питта о лишеніи избирательныхъ правъ 36 «гнилыхъ» мѣстечекъ, съ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ, и о предоставленіи дополнительныхъ мѣстъ графствамъ и Лондону, то это имѣло своимъ ре-

зультатомъ далеко не одну отсрочку парламентской реформы почти на пятьдесятъ лѣтъ. Актъ 1832 года о реформѣ по существу явился мѣрою совершенно отличнымъ отъ предложенія Питта. Въ свою очередь въ самый разгаръ торжества либерализма 1830 года вліяніе его встрѣтило противодѣйствіе со стороны отжившаго торизма, и движеніе въ сторону демократіи задержалось до 1867 года. Но эта задержка была не простою отсрочкою либеральныхъ реформъ. Старый торизмъ погибалъ медленно. Успѣлъ возникнуть новый торизмъ, въ которомъ демократическое чувство, съ сильнымъ оттѣнкомъ социализма, сочеталось съ тою вѣрою въ «попечительный деспотизмъ государства» (paternal despotism of the State), которая входила въ составъ убѣжденій стараго торизма. Въ самомъ либерализмѣ въ концѣ концовъ видное мѣсто заняла увѣренность въ благотѣльномъ значеніи государственнаго вмѣшательства — черта, совершенно чуждая либерализму 1832 года.

Подъ терминомъ «перекрестныя» теченія общественнаго мнѣнія Дайси разумѣетъ совокупность убѣжденій и чувствъ, которыя, будучи достаточно сильными, чтобы оказывать воздѣйствіе на законодательство, являются, однако, до извѣстной степени независимыми отъ господствующаго направленія, хотя, быть можетъ, и не прямо враждебными ему.

Такія перекрестныя теченія являются часто, если не всегда, отраженіемъ особеннаго положенія или предубѣжденій отдѣльныхъ классовъ, каковы духовенство, армія или рабочіе, въ міровоззрѣніи которыхъ выступаетъ ихъ особенная точка зрѣнія. Такое теченіе отличается отъ те-

ченія противнаго тѣмъ, что оно не столько прямо противодѣйствуетъ господствующему направленію, сколько вызываетъ отклоненіе или видоизмѣненіе въ его проявленіяхъ. Такъ, чтобы надлежащимъ образомъ понять церковное законодательство послѣ 1832 года, историку необходимо принять въ соображеніе какъ главное теченіе общественнаго мнѣнія, съ характеромъ болѣе или менѣе антиклерикальнымъ, такъ и сильное перекрестное теченіе клерикальное, которое, будучи благопріятнымъ авторитету установленной церкви, повліяло на законодательство не только по чисто церковнымъ дѣламъ, но и въ такой области, какъ народное образованіе, которое на первый взглядъ стоитъ внѣ воздѣйствія религіозныхъ вѣрованій.

5) Законы, развивающіеся подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, сами въ свою очередь могутъ быть факторомъ въ развитіи теченій общественной мысли.

Въ каждомъ законѣ въ основѣ лежитъ какой-либо общій принципъ, который становится предметомъ общественнаго вниманія и можетъ оказать значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе законодательныхъ теченій. Нерѣдко значеніе законовъ выражается не столько въ непосредственныхъ результатахъ ихъ, сколько въ томъ воздѣйствіи, которое они оказываютъ на чувства и убѣжденія населенія.

Актъ о реформѣ 1832 года лишилъ нѣкоторые бурги избирательныхъ правъ и надѣлилъ извѣстное число гражданъ, принадлежавшихъ главнымъ образомъ къ среднимъ классамъ, правомъ участвовать въ избраніи членовъ парламента. Но дѣйствительное значеніе этого акта выразилось

въ томъ вліянні, какое онъ оказалъ на общественное мнѣніе. Съ этой точки зрѣнія реформа явилась революціею. Она измѣнила народное воззрѣніе на государственный строй и показала англичанамъ разъ навсегда, что учрежденія, которыя по традиціи представлялись какъ бы неизмѣнными, могутъ быть, легко и безъ насилія, измѣнены. Она придала авторитетность демократической доктринѣ и содѣйствовала укрѣпленію убѣжденія или иллюзіи, что воля народа можетъ быть выражаема только черезъ избранныхъ представителей.

Актъ о разводѣ 1857 года, повидимому, только облегчалъ возможность полученія развода. На самомъ дѣлѣ онъ далъ національную санкцію воззрѣнію на бракъ, какъ на договорное отношеніе, и укрѣпилъ убѣжденіе въ томъ, что брачный договоръ, подобно всякому соглашенію, можетъ подлежать расторженію, когда онъ не достигаетъ своей цѣли. Этотъ актъ и порожденныя имъ теченія находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ актами 1870—1893 гг. объ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти мѣры въ свою очередь содѣйствовали укрѣпленію того взгляда, что женщины должны быть передъ закономъ въ одинаковомъ съ мужчинами положеніи, и помогли развитію законодательства въ духѣ такого уравниенія. Въ этомъ отношеніи законы оказали глубокое воздѣйствіе не только въ области законодательныхъ теченій, но и въ области соціальныхъ воззрѣній страны на положеніе женщинъ.

Вліяніе законовъ на общественное мнѣніе есть лишь одно изъ проявленій того соотношенія, какое существуетъ

между развитіемъ политическихъ идей и политическими фактами; въ ряду такихъ фактовъ законы представляются важнѣйшими, и потому совершенно естественно ихъ вліяніе на общественное мнѣніе.

Для уясненія факторовъ развитія законодательства заманчивой и правдоподобной является теорія, въ силу которой ходъ англійскаго законодательства опредѣлился подъ вліяніемъ тенденции въ сторону демократіи. Этотъ тезисъ Дайси подвергаетъ внимательному разсмотрѣнію, высказывая рядъ весьма существенныхъ и интересныхъ соображеній.

Въ 1800 году государственный строй Англіи представляется аристократическимъ. Господствующее положеніе занималъ классъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ; общественныя условія, чувства и взгляды англичанъ 1800 года были еще болѣе аристократическими, чѣмъ сами политическія учрежденія. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что въ 1900 году, и даже значительно раньше, англійская конституція превратилась въ своего рода демократію. Преобладающее положеніе землевладѣльцевъ исчезло; уничтоженіе великимъ актомъ о реформѣ «гнилыхъ» мѣстечекъ было основою и признакомъ глубокой перемѣны въ системѣ управленія. Избирательныя права, принадлежавшія прежде главнымъ образомъ землевладѣльцамъ, были расширены, такъ что преобладающее положеніе перешло къ среднему классу и промышленникамъ. Въ 1867 г. избирательныя права были предоставлены городскимъ рабочимъ. Послѣдующее законодательство, завершившееся актами 1884—1885 гг., надѣлило тѣми же правами домохозяевъ

въ графствахъ, и въ концѣ концовъ въ Англіи установилась система, при которой она управляется демократіею домохозяевъ. Эти измѣненія въ политическихъ учрежденіяхъ сопровождались еще болѣе замѣчательными перемѣнами, въ демократическомъ направленіи, общественныхъ чувствъ.

Такимъ образомъ, переходъ отъ аристократіи къ демократіи представляется несомнѣннымъ. Не кроется ли именно въ этомъ переходѣ главная причина всѣхъ существенныхъ измѣненій въ законодательствѣ страны?

На этотъ вопросъ нужно отвѣтить, прежде всего, указаніемъ, что выраженіе «успѣхи демократіи» или, скорѣе, идея, вкладываемая въ это и подобныя ему выраженія, представляется неясною и неопредѣленною, и что, каковъ бы ни былъ смыслъ термина «успѣхи демократіи», развитіе новѣйшаго законодательства Англіи можетъ быть объяснено этими успѣхами въ гораздо меньшей степени, чѣмъ то кажется на первый взглядъ.

Терминомъ «демократія» обозначается или извѣстный общественный строй, или форма правленія. Такъ, въ сочиненіяхъ Токвилля подъ словомъ «демократія» разумѣется не государственная форма, а совокупность общественныхъ условій, при которыхъ существуетъ общее равенство въ правахъ и общность мыслей, чувствъ и идеаловъ. Демократія въ такомъ смыслѣ не имѣетъ необходимой связи ни съ индивидуальною свободою, ни съ народнымъ управленіемъ; съ послѣднимъ она совмѣстима въ такой же степени, какъ и съ деспотизмомъ или имперіализмомъ. При такомъ пониманіи термина «демократія», какъ сово-

купности общественныхъ условій, развитіе демократіи не можетъ быть ключомъ къ объясненію особенностей въ развитіи англійскаго права. Допустимъ, въ интересахъ аргументаціи (хотя въ дѣйствительности это предположеніе требуетъ значительныхъ ограниченій), что въ исторіи англійской, какъ и вообще европейской цивилизаціи проявляется постоянное, хотя и безсознательное движеніе въ сторону созданія условій равенства и общности, и что всякая перемѣна, въ томъ числѣ и измѣненія въ законодательствѣ, связана съ ростомъ демократіи или составляетъ его проявленіе, — и мы придемъ къ совершенно вѣрному, но безплодному заключенію, что развитіе англійскаго права и вообще англійскихъ учреждений въ XIX вѣкѣ обуславливается общимъ состояніемъ англійскаго общества. Это одно изъ тѣхъ объясненій, которыя, объясняя все, именно поэтому не объясняютъ въ сущности ничего.

Въ томъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, который англійскими писателями обыкновенно связывается со словомъ «демократія», подъ нею разумѣется не общественное состояніе, а форма государственнаго устройства, въ которой верховная власть принадлежитъ численному большинству гражданъ мужескаго пола. Въ этомъ смыслѣ «успѣхи демократіи» означаютъ переходъ верховной власти отъ одного лица или отъ привилегированнаго и немногочисленнаго класса къ большинству гражданъ.

Въ такомъ пониманіи формулы «успѣхи демократіи» ими дѣйствительно объясняются измѣненія въ англійской конституціи, хотя опять-таки до извѣстной степени. Нѣкоторыя замѣчательныя явленія, даже въ области консти-

туціоннаго права, не получаютъ объясненія въ самомъ фактѣ демократическаго прогресса. Почему, напр., конституція Англіи, податливой къ воздѣйствію общественнаго мнѣнія въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая страна, не сдѣлалась вполне демократическою и во всякомъ случаѣ представляется не столь демократическою, какъ конституціи Франціи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, или (что еще замѣчательнѣе) самоуправляющихся англійскихъ колоній, каковы Канада и Австралійскій союзъ? Не даетъ движеніе въ сторону демократіи объясненія и тому, какимъ образомъ о требованіи всеобщаго избирательнаго права, которое такъ рѣшительно заявлялось въ эпоху чартистскаго движенія въ серединѣ XIX вѣка, теперь почти не слышно вовсе.

Въ еще меньшей степени въ успѣхахъ демократіи можно почерпнуть объясненіе развитію тѣхъ отраслей законодательства, которыя не имѣютъ отношенія къ распредѣленію политической власти. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Мысль о томъ, что уже самымъ фактомъ существованія въ извѣстной странѣ демократическихъ учреждений объясняется ходъ развитія законодательства въ ней, опирается на признаніе, что демократія повсюду влечетъ за собою появленіе однородныхъ законовъ и учреждений. Это признаніе, весьма распространенное, не имѣетъ, однако, достаточнаго фактическаго обоснованія. Правда, мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ допустить, что въ демократической странѣ не можетъ быть проведенъ, или, по крайней мѣрѣ, оставаться долговѣчнымъ ни одинъ законъ, против-

ный желаніямъ народа или, другими словами, тѣмъ чувствамъ, которыя преобладаютъ въ большинствѣ гражданъ. Однако больше этого отрицательнаго заключенія нельзя извлечь изъ соотношенія между успѣхами демократіи и развитіемъ законовъ, не касающихся распредѣленія политической власти. Эта невозможность выступаетъ изъ того очевиднаго обстоятельства, что хотя въ демократической странѣ издаваемые законы должны соответствовать желаніямъ и вкусамъ народа, безусловно невозможно по априорнымъ соображеніямъ предсказать, изданія какихъ законовъ пожелаетъ народъ въ данное время.

Объясненіе того, что это положеніе, при всей его основательности, не пользуется общимъ признаніемъ, Дайси усматриваетъ въ странной иллюзіи, которой подвержены одинаково какъ сторонники, такъ и противники демократическихъ перемѣнъ. Демократія представляетъ собою сравнительно новую государственную форму. Реформисты, стремящіеся къ проведенію извѣстныхъ перемѣнъ, какъ напр., отдѣленіе церкви, созданіе крестьянской собственности или регулированіе труда государствомъ въ интересахъ рабочихъ, находятся въ положеніи, похожемъ на положеніе людей, ожидающихъ великихъ для страны благъ отъ возведенія на престолъ новаго монарха; они предполагаютъ, что новый суверенъ — въ данномъ случаѣ демократія — осуществитъ тѣ идеи благодѣтельнаго законодательства и хорошаго управленія, которыя исповѣдуются реформистами, обезпечившими за сувереномъ государственную власть. Виги 1830 г. полагали, что реформированный парламентъ осуществитъ идеи, которыя проводились на

страницахъ главнаго органа ихъ — «Edinburgh Review». Фритредеры 1846 г., несмотря на бывшій передъ ними примѣръ Франціи и Америки, отождествляли прогрессъ демократіи съ принятіемъ свободы торговли. Противники демократическихъ новшествъ также не были свободны отъ заблужденія, подобнаго тому, въ которомъ пребывали демократы со своими обманутыми ожиданіями. Тори и консерваторы, съ ужасомъ и отвращеніемъ наблюдавшіе успѣхи демократіи, полагали, что суверенный народъ непремѣнно будетъ поддерживать законодательство, ненавистное людямъ съ консервативными склонностями. Во время дебатовъ по биллю о реформѣ 1832 года тори, въ своихъ нападкахъ на него, предрекали развитіе несправедливыхъ законовъ. Люди, ненавидѣвшіе революцію, были не въ силахъ повѣрить, что демократы могутъ быть консервативны. Вообще, въ основѣ всѣхъ разсужденій о послѣдствіяхъ развитія демократіи постоянно лежитъ предположеніе о существованіи, такъ сказать, спеціальнаго демократическаго законодательства, которое непремѣнно будетъ проводиться во всякой демократической странѣ. Однако уроки исторіи не подтверждаютъ основательности этого предположенія.

Въ развитіе этой мысли Дайси останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ, выступающихъ въ жизни двухъ великихъ демократическихъ государствъ нашего времени — Англіи и Франціи.

Демократія въ современной Англіи проявила характерную терпимость, чтобы не сказать — почтеніе, къ тому соціальному неравенству, какое выступаетъ въ существо-

ваніи короны и наслѣдственной и титулованной пэріи. Народъ англійскій не проявилъ никакой враждебности ни къ большимъ помѣстьямъ, ни къ крупнымъ состояніямъ и въ теченіе XIX вѣка не обнаружилъ особенно горячаго желанія къ созданію большого класса крестьянъ-собственниковъ, въ чемъ передовые либералы видѣли средство облагодѣтельствовать страну. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе имущества поровну между дѣтьми или ближайшими родственниками умершаго, представляющее собою существенное условіе для сохраненія мелкой собственности, находится въ рѣшительномъ противорѣчій съ абсолютною свободою завѣщательныхъ распоряженій, къ которой англичане привыкли съ давнихъ поръ до такой степени, что она представляется имъ какъ бы естественнымъ правомъ. Съ другой стороны, англійское церковное устройство, какъ ни противорѣчитъ оно многимъ демократическимъ началамъ, не подвергалось существеннымъ нападкамъ, и установленная церковь оказывается въ 1904 г. болѣе вліятельною и болѣе популярною, чѣмъ въ 1830 г. Характерно также, что Англія, одна изъ всѣхъ демократій, сохраняетъ полную свободу торговли. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что настроеніе и склонности англійскаго народа (и это примѣнимо ко всякому другому великому народу) опредѣляются не столько однимъ развитіемъ демократіи, сколько историческими и даже, такъ сказать, случайными обстоятельствами. Отношеніе судебной власти къ власти исполнительной, къ парламенту и къ народу остается и теперь такимъ же, какимъ оно было въ началѣ XIX вѣка, и никому и въ голову не придетъ утверждать, что бы прави-

тельство и администрація не были подчинены законному контролю и законному вмѣшательству судей. Наконецъ, англійская система управленія представляется, со временъ 1689 года, всецѣло парламентарною. А верховенство парламента предполагаетъ въ Англіи постоянное измѣненіе законодательства страны. Англійскій парламентъ является въ настоящее время законодательнымъ механизмомъ, который, какая бы партія ни стояла у власти, находится постоянно въ дѣйствіи.

Франція представляетъ собою нѣчто совершенно иное.

Французская демократія относится отрицательно къ различіямъ по положенію, влекущимъ за собою политическое неравенство. Самую основу французскаго политическаго и общественнаго строя составляетъ обширный классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Завѣщательной свободы, въ англійскомъ смыслѣ слова, французы не знаютъ. Раздѣленіе имущества умершаго поровну между членами его семьи вполнѣ соотвѣтствуетъ французскимъ понятіямъ справедливости и препятствуетъ тому образованію большихъ наслѣдственныхъ имѣній, которое въ теченіе долгаго времени составляло замѣчательную особенность англійской соціальной жизни. О личной свободѣ и о томъ, что англичане разумѣютъ подъ религіозною свободою, означающею дѣйствительное право каждого человѣка защищать и проповѣдывать любую религіозную догму, которую онъ пожелаетъ принять, и о свободѣ ассоціаціи вообще—французская демократія до сихъ поръ мало заботилась. Отношеніе, существующее въ ней между судами и исполнительною властью, англичанамъ трудно понять; начало

раздѣленія властей, которое, надо замѣтить, до сихъ поръ остается однимъ изъ священныхъ принциповъ 1789 года, оказывается, въ толкованіи, какое это начало получаетъ во Франціи, безусловно несомѣстимымъ съ вмѣшательствомъ судей въ дѣятельность правительства или администраціи. Въ области промышленности и торговли французская демократія держится столь же ревностно протекціонизма, какъ англійская демократія—свободы торговли. Въ общемъ, французская демократія унаслѣдовала и восприняла традиціи монархіи и еще болѣе наполеоновской имперіи; и демократическая Франція, переживая революціи, едва затрогивающія обычную жизнь народа, оказывается, по сравненію съ Англіею, страной законодательнаго консерватизма.

Такимъ образомъ, въ успѣхахъ демократіи, какъ таковыхъ, какъ бы ни было велико значеніе ихъ во многихъ отношеніяхъ и болѣе всего въ области распредѣленія суверенной власти, нельзя найти объясненія развитію англійскаго законодательства. Это объясненіе слѣдуетъ искать въ тѣхъ различныхъ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, которыя господствовали въ тѣ или другіе періоды XIX вѣка въ Англіи. Сообразно съ этими теченіями Дайси находитъ возможнымъ раздѣлить исторію XIX вѣка въ этой странѣ на три періода.

1) Первый періодъ — эпоха стараго торизма или затишья въ законодательствѣ (1800—1830 гг.). Въ этомъ періодѣ политическія и иныя реформы встрѣчаютъ задержку, съ одной стороны, въ чувствѣ удовлетворенности существующимъ строемъ, нашедшей себѣ наилучшее выраженіе

въ ученѣмъ оптимизмѣ Блэкстона, и съ другой стороны — въ реакціонномъ настроеніи, которое развилось подъ впечатлѣніемъ крайностей французской революціи. Вторая часть этого періода характеризуется усиленіемъ реакціи: торизмъ 1815 и 1817 гг. менѣе разуменъ и болѣе суровъ; чѣмъ торизмъ 1800 г. Законы, изданные въ эти десятилѣтія, проникнуты реакціоннымъ духомъ и направлялись главнымъ образомъ къ подавленію якобинизма и агитаціи въ пользу реформъ. Наличие такого рода законовъ не нарушаетъ, однако, преобладающей особенности этого періода, выразившейся въ затишьѣ или даже застоѣ въ области правового развитія.

2) Второй періодъ (1825—1870 гг.) Дайси называетъ періодомъ бентамизма или индивидуализма. Это — эпоха реформъ на основахъ утилитаризма. Законодательство направляется доктриною, съ которою обыкновенно — и въ общемъ правильно — связывается имя Бентама. Движеніе, имѣвшее въ немъ если не творца, то, во всякомъ случаѣ, вдохновителя и выразителя, было прежде всего движеніемъ въ области правовыхъ реформъ, проникнутыхъ духомъ широкой индивидуальной свободы.

3) Третій періодъ — періодъ коллективизма (1865 — 1900 гг.). Подъ терминомъ «коллективизмъ», — говоритъ Дайси, — здѣсь разумѣется доктрина, нерѣдко именуемая (обыкновенно людьми, относящимися болѣе или менѣе враждебно къ ней) социализмомъ, — доктрина, благопріятствующая вмѣшательству государства, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущербомъ для индивидуальной свободы, въ цѣляхъ

обеспеченія интересовъ народныхъ массъ ¹⁾. Это теченіе общественной мысли, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не связывается съ какимъ-либо именемъ или даже съ названіемъ какой-нибудь опредѣленной школы. Оно усилилось и получило большое распространеніе во второй половинѣ XIX вѣка, и едва ли, по наличнымъ признакамъ, можно думать, что сила этого теченія исчерпана или что вліяніе его клонится къ упадку. Практическія тенденціи этого движенія общественной мысли въ Англіи лучше всего выступаютъ въ рабочемъ законодательствѣ и въ количественномъ развитіи правовыхъ нормъ, направленныхъ къ урегулированію экономическихъ отношеній въ интересахъ рабочихъ классовъ и, какъ полагаютъ коллективисты, ко благу націи.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ книги своей Дайси подвергаетъ тщательному анализу отмѣченныя теченія общественнаго мнѣнія въ ближайшемъ соотношеніи ихъ съ развитіемъ законодательства. Послѣдуемъ за талантливымъ авторомъ въ эту интересную и поучительную область и

¹⁾ Дайси подчеркиваетъ, что въ его работѣ съ терминомъ «коллективизмъ» связывается смыслъ нѣсколько иной сравнительно съ тѣмъ, какой усвоенъ ему въ социалистической литературѣ, какъ наименованію извѣстнаго направленія социалистическаго ученія. Онъ употребляется имъ въ качествѣ удобнаго противоположенія индивидуализму въ области законодательства. «Извѣстное лицо можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ коллективистомъ, — т.-е. держаться взглядовъ, не гармонирующихъ съ идеями индивидуализма, — и однако не раздѣлять тѣхъ общихъ убѣжденій, которымъ усвоено названіе социализма. Впрочемъ, хотя болѣе туманный терминъ «коллективизмъ» для моихъ настоящихъ задачъ представляется болѣе предпочтительнымъ, чѣмъ «социализмъ», я буду иногда пользоваться и этимъ послѣднимъ, какъ болѣе привычнымъ и распространеннымъ, въ смыслѣ эквивалентномъ «коллективизму».

постараемся извлечь изъ его изложенія и разсужденій все наиболѣе существенное. Предварительно отмѣтимъ нѣкоторыя общія замѣчанія Дайси объ отношеніи къ правовому развитію cadaго изъ трехъ теченій.

Застой въ законодательствѣ, въ началѣ XIX вѣка, не былъ вызванъ какою-либо правовою теоріею. Какимъ бы то ни было реформамъ противодѣйствовало чувство консерватизма, проистекавшее отъ оптимизма въ отношеніи къ существующимъ условіямъ и отъ возмущенія передъ революціею.

Бентамизмъ являлся опредѣленною доктриною, прямо направленною къ реформамъ въ правовой области. Отсюда ея непосредственное и огромное вліяніе на развитіе англійскаго права.

Коллективизмъ, въ XIX вѣкѣ, является скорѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною, и, поскольку онъ можетъ быть отождествленъ съ социализмомъ, представляетъ собою совокупность скорѣе экономическихъ и социальныхъ положеній, чѣмъ правовыхъ.

Выясненіе характера и вліянія коллективизма представляетъ извѣстныя трудности сравнительно съ изученіемъ стараго торизма или бентамовскаго индивидуализма, который, въ соотвѣтствіе съ привычнымъ словоупотребленіемъ, можно назвать либерализмомъ.

Эпоха торизма, въ своихъ особенностяхъ, выражается въ хорошо извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Бентамизмъ является опредѣленнымъ ученіемъ, формулы котораго легко можно раскрыть въ сочиненіяхъ Бентама и его учениковъ, а практическіе результаты его выступаютъ въ

длинномъ рядѣ статutowъ. Съ другой стороны, коллективизмъ даже теперь остается скорѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною; онъ, если и отнести къ нему какъ къ доктринѣ, никогда не былъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, формулированъ какимъ-либо мыслителемъ съ дарованіями и авторитетностью Бентама. Его принципы не сведены къ опредѣленнымъ положеніямъ политическаго или соціальнаго *credo*, и еще въ меньшей мѣрѣ были они примѣнены, хотя бы теоретически, къ правовой области съ тою ясностью и тою глубиною, какія были обнаружены Бентамомъ и его послѣдователями въ дѣлѣ примѣненія утилитаризма къ реформѣ въ законодательствѣ. Отсюда своеобразный контрастъ въ способахъ распознанія законодательнаго вліянія, съ одной стороны, бентамизма, съ другой—коллективизма. Въ первомъ случаѣ для объясненія измѣненій въ англійскомъ законодательствѣ изслѣдователю достаточно обратиться къ извѣстнымъ идеямъ или положеніямъ бентамовскаго либерализма; между тѣмъ наличность коллективистическихъ идей онъ можетъ доказать лишь путемъ обнаруженія соціалистическаго характера или тенденцій тѣхъ или другихъ парламентскихъ мѣръ.

II.

Эпоха стараго торизма (1800—1830 гг.).—Оптимизмъ и реакція.—Застой въ законодательствѣ.—Реакціонный актъ 1800 г. о коалиціяхъ.—Традиціи попечительнаго управленія.—Зачатки гуманитарнаго законодательства.—Потребность въ реформѣ представительства.

Первыя десятилѣтія XIX вѣка представляются годами застоя въ развитіи англійскаго законодательства—застоя,

вызваннаго съ одной стороны оптимизмомъ, господствовавшимъ въ общественномъ настроеніи въ отношеніи ко всему англійскому, съ другой — реакціонными теченіями, сложившимися подъ впечатлѣніями крайностей французской революціи.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху, которую Дайси называетъ вѣкомъ Блэкстона, — «въ англійскомъ обществѣ выступали рѣзкіе, хотя и поверхностные политическіе конфликты, но общею характерною чертою времени, несмотря на ударъ, нанесенный англійскому престижу успѣшнымъ возмущеніемъ тринадцати американскихъ колоній, являлось чувство самодовольства и патріотической гордости передъ величіемъ Англіи и политическими и соціальными результатами второй резолюціи (1688 г.)».

Типическимъ выразителемъ этого чувства можно признать Блэкстона, въ «Комментаріяхъ» котораго рѣзко сказывается преклоненіе передъ англійскими учрежденіями, «представляющими собою, въ гармоническомъ сочетаніи отдѣльныхъ частей,—по выраженію Блэкстона,—изящное цѣлое».

Столь же оптимистическое отношеніе встрѣчается и у другихъ авторитетныхъ писателей того времени, и даже въ области организациі представительства, реформа котораго становилась одною изъ главныхъ потребностей. Интересна слѣдующая выдержка, приводимая у Дайси изъ трактата Палея «Нравственная философія», при чемъ Дайси обращаетъ особенное вниманіе на то, что Палей высказалъ свои взгляды на представительство въ Англіи въ 1785 г., такъ что въ его сужденіяхъ не могли отразиться впечат-

лѣнія отъ французской революціи. «Прежде чѣмъ стремиться къ чему-нибудь большому, — говоритъ Палей, — посмотримъ хорошенько, что уже есть у насъ. У насъ есть палата общинъ, состоящая изъ 548 членовъ, въ числѣ которыхъ находятся наиболѣе значительные землевладѣльцы и коммерсанты королевства, выдающіеся представители арміи, флота и юриспруденціи, высшія должностныя лица государства, вмѣстѣ со многими частными лицами, выдающимися по своимъ знаніямъ, краснорѣчію или дѣятельности. Если интересы страны не безопасны въ такихъ надежныхъ рукахъ, то кому же она можетъ ввѣрить ихъ? Если такіе люди въ столь значительномъ числѣ подвержены вліянію нечистыхъ побужденій, то какое собраніе окажется свободнымъ отъ подобной опасности? Можетъ ли какая-нибудь новая схема представительства обезпечить болышую опытность или безкорыстіе? Съ этой точки зрѣнія и озабочиваясь не стремленіемъ къ гармоніи и пропорціональности (чѣмъ увлекаются многіе), а единственно практическими результатами, мы можемъ найти разумныя оправданія тѣмъ элементамъ теперешняго представительства, которые поверхностному наблюдателю кажутся въ высшей степени предосудительными и нелѣпыми».

Такіе взгляды на старинную систему представительства раздѣлялись большинствомъ государственныхъ дѣятелей того времени. И объясненіе или оправданіе оптимизма въ отношеніи къ политическому строю Англіи, — говоритъ Дайси, — нетрудно найти, если принять во вниманіе условія той эпохи.

На долю XVIII вѣка выпала задача умиротворенія.

Проблема, выдвинутая обстоятельствами времени передъ мыслителями и государственными дѣятелями, состояла въ томъ, чтобы найти наилучшій способъ положить конецъ распрямъ, порожденнымъ болѣе всего религіозными раздорами, и по возможности открыть путь къ мирному развитію. Эта проблема была разрѣшена въ Англіи раньше и полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ. Революція 1688 года нанесла смертельный ударъ произвольной власти и прочно обезпечила индивидуальную свободу. Съ другой стороны, актомъ о вѣротерпимости (въ 1689 г.) было положено основаніе широкой свободы мысли и обсужденія. А установленіе религіознаго мира послужило базисомъ для національнаго величія; оно сдѣлало возможнымъ соединеніе съ Шотландіею, что удвоило могущество Великобританіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе XVIII вѣка развились гуманитарныя теченія, вызвавшія значительное смягченіе на практикѣ многихъ суровыхъ положеній устарѣвшаго законодательства. Все это порождало въ умахъ англичанъ горделивое сознаніе своего превосходства передъ другими странами; англійская свобода, хотя и не достигшая всей полноты своего развитія, вызывала преклоненіе по разительному контрасту съ нетерпимостью и деспотизмомъ, которые губили Францію.

Подъ впечатлѣніемъ ужаса, возбужденнаго крайностями французской революціи, мягкій и оптимистическій консерватизмъ въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка преобразился въ суровый и реакціонный торизмъ. Послѣдствіемъ этого были, съ одной стороны, задержка въ про-

веденіи преобразованій, необходимыхъ для устраненія многочисленныхъ злоупотребленій, съ другой — изданіе ряда законовъ въ реакціонномъ духѣ.

Въ 1819 году появилась знаменитая «Черная Книга» (Black Book), которая произвела сильное впечатлѣніе и содѣйствовала возбужденію требованій реформъ и экономности въ государственныхъ расходахъ — требованій, въ 1830 году ставшихъ непреодолимыми. Въ этой книгѣ фактами и цифрами доказывалось, что всѣ отрасли государственнаго и церковнаго управленія полны злоупотребленій, что государственныя средства, извлекаемые при помощи налоговъ, обременявшихъ народъ, тратятся непроизводительно на пенсіи, sinecуры и т. под.

Застой въ законодательствѣ получилъ характерное выраженіе въ равнодушномъ отношеніи къ тѣмъ злоупотребленіямъ, о которыхъ говорилось въ «Черной Книгѣ». Еще болѣе выразительно сказался онъ въ индифференцизмѣ, который проявлялся и законодателями, и обществомъ въ отношеніи ко многимъ законамъ и обычаямъ, затрогивавшимъ частные интересы и причинявшимъ немалый вредъ и несправедливость. Землевладѣльцы, напр., широко пользовались пружинными ружьями и волчьими ямами для охраны дичи на своихъ земляхъ, отъ чего могли серьезно пострадать даже и невинные прохожіе. Однако пользованіе такими опасными смертоносными орудіями санкціонировалось англійскими судами (въ Шотландіи оно было признано преступнымъ) и было воспрещено парламентомъ только въ 1827 году. Еще примѣръ. За обвиняемымъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи (felony), напр., въ

убійствѣ и кражѣ, не признавалось право имѣть защитника. Это правило поражаетъ своею жестокостію и несправедливостію. Оно не отличалось и послѣдовательностію, такъ какъ законъ разрѣшалъ имѣть защитника обвиняемому и въ легкомъ уголовномъ проступкѣ (*misdeemeanor*), и въ государственной измѣнѣ (*treason*). Однако въ 1824 и 1826 годахъ палата общинъ отказала въ разрѣшеніи внести билль объ устраненіи этой несправедливости, и только въ 1836 г., черезъ четыре года послѣ акта о парламентской реформѣ, изданъ былъ законъ, предоставляющій каждому обвиняемому имѣть защитника.

Періодъ законодательнаго застоя ознаменовался, однако, изданіемъ нѣсколькихъ законовъ двоякаго рода: одни носятъ характеръ реакціонныхъ мѣръ, отражая теченія напуганнаго торизма; другіе являются реформами, либо вызванными непреодолимыми требованіями времени, либо навѣянными вліяніемъ гуманизма, который съ 1800 года получалъ все болѣе широкое распространеніе.

Рѣзкимъ примѣромъ реакціоннаго законодательства представляется актъ 1800 года о коалиціяхъ въ промышленной области. Главною задачею его было воспрещеніе всякаго рода коалицій, временныхъ или постоянныхъ, среди рабочихъ, въ цѣляхъ добиться увеличенія заработной платы или другихъ требованій въ отношеніи къ условіямъ найма. Онъ направлялся противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ (*трэдъ-юніоновъ*). Правда, этотъ статутъ воспрещалъ, подъ угрозою наказаній, и коалиціи хозяевъ съ цѣлью пониженія заработной платы или увеличенія продолжительности работы и количества послѣдней. Для исто-

рика направленій общественной мысли это обстоятельство имѣетъ значеніе, такъ какъ изъ него видно, что въ 1800 г. парламентъ былъ противъ всякаго рода коалицій. Но практическаго вліянія эта мѣра въ отношеніи къ предпринимателямъ не имѣла.

Для рабочихъ тяжесть запретовъ акта 1800 г. увеличивалась особенно тѣмъ, что онъ долженъ былъ примѣняться въ связи съ нормами о преступномъ соглашеніи (conspiracy). При широкомъ толкованіи послѣдняго въ результатѣ оказывалось, что всякій рабочій, который избличался въ организаціи стачки или въ участіи въ трэдъ-юніонѣ, признавался преступникомъ и подлежалъ тюремному заключенію; стачка считалась преступленіемъ, а трэдъ-юніонъ—противозаконнымъ союзомъ.

Съ точки зрѣнія идей ХХ-го вѣка, — замѣчаетъ по этому поводу Дайси, — такое положеніе вещей представляется малопонятнымъ и нестерпимымъ. «Кто, спросимъ мы, были тиранами, лишившими рабочихъ всякой свободы, и каково было состояніе общественнаго мнѣнія, санкціонировавшаго такую тиранію? Придется отвѣтить, что люди, приведшіе актъ о коалиціяхъ, не были деспотами и что этотъ актъ вполнѣ отвѣчалъ господствовавшему теченію времени. Парламентъ 1800 г. дѣйствовалъ подъ руководствомъ Питта. Въ числѣ его членовъ были Фоксъ и Вильберфорсъ, и такое собраніе, конечно, нельзя назвать равнодушнымъ къ чувствамъ гуманности. Могутъ замѣтить, что идеи рабочихъ классовъ не были въ немъ представлены. Это вѣрно, но рабочіе были представлены и въ парламентѣ 1824 года не лучше, чѣмъ въ парламентѣ

1800 г., однакоже парламентъ 1824 г. отмѣнилъ актъ о коалиціяхъ и освободилъ экономическіе союзы отъ дѣйствія законовъ о преступныхъ соглашеніяхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что законы о коалиціяхъ 1799 и 1800 гг. прошли черезъ парламентъ безъ обсужденія, отъ котораго остался бы слѣдъ, имѣетъ рѣшительное значеніе. Въ законѣ 1800 года отразилось господствующее теченіе дня».

Это теченіе опредѣлялось, прежде всего, страхомъ передъ союзами, обусловленнымъ свѣжими еще воспоминаніями о царствѣ террора во Франціи. Со стороны англичанъ, бывшихъ свидѣтелями деспотизма якобинскаго клуба, который въ послѣднемъ періодѣ своего владычества отправлялъ на гильотину, въ одномъ Паражѣ, около двухсотъ гражданъ въ недѣлю, довольно понятенъ этотъ страхъ передъ клубами или союзами. Такого рода опасенія сказались и въ нѣсколькихъ другихъ актахъ (1797, 1729 и 1817 гг.), направленныхъ противъ обществъ съ мятежными замыслами.

Съ другой стороны, въ то время выступала традиція попечительнаго управленія, которая была унаслѣдована отъ предшествующей эпохи и которая вполне гармонировала съ торизмомъ. Эта традиція выразилась въ двухъ проявленіяхъ. Однимъ было убѣжденіе, что рабочіе обязаны довольствоваться разумнымъ, т.-е. обычнымъ вознагражденіемъ. Другимъ проявленіемъ той же традиціи было обезпеченіе государствомъ (на средства состоятельныхъ классовъ и особенно землевладѣльцевъ) поддержки рабочимъ, которые не могли найти работы. Поддержка эта оказывалась въ видѣ пособій, которыя выдавались рабочимъ изъ сбо-

ровъ въ пользу бѣдныхъ, въ соотвѣтствіе съ составомъ ихъ семей, если ихъ заработокъ не достигалъ установленной въ данной мѣстности нормы.

Что касается реформъ, проведенныхъ въ періодъ законодательнаго застоя, то въ нихъ Дайси усматриваетъ разительное подтвержденіе зависимости законодательства отъ господствующихъ теченій общественнаго мнѣнія. Большинство этихъ реформъ носитъ гуманитарный характеръ; таковы, напр., воспрещеніе торга рабами (1806), частичная отмѣна примѣненія позорнаго столба (1816), отмѣна тѣлесныхъ наказаній женщинъ (1820), первая попытка воспретить жестокое обращеніе съ животными (1822), упраздненіе государственныхъ лотерей (1826 — 1827).

Всѣ эти мѣры были вызваны требованіями гуманизма, который получалъ все болѣе широкое распространеніе среди представителей самыхъ разнообразныхъ политическихъ, религіозныхъ и философскихъ воззрѣній. Свободомыслящихъ послѣдователей Бентама, виговъ-филантроповъ въ родѣ Фокса, тори-гуманитаристовъ, какъ Питтъ, послѣдователей евангелизма, съ Вильберфорсомъ во главѣ, — всѣхъ объединяло одинаковое стремленіе устранить жестокости и страданія физическія и нравственныя.

«Эти факты, — говоритъ Дайси, — имѣютъ безграничное значеніе для всѣхъ интересующихся изученіемъ общественнаго мнѣнія; они напоминаютъ намъ, что въ эпоху, омраченную общею грубостью, реформисты разныхъ направленій объединились въ крестовомъ походѣ противъ жестокости; они говорятъ намъ также, что періодъ поли-

тической реакціи можетъ быть эпохою постоянного возрастанія гуманныхъ чувствъ. Между 1800 и 1830 годами бентамизмъ заложилъ основы своего будущаго господства. Еще не достигнувъ преобладающаго положенія, онъ уже оказывалъ около 1830 г. замѣтное вліяніе въ государственной жизни». А вмѣстѣ съ тѣмъ въ области религіозной выступило движеніе евангелизма, которое въ не меньшей степени, чѣмъ бентамизмъ, проводило идеи гуманности.

Типичнымъ образчикомъ филантропическаго законодательства Дайси признаетъ первый фабричный законъ 1802 года (Health and Morals Act).

До того времени не было вовсе фабричнаго законодательства. Этотъ первый актъ въ данной области былъ проведенъ сэромъ Робертомъ Пилемъ (отцомъ знаменитаго министра), который самъ былъ мануфактуристомъ по профессіи и тори по политическимъ убѣжденіямъ. Мѣра эта была выраженіемъ не какого-либо общаго принципа, а практическихъ потребностей момента. Въ Манчестерѣ появилась эпидемія, жертвами которой погибли многіе изъ подростковъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Распространеніе болѣзни объяснялось плохимъ питаніемъ и дурными условіями, въ которыхъ приходилось работать этимъ подросткамъ, — большею частью находившимся на попеченіи приходскихъ органовъ призрѣнія, помѣстившихъ ихъ на фабрику въ обученіе. Актомъ 1802 г. регулировалась, до извѣстной степени, работа такихъ учениковъ на бумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. Онъ установилъ нѣкоторыя нормы санитарнаго и нравственнаго характера; напр., помѣщенія должны два раза въ годъ вымываться нега-

шеною извѣстью съ водою; каждому ученику должны быть выданы двѣ смѣны платья; ученики не могутъ быть занимаемы работою болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки; ученикамъ разныхъ половъ должны быть отводимы отдѣльныя помѣщенія; на одной кровати могутъ спать не болѣе двоихъ; по воскреснымъ днямъ ученики должны быть обучаемы въ теченіе часа началамъ христіанской религіи. Этотъ законъ, заслуживающій особеннаго вниманія по связи съ фабричнымъ законодательствомъ послѣдующей эпохи, о которомъ намъ придется много говорить въ дальнѣйшихъ главахъ, не находится ни въ малѣйшемъ несоотвѣтствіи съ теченіями, господствовавшими въ ту пору. Онъ былъ дѣломъ благожелательныхъ тори и являлся моральнымъ протестомъ противъ жестокости; онъ возникъ изъ потребностей момента и ни въ чемъ не былъ обязанъ ни росту демократіи, ни идеямъ социализма.

Конецъ періода стараго торизма можетъ быть приуроченъ къ 1830 году, когда съ особенною силою проявилось движеніе, въ результатъ котораго затишье въ области законодательства смѣнилось оживленною и энергичною работою по реформѣ различныхъ отраслей англійскаго права. Потребность въ этой реформѣ была порождена тѣмъ несоотвѣтствіемъ, которое обнаруживалось между быстро измѣнявшимися социальными условіями и неизмѣнностью правовыхъ нормъ и которое становилось все болѣе нестерпимымъ для тѣхъ слоевъ населенія, которые въ новыхъ условіяхъ выступали все болѣе замѣтными факторами общественной и государственной жизни.

Первыя десятилѣтія XIX-го вѣка, бывшія въ области

законодательства періодомъ застоя, въ жизни народа явились эпохою знаменательныхъ соціальныхъ перемѣнъ. Особенно рѣзко проявились эти послѣднія въ ту пору, когда, по успѣшномъ завершеніи долгой борьбы съ Франціею, для Англіи начался періодъ расцвѣта ея промышленнаго развитія. Рядъ замѣчательныхъ изобрѣтеній въ машинномъ дѣлѣ, прорытіе каналовъ, широкое примѣненіе пара, открытіе залежей каменнаго угля, — все это, вызывая ростъ промышленныхъ предпріятій, содѣйствовало тому, что Англія изъ страны земледѣльческой быстро превращалась въ страну промышленную. Количество населенія росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось и перемѣщеніе центровъ населенія. До конца XVIII вѣка наиболѣе населенными частями Англіи были южныя и западныя графства. Съ начала XIX вѣка происходятъ отливъ населенія и сосредоточеніе богатствъ на сѣверѣ; возникаютъ новые центры въ Ланкаширѣ и въ сѣверныхъ графствахъ, которыя прежде представляли собою пустынные пространства съ кое-гдѣ разбросанными маленькими городками и селеніями. Города, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ и Ливерпуль, получали все большее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе промышленныхъ предпринимателей росло и отодвигало прежде столь вліятельные классы землевладѣльцевъ и коммерсантовъ.

Между тѣмъ, измѣнявшимся соціальнымъ условіямъ совершенно не отвѣчали нормы устарѣвшаго законодательства, и прежде всего система парламентскаго представительства. Палата общинъ, до соединенія съ Ирландіею, состояла изъ 548 членовъ, изъ которыхъ 200 избирались не болѣе какъ 7.000 избирателей. Большинству этихъ

7.000 человѣкъ принадлежалъ голосъ, перевѣшивавшій взгляды и желанія многихъ милліоновъ. Доля политической власти, которою располагалъ человѣкъ, опредѣлялась въ зависимости отъ весьма случайныхъ обстоятельствъ. Если его владѣніе находилось въ такой-то части королевства, ему принадлежала одна десятитысячная доля вліянія при избраніи одного представителя; въ другой части — одна тысячная; въ какой-либо другой мѣстности онъ могъ оказаться однимъ изъ двадцати лицъ, избирающихъ двухъ представителей, а въ другомъ мѣстѣ онъ самъ могъ располагать правомъ назначить двухъ членовъ. Живя въ такомъ-то городѣ, онъ могъ вовсе не имѣть права участія въ выборахъ; тогда какъ Корнваллисъ оказывался щедро надѣленнымъ правомъ избрать 42 представителей, — ни Бирмингамъ, ни Манчестеръ не имѣли ни одного представителя.

Эти несообразности въ системѣ представительства, вызывавшія попытки измѣненія ея уже во второй половинѣ XVIII вѣка, становились все болѣе чувствительны для населенія по мѣрѣ того, какъ совершались указанные перемѣны въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ. Наиболѣе сильный аргументъ въ защиту до-реформеннаго парламента, а именно — что въ немъ представлены всѣ болѣе значительные элементы въ государствѣ, съ каждымъ годомъ терялъ свое значеніе. Классъ промышленный и городскіе рабочіе получили большое значеніе въ странѣ, а между тѣмъ въ парламентѣ они не имѣли надлежащаго представительства. Реформа послѣдняго становилась поэтому неотложною потребностью времени.

Рядомъ съ этимъ все болѣе ощущалась необходимость въ преобразованіи и другихъ отраслей управленія и законодательства, совершенно не отвѣчавшаго новымъ условіямъ и запросамъ.

Проведенію этихъ преобразованій не могло уже препятствовать одно изъ главныхъ основаній, вызывавшихъ отрицательное отношеніе торизма къ какимъ-либо реформамъ. Ужасы французскаго террора отошли въ прошлое и являлись простымъ преданіемъ для людей, которые вступили въ общественную жизнь между 1815 и 1830 годами. Эти люди ознакомились на опытѣ съ узкостью взглядовъ тори, тѣмъ болѣе, что торизмъ, по странной случайности, становился все менѣе разсудительнымъ и все болѣе реакціоннымъ какъ-разъ въ то время, когда Ватерлоо и прочный миръ, за нимъ послѣдовавшій, лишили противодѣйствіе реформамъ и ограниченіе свободы того оправданія, какое они имѣли въ эпоху рѣшительной борьбы за національную независимость.

Въ еще большей мѣрѣ дѣлу преобразованій помогла наличность новаго, вполне сложившагося направленія общественной мысли. Это направленіе нашло своихъ учителей въ лицѣ Бентама и его учениковъ. Ими была обезпечена пріемлемая программа реформъ. «Утилитарный индивидуализмъ,—говоритъ Дайси,—который, подъ названіемъ либерализма, на многіе годы опредѣлилъ ходъ развитія англійскаго законодательства, былъ не чѣмъ инымъ, какъ бентамизмомъ съ тѣми модификаціями, которыя вносились опытною, благоразуміемъ или осторожностью практическихъ политиковъ. Созданіе этого либерализма было

смертельнымъ ударомъ старому торизму; имъ положенъ былъ конецъ періоду законодательнаго застоя».

III.

Періодъ бентамизма или индивидуализма (1825—1870 гг.).—Бентамъ и основныя черты индивидуализма.—Свобода договорныхъ отношеній.—Право союзовъ и индивидуальная свобода.—Причины успѣховъ бентамизма.—Характерныя черты законодательства въ періодъ бентамизма.—1) Переходъ политической власти.—2) Проведеніе началъ гуманности.—3) Расширеніе области индивидуальной свободы.—4) Охраненіе права.

Второй изъ тѣхъ трехъ періодовъ, на которые Дайси дѣлитъ исторію законодательства въ Англіи въ XIX вѣкѣ, онъ называетъ эпохою индивидуализма или бентамизма.

Эпохою индивидуализма этотъ періодъ, обнимающій время между 1825 и 1870 годами, можетъ быть названъ потому, что въ развитіи законодательства здѣсь выступаетъ, въ качествѣ преобладающаго теченія, стремленіе обезпечить за личностью возможно болѣе широкую индивидуальную свободу; а «бентамизмомъ» онъ можетъ быть названъ потому, что преобладавшее въ области законодательства теченіе общественной мысли имѣло главными своими вдохновителями и выразителями — Бентама и его учениковъ.

«Бентамъ, — говоритъ Дайси, — родился въ 1748 г., два года спустя послѣ крушенія послѣдней попытки возвратить престолъ Стюартамъ; умеръ онъ въ 1832 году,

передъ самымъ проведеніемъ акта о парламентской реформѣ. Такимъ образомъ, восемьдесятъ четыре года его жизни покрываютъ періодъ, отдѣляющій послѣднюю попытку установить дѣйствительное верховенство короны отъ начала современнаго демократическаго правленія въ Англіи. Этотъ періодъ выходитъ за предѣлы XVIII вѣка, но хотя Бентамъ и прожилъ почти до конца первой трети XIX вѣка, однако по духу онъ былъ всецѣло сыномъ XVIII вѣка и въ Англіи является лучшимъ представителемъ гуманизма и просвѣтительныхъ стремленій этого столѣтія».

Бентамъ съ юныхъ лѣтъ сосредоточился на изученіи англійскаго права. Отецъ его, богатый стряпчій (атторней) въ Лондонѣ, подмѣтивъ выдающіяся дарованія сына, мечталъ сдѣлать изъ него блестящаго юриста, который современемъ могъ бы занять со славою положеніе Мансфильда или Эльдона въ должности лорда-канцлера. Честолюбивые замыслы отца были для сына источникомъ немалыхъ мученій, но въ результатѣ изученія дѣйствующаго права Іеремія Бентамъ явился замѣчательнымъ знатокомъ англійскаго законодательства, что весьма пригодилося ему въ его дальнѣйшей ученой и литературной дѣятельности. Сильный логическій умъ, весьма выдающіяся критическія способности и умѣнье схватывать общіе принципы направили работу Бентама въ сторону обнаруженія многихъ существенныхъ недостатковъ англійскаго права и отысканія способовъ наилучшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго устраненія ихъ. Не сдѣлавшись самъ практическимъ юристомъ, Бентамъ оказалъ, однако, огромныя услуги про-

веденію многихъ важныхъ реформъ въ различныхъ отрасляхъ законодательства. Онъ находилъ, что эти реформы должны быть проводимы по извѣстному плану, на основахъ твердыхъ принциповъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Бентамъ развилъ и этотъ планъ, и эти принципы, создавъ систематическое ученіе, нашедшее многихъ послѣдователей въ средѣ писателей и политическихъ дѣятелей.

Принципами, легшими въ основу ученія Бентама, были принципы утилитаризма. Примѣненіе начала полезности къ законодательству приводило къ установленію коренного положенія, по которому главною задачею каждаго закона является обезпеченіе возможно бѣльшаго благополучія возможно бѣльшаго числа людей ¹⁾. Въ виду же того, что каждый человекъ самъ можетъ быть признанъ наилучшимъ судьей своего счастья, законодательство должно стремиться къ устраненію всѣхъ тѣхъ ограниченій свободной дѣятельности индивида, которыя не представляются необходимыми для обезпеченія такой же свободы за другими.

Этотъ послѣдній принципъ, обозначаемый обыкновенно формулою «laissez faire», занялъ въ правовой док-

¹⁾ Эту формулу Бентамъ воспринялъ, въ самомъ началѣ своихъ работъ, отъ Пристлея изъ брошюры, въ которой цѣль жизни опредѣлялась какъ обезпеченіе «возможно бѣльшаго счастья за возможно бѣльшимъ числомъ людей». «Этою брошюрою и этою формулою,—говорилъ Бентамъ,—опредѣлились мои принципы въ области морали публичной и частной. Изъ этой брошюры я заимствовалъ формулу, слова и смыслъ которой получили такое широкое распространеніе въ цивилизованномъ мірѣ. При видѣ ея я пришелъ въ экстазъ и, какъ Архимедъ при открытіи закона гидростатики, воскликнулъ—*Eureka*».

ринѣ Бентама очень видное мѣсто и оказалъ огромное вліяніе и на интенсивность, и на характеръ движенія въ области законодательныхъ реформъ ¹⁾. Для Бентама и его послѣдователей съ принципомъ «laissez faire» вовсе не была связана готовность мириться съ наличными условіями жизни. Это былъ боевой кличъ протеста противъ всякаго ограниченія въ отношеніи къ свободѣ человѣческаго существованія и развитія индивидуальныхъ свойствъ,—противъ всякаго ограниченія, не оправдываемаго какимъ-нибудь опредѣленнымъ требованіемъ полезности.

Изъ указанныхъ положеній англійскіе индивидуалисты выводили существенное для практики заключеніе:—законодательство должно расширить область договорныхъ отношеній и обезпечить обязательность выполненія договорныхъ условій. Признавая, что вообще А, В и С могутъ каждый лучше кого-либо другого судить о своемъ интересѣ, естественно прійти къ заключенію, что, при условіи отсутствія насилія или обмана, имъ должна быть предоставлена полная возможность связывать себя другъ передъ другомъ всякими соглашениями, какія они считаютъ желательными, т.-е. которыя въ ихъ глазахъ благопріятствуютъ ихъ интересамъ или, другими словами, обезпечиваютъ ихъ благополучіе. Въ свободѣ договоровъ индивидуалисты видѣли лучшее средство уничтожить рядъ старинныхъ институтовъ, представлявшихъ серьезное препятствіе гармоническому развитію общества. Поэтому они

¹⁾ Дайси оговариваетъ, что не слѣдуетъ забывать о вліяніи Адама Смита и его послѣдователей въ области правовыхъ реформъ, но въ ту пору экономисты и бентамисты составляли одну школу.

энергически возставали противъ всего того, что ослабляло обязательную силу договоровъ или что ограничивало свободу индивидовъ вступать въ договорныя отношенія. Не случайными обстоятельствами было то, что Бентамъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, возставалъ противъ законовъ о ростовщичествѣ, или что свобода денежнаго обращенія, свобода торговли и труда являлись лозунгами для государственныхъ людей, которые держались идей Бентама. Съ другой стороны, индивидуализмъ обезпечилъ легализацію развода, которая представляется не чѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ области договорной свободы.

Однако самое стремленіе къ обезпеченію договорной свободы, будучи проявленіемъ индивидуализма, приводитъ къ возникновенію ряда вопросовъ, на которые не легко дать отвѣтъ съ точки зрѣнія индивидуализма. Между индивидуальною свободою и свободою договорною возможна рѣзкая коллизія, на которую Дайси находитъ нужнымъ обратить особенное вниманіе въ интересномъ анализѣ.

Должно ли быть признано за заемщикомъ право получить извѣстную сумму, которой онъ настойчиво требуетъ, предлагая уплатить самые ростовщическіе проценты? Должна ли быть признана за человѣкомъ возможность заключить договоръ, обязывающій его быть всю жизнь чѣмъ-либо слугою? Въ болѣе общей формѣ вопросъ можетъ быть поставленъ такъ: должно ли быть признано право налагать на себя обязательство по договору за всякимъ совершеннолѣтнимъ, который дѣйствуетъ созна-

тельно и не подѣ влияніемъ обмана, но который однако находится въ такомъ положеніи, при которомъ, подѣ давленіемъ своихъ нуждъ, онъ не можетъ вступить въ выгодную для себя сдѣлку?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на эти и имъ подобные вопросы за индивидомъ обезпечивается полная свобода вступать въ договоры, но онъ въ силу самаго договора, который ему предоставляютъ заключить, находится въ опасности потерять всю свою дѣйствительную свободу. Если же, напротивъ, указанные вопросы рѣшаются отрицательно, то, конечно, многіе окажутся защищенными отъ извѣстныхъ проявленій жестокости или несправедливости, но договорная свобода будетъ принесена въ жертву, при чемъ теряетъ свое значеніе основная идея индивидуалистическаго законодательства о томъ, что люди сами лучшіе судьи своего интереса. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и во многихъ другихъ, которые легко себѣ представить, затрудненіе заключается въ наличности постоянной опасности того, что неограниченная договорная свобода, признаваемая проявленіемъ и какъ бы развитіемъ индивидуальной свободы, можетъ однако оказаться для индивида, ее осуществляющаго, источникомъ лишенія его той самой свободы, проявленіемъ которой она признается. Вопросъ объ опредѣленіи надлежащей границы договорной свободы представляетъ собою проблему большой практической важности.

Желательно ли установить извѣстные предѣлы осуществленія права ассоціаціи или права союзовъ, которое есть не что иное, какъ право двухъ или болѣе гражданъ

вступать въ соглашеніе о совмѣстномъ преслѣдованіи какой-либо общей цѣли?

Это право отличается той особенностью, что оно имѣетъ двѣ различныя и даже противоположныя стороны, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія оно разсматривается. На него можно, съ одной стороны, смотрѣть какъ на дальнѣйшее развитіе индивидуальной свободы каждого гражданина—права его распоряжаться своими дѣлами по своему усмотрѣнію, поскольку онъ не затрагиваетъ законныхъ правъ своихъ ближнихъ, откуда слѣдуетъ, что тому образу дѣйствій, котораго могутъ законно держаться X, Y или Z, дѣйствуя каждый въ отдѣльности, они могутъ законно слѣдовать и дѣйствуя совмѣстно въ силу соглашенія между собою. Но, съ другой стороны, право ассоціаціи можетъ быть разсматриваемо какъ право весьма своеобразное въ томъ отношеніи, что осуществленіе его можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сильно ограничивать свободу индивидовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ угрожать авторитету государства. Это обусловливается тѣмъ, что люди, дѣйствуя совмѣстно въ преслѣдованіи какой-либо общей задачи, имѣютъ склонность создать сообщество, которое, не по какой-нибудь юридической фикціи, а по самому существу своему отличается отъ индивидовъ, изъ которыхъ оно составилось. Корпоративный духъ есть реальное и сильное чувство, понуждающее людей въ своихъ дѣйствіяхъ или подниматься выше, или—еще чаще—опускаться ниже обычнаго нравственнаго уровня, которымъ они сами, какъ отдѣльныя лица, регулируютъ свое поведеніе. Кромѣ того, со-

общество, созданное соглашеніемъ, — естественная корпорация, если можно такъ выразиться, — будетъ ли то политическая лига, церковь или рабочій союзъ, уже самымъ существованіемъ своимъ ограничиваетъ свободу своихъ членовъ и постоянно тяготѣетъ къ ограниченію свободы постороннихъ лицъ. Комбинированная сила общества создается вслѣдствіе отказа отъ извѣстной доли индивидуальной свободы со стороны каждого изъ его членовъ, и въ результатъ такого отказа общество можетъ располагать силою гораздо большею, чѣмъ та, которую могли бы проявить всѣ его члены, дѣйствуя въ отдѣльности; дисциплинированный полкъ въ тысячу человѣкъ, дѣйствующихъ подъ командою, обладаетъ силою нападенія гораздо болѣе грозною, чѣмъ когда тысяча человѣкъ, хотя и вооруженныхъ, дѣйствуютъ безъ дисциплины и порознь. Такимъ образомъ, ассоціація можетъ постоянно пріобрѣтать новыя силы, которыя ограничиваютъ свободу третьихъ лицъ. Для отдѣльнаго гражданина часто оказывается невозможнымъ не подчиниться велѣніямъ какой-либо политической ассоціаціи или церковнаго союза. Поэтому право ассоціаціи, рассматриваемое даже съ чисто теоретической точки зрѣнія, имѣетъ какой-то парадоксальный характеръ. Право, которое представляется, повидимому, необходимымъ развитіемъ индивидуальной свободы, можетъ, какъ оказывается, стать фатальнымъ для индивидуальной свободы, проявленіемъ которой оно должно бы быть. И этотъ теоретическій парадоксъ приводитъ къ практическому вопросу, который въ Англіи запутывалъ все законодательство о союзахъ.

Могутъ ли X, Y и Z законно обязаться другъ передъ другомъ дѣйствовать совмѣстно ради достиженія того, что каждый изъ нихъ можетъ совершить, дѣйствуя отдѣльно и безъ уговора съ другими?

Если этотъ вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, договорная свобода и, слѣдовательно, индивидуальная свобода дѣйствій получаетъ законное, повидимому, развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въвиду вещей, непосредственно появляются два результата. Свобода дѣйствій X, или Y, или Z ставится на будущее время, въ силу заключеннаго ими соглашенія, въ ограниченные предѣлы, а ихъ комбинированная дѣятельность можетъ сильно затронуть свободу какого-либо третьяго лица T. Такъ, если X, Y и Z, будучи предпринимателями, обяжутся никогда не принимать какого-нибудь рабочаго, участвовавшаго въ стачкѣ, или же если они, будучи рабочими, обяжутся никогда не работать вмѣстѣ съ какимъ-либо лицомъ, которое не состоитъ членомъ рабочаго союза, — то и свобода индивида X вести свои дѣла или работать на желательныхъ для него условіяхъ, и свобода T, бывшаго лидеромъ стачки или отказавшагося примкнуть къ рабочему союзу, могутъ быть сведены на нѣтъ, при чемъ онъ можетъ лишиться средствъ къ существованію.

Если, съ другой стороны, поставленный выше вопросъ разрѣшается отрицательно и, въ интересахъ индивидуальной свободы, законъ воспрещаетъ X, Y и Z объединяться для цѣлей, которыя каждый изъ нихъ, дѣйствуя порознь, можетъ законно преслѣдовать, то договорная свобода X,

Y и Z, или, другими словами, свобода ихъ дѣйствій подвергается существенному стѣсненію.

Какое же рѣшеніе указанной проблемы представляется болѣе правильнымъ съ точки зрѣнія принциповъ индивидуализма? По мнѣнію Дайси, бентамиты не дали на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Въ сущности они никогда ни отдавали себѣ яснаго отчета ни въ значеніи, ни въ трудности тѣхъ проблемъ, которыя въ теченіе послѣднихъ 50—60 лѣтъ возникали по вопросу о тѣхъ предѣлахъ, въ которые должно быть поставлено право ассоціаціи. Этотъ недочетъ въ доктринѣ бентамитовъ имѣетъ весьма большое значеніе. Онъ,—говоритъ Дайси,—тѣсно связанъ съ тенденціею всѣхъ индивидуалистовъ пренебрегать соціальною стороною человѣческой природы. Въ области же законодательства, какъ и вездѣ, неясность мысли приводила — и всегда будетъ приводить — къ неясности въ дѣйствіяхъ.

Затѣмъ Дайси указываетъ, что изъ основныхъ положеній утилитаризма выводилось заключеніе, которое образуетъ соединительное звено между бентамизмомъ и демократіею. Оно состоитъ въ признаніи, что каждому человѣку должна быть предоставлена одинаковая доля участія въ политической власти; логическое же развитіе этого положенія приводило къ установленію, что наилучшею формою государственнаго устройства является демократія. Мэнъ въ своей монографіи о демократіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ взгляды бентамитовъ въ этомъ отношеніи. «Каждый человѣкъ преслѣдуетъ свой собственный интересъ такъ, какъ онъ понимаетъ его, и, слѣдова-

тельно, та часть общества, которой принадлежитъ политическая власть, будетъ пользоваться ею въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. Для того, чтобы предотвратить это, нужно надѣлать политическою властью все общество. Невозможно, что бы оно злоупотребляло ею, такъ какъ интересъ, который оно будетъ стараться преслѣдовать, есть интересъ всѣхъ, а интересъ всѣхъ и является настоящею цѣлью всякаго законодательства».

Стоя на почвѣ строгихъ утилитарныхъ принциповъ, нельзя ожидать, чтобы какое-либо другое правленіе, кромѣ демократіи, могло проводить законы въ интересахъ общаго благополучія: настоящій монархъ будетъ преслѣдовать свой собственный интересъ; олигархія будетъ управлять въ интересахъ не всѣхъ, а лишь части гражданъ. Значеніе этихъ логическихъ соображеній усиливалось дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ ту эпоху въ Европѣ вообще и въ частности въ Англіи. Во всѣхъ отрасляхъ права, какъ публичнаго, такъ и частнаго, обнаруживалось преобладаніе извѣстныхъ классовъ, вліяніе узкихъ интересовъ. Вотъ почему бентамиты вообще являлись демократами и, обратно, демократы того времени—бентамитами.

Переходя къ анализу причинъ того успѣха, который имѣли доктрины бентамизма, Дайси говоритъ, что онъ объясняется отчасти переходными обстоятельствами той эпохи, отчасти же нѣкоторыми постоянными свойствами англійской общественной мысли.

Бентамизмъ, прежде всего, отвѣчалъ непосредственнымъ запросамъ времени. Около 1825 года въ Англіи широко распространилось убѣжденіе въ необходимости

коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ страны; но англичане всѣхъ классовъ, виги и реформисты не въ меньшей степени, чѣмъ тори, относились съ недовѣріемъ къ теоріи естественныхъ правъ и остерегались усвоенія какихъ-либо якобинскихъ принциповъ. Догматизмъ и реторика французской революціи потеряли свою прелесть даже въ глазахъ радикаловъ англійскихъ. Тотъ, кто могъ бы повести Англію по пути реформъ, не долженъ былъ говорить ни объ общественномъ договорѣ, ни о естественныхъ правахъ, ни о правахъ человека, ни о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Этимъ условіямъ вполнѣ отвѣчали Бентамъ и его ученики. Они ненавидѣли и подвергали насмѣшкамъ туманныя обобщенія, сантиментализмъ и реторику; они отвергали ученіе объ общественномъ договорѣ, а революціонный догматизмъ никогда не вызывалъ такой рѣзкой критики, какъ та, которой Бентамъ подвергъ «Декларацію правъ человека и гражданина».

«О чемъ всего болѣе нужно напоминать народу,—писалъ онъ,—такъ это объ его обязанностяхъ; что касается его правъ, то, каковы бы они ни были, онъ достаточно склоненъ самъ позаботиться о нихъ...; великими врагами общественнаго мира являются своекорыстныя и антисоціальныя страсти... Какова была цѣль, цѣль постоянная и очевидная, этой деклараціи такъ называемыхъ правъ? По возможности еще болѣе усилить эти страсти, безъ того слишкомъ сильныя, разорвать то, что сдерживало ихъ, сказать корыстнымъ страстямъ: «смотрите, все это ваша добыча!» и страстямъ раздраженнымъ: «смотрите, всюду враги ваши!»

Бентамъ былъ не агитаторомъ, а глубокимъ и систематическимъ мыслителемъ, который поставилъ передъ собою не туманные и неопредѣленные идеалы, а совершенно ясный и опредѣленный планъ реформъ съ цѣлью практическаго улучшенія англійскаго законодательства—реформъ, отвѣчавшихъ лучшимъ стремленіямъ англійскихъ среднихъ классовъ.

Однако въ еще большей степени сила утилитаризма обуславливалась соотвѣтствіемъ его нѣкоторымъ постояннымъ тенденціямъ англійской общественной мысли, традиціонному консерватизму англичанъ.

Большинство бентамитовъ были демократы, но наиболѣе демократическіе изъ утилитаристовъ не покушались на основы англійскаго общественнаго строя. Они оставались вѣрными господствующимъ представленіямъ объ индивидуальномъ благополучіи и національномъ благосостояніи. Къ социализму всякаго рода они относились вполнѣ отрицательно; съ неодобреніемъ смотрѣли они на проявленія государственнаго вмѣшательства; къ мѣрамъ скрытаго социализма они относились гораздо болѣе враждебно, чѣмъ тори-филантропы, представителемъ которыхъ въ литературѣ былъ Соути, а въ области частной благотворительности—лордъ Шафтсбери. «Философскіе радикалы» предлагали реформировать англійское законодательство не посредствомъ коренной революціи, а путемъ обезпеченія за всѣми англичанами тѣхъ правъ собственности и индивидуальной свободы, которыя теоретически принадлежали всѣмъ англичанамъ, но которыми, вслѣдствіе недостатковъ законодательства, цѣлые классы не могли пользоваться.

Въ видѣ примѣра Дайси указываетъ, что за каждымъ признавалось право на возвращеніе долговъ, но до созданія судовъ графства (County Courts) бѣдному человѣку часто было трудно, если не невозможно, взыскать слѣдующее ему по причинѣ страшной дороговизны судебного процесса.

Утилитаризмъ въ примѣненіи къ законодательству являлся не чѣмъ инымъ, какъ систематизированнымъ индивидуализмомъ, а индивидуализмъ всегда былъ присущъ англичанамъ.

Въ теченіе долгихъ конфликтовъ, которыми ознаменовалась конституціонная исторія Англіи, индивидуализмъ означалъ ненависть къ произвольной прерогативѣ короны или, другими словами, къ коллективной и самодержавной власти государства; онъ питалъ и осмысливалъ инстинктивное и упорное стремленіе обезпечить за каждымъ англичаниномъ, безъ различія положенія, господство закона. Бентамизмъ былъ логическимъ и систематическимъ развитіемъ этихъ индивидуальныхъ правъ, и особенно права индивидуальной свободы, которая была всегда такъ дорога англійскому общему праву (common law).

Въ какой мѣрѣ прочно и глубоко былъ усвоенъ бентамизмъ или индивидуализмъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ совершенно опредѣленно и точно. Начиная съ 1832 года, преобладаніе индивидуализма въ средѣ классовъ, имѣвшихъ вліяніе на законодательство, представляется въ теченіе многихъ лѣтъ безспорнымъ и очевиднымъ.

Со времени проведенія акта 1832 г. о парламентской реформѣ политическая жизнь развивалась подъ руковод-

ствомъ лидеровъ, которые, несмотря на различія въ партійныхъ оттѣнкахъ, были прежде всего индивидуалисты и утилитаристы. Философскіе радикалы, Гротъ, Ребукъ и Молесвортъ были ревностными послѣдователями Бентама. Брумъ, Россель, Маколей и другіе виги, называли ли они себя бентамитами или нѣтъ, были убѣжденными сторонниками утилитаризма.

Лидеры манчестерской школы не могутъ быть причислены къ философскимъ радикаламъ; это были просвѣщенные дѣловые люди, которые стремились скорѣе къ реформамъ въ области промышленности, чѣмъ политическимъ или социальнымъ. Но въ области политики они слѣдовали идеямъ Бентама въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая группа либераловъ.

Бентамизмъ не былъ монополіей либераловъ. Консерваторы, слѣдовавшіе за Пилемъ, иронически улыбнулись бы передъ наименованіемъ ихъ утилитаристами, но вмѣстѣ съ людьми своего поколѣнія они въ значительной степени восприняли доктрины Бентама. Они примыкали къ старымъ тори въ противодѣйствіи дальнѣйшимъ конституціоннымъ измѣненіямъ, но подъ руководствомъ Пилиа они признавали, что постепенныя реформы и умѣлое завѣдываніе внутреннимъ управленіемъ, въ связи съ обезпеченіемъ внѣшняго мира, приведутъ къ національному благополучію.

Наконецъ, даже руководители рабочихъ классовъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были бентамитами. Сами трэдъ-юніонисты восприняли формулы, если не принципы экономистовъ того времени, и надѣялись, что начало «laissez faire», при правильномъ его истолкованіи, обезпе-

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛІИ

читъ за рабочими надлежащія средства социальнаго и политическаго усовершенствованія. Среди чартистовъ можно встрѣтить нѣсколько приверженцевъ социалистическихъ идеаловъ, но чартизмъ не былъ движеніемъ социалистическимъ. Народная хартія, формулированная въ 1838 году, была чисто политическою программой, которая соотвѣтствовала доктринѣ демократическаго бентамизма.

Либерализмъ бентамовскаго типа не только былъ господствующимъ теченіемъ въ эпоху реформъ, но вплоть до второй половины XIX вѣка не обнаруживалъ, по крайней мѣрѣ въ парламентѣ, серьезныхъ признаковъ упадка. Въ этомъ вполне убѣждаетъ направленіе общественнаго мнѣнія, напр., въ 1850 или 1852 году. Философскіе радикалы (которымъ суждено было быть защитниками народнаго дѣла и никогда не снискать народнаго довѣрія или расположенія) почти уже исчезли, какъ партія, но практическій индивидуализмъ былъ господствующимъ теченіемъ времени. Если въ ту пору оставалось мало ревностныхъ учениковъ Бентама, какими были Джонъ Милль и его друзья, когда за двадцать или тридцать лѣтъ передъ тѣмъ они горячо пропагандировали утилитаризмъ, то въ дѣйствительности то время было торжествомъ Бентама и умѣренный утилитаризмъ являлся общепринятымъ политическимъ credo. Пореформенный парламентъ, хотя его законодательство и не удовлетворило всѣхъ стремленій философскаго радикализма, оказался надлежащимъ орудіемъ для постепеннаго проведенія утилитарной реформы. Крупнымъ политическимъ перемѣнамъ насталь, повидимому, конецъ. Чартизмъ рушился 10 апрѣля 1848 года, и со

стороны рабочихъ прекратились требованія демократическихъ нововведеній. По соображеніямъ партійной борьбы, въ 1852, 1854, 1859 и 1860 гг. вносились билли о парламентской реформѣ, но они не возбуждали общаго интереса. Въ 1859 году Брайтъ предпринялъ агитацію въ пользу распространенія политическихъ правъ на всѣхъ домохозяевъ; его краснорѣчіе собирало обширныя аудиторіи, но не зажгло народнаго энтузіазма, и ораторъ, какъ говорятъ, сравнилъ свои усилія съ безплоднымъ «стеганіемъ палой лошади».

Событія 1848 года и непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ дискредитировали республиканизмъ и въ Англіи затормозили успѣхи демократіи. Они имѣли даже болѣе значительныя послѣдствія: въ глазахъ англійскаго здраваго смысла они изобличили социализмъ не только во вредности, но и въ абсурдности. Бокль въ 1857 году восхищалъ всю Англію своими красивыми періодами, въ которыхъ излагались принципы и общія мѣста царившаго въ ту пору либерализма, а Джонъ Милль, наслѣдственный представитель бентамизма, два года спустя издалъ свой трактатъ «О свободѣ», въ которомъ тысячи его горячихъ послѣдователей видѣли окончательное развитіе безусловной истинности индивидуализма и твердое обоснованіе доктрины о томъ, что охрана свободы есть единственно великая задача мудраго законодательства и здоровой политики. Въ качествѣ характернаго признака времени можно отмѣтить, что единственнымъ значительнымъ законодательнымъ актомъ, который проведенъ былъ Пальмерстономъ, былъ законъ 1857 г. о разводѣ—законъ, отвѣчав-

шій всецѣло доктринѣ бентамизма. Ко всему этому нужно прибавить огромное нравственное и умственное воздѣйствіе, которое было оказано непрерывнымъ развитіемъ законодательства въ духѣ бентамизма, и болѣе всего отмѣною хлѣбныхъ законовъ и тѣмъ ростомъ благосостоянія, причиною котораго считалась эта отмѣна. Эта непрерывность въ развитіи законодательства въ духѣ бентамизма является главнымъ проявленіемъ, а съ извѣстной точки зрѣнія и главною причиною господства индивидуализма въ теченіе почти всего періода существованія реформированнаго парламента (т.-е., до второй крупной реформы его въ 1867 г.).

Самый обзоръ законодательства въ періодъ бентамизма Дайси производитъ не въ порядкѣ его хронологическаго развитія, а сообразно съ тѣми главными задачами, осуществленіе которыхъ составляло цѣль вдохновителей и выразителей этого направленія. Такихъ задачъ было четыре: 1) переходъ политической власти въ руки того класса, который признавался достаточно обширнымъ и интеллигентнымъ для того, чтобы интересы его могли быть отождествлены съ интересами наибольшаго числа; 2) проведеніе началъ гуманности; 3) развитіе и расширеніе области индивидуальной свободы; 4) созданіе правового механизма, соотвѣтствующаго задачѣ охраненія равныхъ правъ всѣхъ гражданъ.

1) *Переходъ политической власти.* — Актъ о реформѣ 1832 года, проведенію котораго энергически содѣйствовали послѣдователи Бентама, не представляется, съ современной точки зрѣнія, очень широкою демократическою

реформою. Цѣлью его было уменьшить власть джентри и сосредоточить преобладающую политическую власть въ рукахъ среднихъ классовъ. Эта цѣль и была вполнѣ достигнута. Но, можно спросить, почему демократы-бентамиты такъ ревностно содѣйствовали проведенію закона, который представлялъ собою такой скромный шагъ на пути развитія демократіи? Отчасти на этотъ вопросъ можно отвѣтить, что виги не имѣли ни желанія, ни возможности пойти далѣе въ демократическомъ направленіи; но болѣе полное объясненіе указаннаго заключается въ томъ, что актъ о реформѣ въ значительной мѣрѣ удовлетворялъ желанія и стремленія бентамовскаго либерализма. Бентамизмъ былъ по существу своему выраженіемъ міровоззрѣнія среднихъ классовъ, а именно средніе классы болѣе, чѣмъ какой-либо другой слой общества, были склонны осуществить стремленія утилитаризма.

Реформа городского управленія актомъ 1835 года является дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи демократическаго бентамизма. Она устранила массу практическихъ недочетовъ, которые были особенно ненавистны утилитаристамъ. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, передала управленіе городовъ среднимъ классамъ и даже тѣмъ обывателямъ бурговъ, которые принадлежали къ болѣе низкимъ слоямъ.

2) *Проведеніе началъ гуманности.*—Эта задача вытекала изъ основныхъ принциповъ философіи Бентама, которые побуждали утилитаристовъ выступить съ рѣшительнымъ протестомъ противъ жестокости и ненужныхъ страданій. Къ этой области относится рядъ реформъ въ уголовномъ законодательствѣ: отмѣна тѣлесныхъ наказаній женщинъ;

упраздненіе позорнаго столба (1837); постепенное (за время между 1827 и 1861 годами) сокращеніе числа преступленій, караемыхъ смертною казнью, которая оставлена лишь для случаевъ убійства; реформированіе тюремъ; почти полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній, какъ кары за преступленіе; упраздненіе публичности смертной казни убійць. Результатомъ того же гуманитарнаго движенія были различныя мѣры защиты дѣтей, рядъ законовъ (начиная съ 1828 г.), составившихъ цѣлый кодексъ мѣръ защиты душевно-больныхъ и обезпеченія людей здоровыхъ отъ незаконнаго помѣщенія въ дома для умалишенныхъ. Къ этой же области относятся законы о воспрещеніи жестокаго обращенія съ животными.

Побужденіями гуманности вызвана была также эмансипація негровъ, но эта мѣра относится скорѣе къ другой области индивидуалистическаго законодательства, предметомъ которой является—

3) *Расширеніе области индивидуальной свободы.* — Терминъ «индивидуальная» или «личная свобода» понимается здѣсь въ очень широкомъ смыслѣ. Развитіе индивидуальной свободы, какъ объектъ бентамовскаго законодательства, безъ сомнѣнія, включаетъ въ себя ту свободу личности или то право безпрепятственнаго распоряженія собою, которое защищается институтомъ Habeas Corpus и привлеченіемъ къ отвѣтственности за противозаконное лишеніе свободы, но оно включаетъ въ себя также и устраненіе всякихъ ненужныхъ ограниченій, которымъ законъ или обычай подвергаетъ свободу дѣйствій индивидуальнаго гражданина. Цѣлью реформистовъ-бентамитовъ было

обеспечить за каждымъ лицомъ всю ту свободу, которая совмѣстима съ предоставленіемъ такой же свободы каждому другому гражданину. Въ этихъ видахъ въ теченіе сорока лѣтъ, слѣдовавшихъ за актомъ о реформѣ, въ различныя области права внесены были соотвѣтственные измѣненія.

Однимъ изъ главныхъ руководящихъ началъ въ этихъ реформахъ было обезпеченіе свободы договора. Во имя этого принципа перестали (1844) считаться преступными скупка и барышничество, отмѣнены (1833—1854) законы о ростовщичествѣ, навигаціонные законы (1846 и 1849). Актомъ 1835 г. и позднѣйшимъ законодательствомъ бракъ сталъ считаться договоромъ, могущимъ подлежать расторженію (1857 г.), подобно всякимъ другимъ договорамъ, съ соблюденіемъ однако нѣкоторыхъ особенныхъ условій и черезъ высшій судъ.

Стремленіемъ расширить свободу договоровъ вызвана была также реформа законовъ о коалиціяхъ и союзахъ рабочихъ, въ силу актовъ 1824 и 1825 гг.

Актомъ 1824 года были отмѣнены всѣ существовавшія, въ силу статутовъ и общаго права, ограниченія въ отношеніи къ возможности для рабочихъ соединеній предъявлять требованія о сокращеніи рабочаго времени, увеличеніи заработной платы и о другихъ условіяхъ труда, а также вынуждать другихъ къ отказу отъ работы. Такого рода коалиціи не подлежали уголовному преслѣдованію и освобождались отъ примѣненія къ нимъ карательныхъ нормъ за преступное соглашеніе (*conspiracy*). Одинаковыя права предоставлялись и соединеніямъ предпринимателей. Съ другой стороны, актъ 1824 года установилъ наказаніе

(двухмѣсячное тюремное заключеніе) за насиліе, угрозы и умышленное причиненіе вреда.

Въ этомъ актѣ выразились два характерныхъ убѣжденія бентамитовъ и экономистовъ: 1) трудъ долженъ быть столь же свободно предметомъ обмѣна, какъ всякій другой товаръ, и 2) рабочіе и предприниматели должны подлежать дѣйствію одинаковыхъ правовыхъ нормъ.

Немедленное измѣненіе акта 1824 года было вызвано слѣдующими обстоятельствами. «Рабочіе, впервые получившіе обезпеченіе права коалицій,—говоритъ Дайси,—воспользовались своимъ новымъ правомъ неблагоразумно, чтобы не сказать несправедливо. Произошли многочисленныя стачки, и эти стачки сопровождались актами насилія и давленія. Въ Глазго рабочіе «бойкотировали», какъ сказали бы мы теперь, одного непопулярнаго мануфактуриста и старались разорить его. Классы, имѣвшіе вліяніе въ парламентѣ, были объаты паникою, и тревога ихъ не была безосновательною. Отсюда требованіе отмѣны акта 1824 года».

Въ 1825 году изданъ былъ новый актъ по тому же предмету. Онъ поставилъ свободу соединеній въ болѣе тѣсныя рамки и установилъ мѣры предосторожности противъ давленія со стороны рабочихъ массъ на предпринимателей и на тѣхъ рабочихъ, которые не находили для себя желательнымъ примкнуть къ движенію. За рабочими, какъ и за предпринимателями, актъ 1825 г. признавалъ право, при посредствѣ коалицій, устанавливать условія рабочаго времени и заработной платы, но осуществленіе этого права въ формахъ острыхъ могло вызвать уголов-

ное преслѣдованіе участниковъ по обвиненію ихъ въ преступномъ соглашеніи (conspiracy). При такихъ условіяхъ стачка, не будучи сама по себѣ явленіемъ преступнымъ, могла при извѣстныхъ условіяхъ быть признана «conspiracy»; съ другой стороны, принадлежность къ рабочему союзу сама по себѣ не являлась преступленіемъ, но рабочий союзъ не пользовался признаніемъ закона и не могъ рассчитывать на какую-либо юридическую защиту.

При всемъ различіи обоихъ актовъ въ нихъ въ сущности нѣтъ коренного противорѣчія. «Закономъ 1824 года бентамиты и экономисты расширили право соединеній въ цѣляхъ расширенія области индивидуальной свободы; актомъ 1825 года искренніе индивидуалисты, къ числу которыхъ, конечно, можетъ быть отнесенъ Пиль, ограничили право соединеній въ цѣляхъ охранить договорную свободу рабочихъ и хозяевъ. Люди, проведшіе актъ 1824 г., имѣли въ виду примѣнить въ отношеніи къ труду начало свободной торговли; они не хотѣли ограничивать договорную свободу тѣхъ, которые предпочитали не присоединяться къ трэдъ-юніонамъ или противодействовали имъ. Оба акта, повидимому противоположные, въ дѣйствительности являются лишь различными выраженіями того принципа «laissez faire», который былъ однимъ изъ жизненныхъ убѣжденій утилитаристовъ».

Къ области расширенія индивидуальной свободы должны быть отнесены также многочисленные статуты, задачею которыхъ было обезпечить свободу распоряженія собственностью, въ частности земельною собственностью. Сюда же можетъ быть отнесена реформа (1834) системы

призрѣнія бѣдныхъ въ томъ ея значеніи, какое она имѣла для охраненія права собственности отъ тѣхъ жертвъ, которыя это право несло при прежнихъ порядкахъ въ области общественнаго призрѣнія, когда на счетъ сборовъ съ состоятельныхъ людей давались обязательныя пособія людямъ, уклонявшимся отъ работы и предпочитавшимъ жить подачками.

Дайси упоминаетъ, наконецъ, о тѣхъ актахъ, которые расширяли сферу свободы мнѣній и свободу религіозную, подчеркивая въ особенности отмѣну тѣхъ ограниченій, которыя закрывали доступъ въ парламентъ представителямъ тѣхъ или другихъ исповѣданій, не допускавшихъ принесенія присяги въ формулѣ установленной для членовъ англиканской церкви.

4) *Надлежащее охраненіе правъ.*—Бентамъ и его послѣдователи проявили большую энергію въ обеспеченіи за каждымъ дѣйствительной возможности защитить свои права. Въ этихъ видахъ они старались преобразовать судебную процедуру и, освободивъ ее отъ устарѣлыхъ пріемовъ, поставить ее въ уровень съ современными потребностями: сдѣлать суды болѣе доступными, удешевить процессъ и упростить его. Судебная процедура, со всѣми техническими деталями ея, составляла излюбленный предметъ вниманія и изученія Бентама, который видѣлъ въ ея усовершенствованіи средство обезпечить за каждымъ правовую защиту. Право, не получающее защиты, не имѣетъ реальнаго существованія; медленность и дороговизна суда, недостаточная доступность его порождаютъ несправедливости не менѣе значительныя, чѣмъ формальное

отрицаніе правъ. «То увлеченіе,—говоритъ Дайси,—съ какимъ относился Бентамъ къ улучшенію процедуры, было проявленіемъ желанія его дать защиту индивидуальной свободѣ, и результатомъ этого увлеченія, возбужденнаго Бентамомъ, было то, что въ теченіе семидесяти лѣтъ постоянно дѣлались усилія въ цѣляхъ улучшенія правового механизма—усилія, увѣнчавшіяся замѣтнымъ успѣхомъ».

Обозрѣніе періода бентамизма или индивидуализма Дайси заканчиваетъ слѣдующими соображеніями:

«Чѣмъ глубже вникаешь въ изученіе того обновленія, которому подверглись англійскія учрежденія подъ вліяніемъ Бентама, тѣмъ болѣе рѣзко выступаетъ вліяніе, оказываемое на развитіе права общественнымъ мнѣніемъ. Ничто не дѣлается путемъ насилія; всякая переменна производится или задерживается или предотвращается подъ вліяніемъ,—и вліяніемъ, повидимому, непреодолимымъ,—какой-то невидимой силы. Старанія обструкціонистовъ или реакціонеровъ не приводятъ ни къ чему; торизмъ Эльдона, военная суровость герцога Веллингтона, разумный консерватизмъ Пия и, позднѣе, гораздо менѣе разумный консерватизмъ лорда Пальмерстона, все это на самомъ дѣлѣ задерживаетъ движеніе переменъ лишь на такіе періоды времени, которые въ жизни народовъ являются простыми моментами. Съ другой стороны, стремительность демократовъ и пылкость энтузіастовъ достигаютъ немного въ дѣлѣ ускоренія переменъ. Въ XVIII вѣкѣ одинъ герцогъ былъ склоненъ рекомендовать всеобщее избирательное право. Его требовали чартисты, которымъ, казалось, между 1830 и 1848 годами суждено было довести

парламентскую реформу до ея логическаго заключенія. И однако теперь, когда Англія представляется гораздо болѣе демократическою, чѣмъ въ серединѣ XIX-го вѣка, избиратели, которые могли бы легко добиться любого желательнаго для нихъ измѣненія, довольствуются условіями значительно менѣе демократическими, чѣмъ даже предоставленіе избирательныхъ правъ всѣмъ домохозяевамъ безъ ограниченія извѣстнымъ цензомъ; можно даже найти доказательства (хотя не слѣдуетъ забывать, что не все доказуемое оказывается вѣрнымъ), что реформы или измѣненія, произведенныя за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, значительно увеличили популярность короны, пэріи и церкви. Вникнувъ въ тѣ измѣненія, которыя осуществились, и—что столь же важно—въ тѣ измѣненія, которыя не осуществились въ законодательствѣ страны, мы всюду замѣтимъ воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, и чудится намъ, что мы въ рукахъ какого-то таинственнаго вліянія, которое дѣйствуетъ съ неизбежностью рока. Но это суевѣрное чувство исчезнетъ, если мы вспомнимъ, что общественное мнѣніе есть не что иное, какъ мнѣніе общества,—т.-е. господствующіе взгляды неопредѣленнаго числа англичанъ».

IV.

Періодъ коллективизма (1865—1900 гг.).—Зарожденіе соціальныхъ проблемъ.—Эволюція теченія протеста противъ индивидуализма.—Переворотъ въ области соціальныхъ и политическихъ взглядовъ.—Торійская филантропія и зарожденіе фабричнаго законодательства.—Столкновеніе между индивидуализмомъ и коллективизмомъ.—Новое направленіе въ области рабочаго движенія.—Политическія реформы и новыя теченія въ сферѣ законодательства.

Приступая къ обзорѣнію явленій третьяго періода въ развитіи англійскаго законодательства въ XIX вѣкѣ—періода «коллективизма», считаю необходимымъ напомнить читателямъ, что съ терминомъ «коллективизмъ» А. Дайси соединяетъ смыслъ нѣсколько иной сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, въ какомъ этотъ терминъ обыкновенно употребляется въ экономической литературѣ. Подъ нимъ онъ разумѣетъ не столько опредѣленную схему социалистическаго ученія, сколько вообще совокупность доктринъ противоположныхъ индивидуализму въ широкой области законодательства.

Начало періода коллективизма Дайси относитъ къ 1865—1870 гг., но уже въ эпоху полного торжества индивидуалистическихъ теченій слышны были голоса выдающихся мыслителей, которые, признавая необходимость коренныхъ реформъ, выступали противъ индивидуализма и отрицали благотѣльность принципа «laissez faire».

Столкновеніе этихъ противоположныхъ теченій общественной мысли представляетъ не одинъ только теоретическій интересъ. Въ немъ сказалось отношеніе къ самымъ

жгучимъ соціальнымъ проблемамъ современности. Пятнадцатилѣтній періодъ отъ 1830 до 1845 г., который можно назвать эпохою «акта о реформѣ», былъ однимъ изъ самыхъ критическихъ въ исторіи Англіи. Это были годы смутные и тревожные, годы тяжелыхъ бѣдствій и широко разлитого недовольства въ средѣ рабочихъ городскихъ и сельскихъ. Заработокъ послѣднихъ стоялъ на страшно низкомъ уровнѣ, условія фабрично-заводскаго труда были ужасны. Недовольство рабочихъ ярко выступаетъ въ рядѣ процессовъ по обвиненію въ мятежныхъ дѣйствіяхъ, преступныхъ соглашеніяхъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ за время 1832—1843 гг. Въ деревняхъ пылали скирды, въ городахъ совершались трэдъ-юніонистами различные акты насилія. Въ требованіяхъ «Народной Хартіи» проявлялись признаки общественнаго настроенія, предвѣщавшаго революцію. Намъ, знающимъ, что нѣкоторые пункты хартіи получили осуществленіе, не вызвавъ ни соціальныхъ, ни политическихъ смутъ, можетъ показаться, что значеніе «чартизма» представлялось современникамъ его въ преувеличенномъ видѣ. Но люди 1832 года понимали время, въ которое они жили. Въ движеніи «чартистовъ» выступали острая классовая вражда и широко разлитое недовольство всѣмъ общественнымъ строемъ. Люди, знакомые съ Англіею лишь по тѣмъ годамъ преуспѣянія и общаго спокойствія, которые слѣдовали за отмѣною хлѣбныхъ законовъ, съ трудомъ могутъ представить себѣ, съ какою настоятельностью передъ общественнымъ вниманіемъ выступалъ, въ 1832—1840 гг., вопросъ о внутреннемъ положеніи Англіи. Вопросъ этотъ, достаточно тре-

возный, состоялъ ли болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ,—какимъ способомъ можно, и возможно ли даже, облегчить бѣдствія и устранить недовольство рабочихъ классовъ?

Отвѣтъ либераловъ-утилитаристовъ на этотъ вопросъ былъ ясенъ. Политика благоразумія—настаивали они—требуетъ, чтобы націи самой предоставлено было распоряжаться своею судьбою, что и было задачей парламентской реформы. Въ результатѣ послѣдуютъ устраненіе всякихъ злоупотребленій и отмѣна несправедливыхъ законовъ, въ особенности законовъ, отяготительныхъ и несправедливыхъ по отношенію къ бѣднымъ классамъ населенія. Къ этому въ сущности и сводилась задача законодательства, такъ какъ въ дѣлѣ окончательнаго врачеванія соціальныхъ бѣдствій нужно болѣе всего полагаться на индивидуальную энергію и самопомощь.

У Сиднея Смита мы находимъ яркое выраженіе увѣренности въ благотѣльномъ вліяніи политической реформы на всѣ стороны соціальной жизни. Оспаривая доводы торіевъ противъ парламентской реформы и рѣшительно отвергая ихъ увѣренія въ томъ, что она вовсе не нужна для интересовъ низшихъ классовъ, Сидней Смитъ въ одной изъ своихъ статей (въ 1830 г.) говоритъ:—«Спрашиваютъ, что выиграютъ отъ реформы дровосѣкъ и водовозъ? Что выиграютъ они отъ того, что мѣстечко Ольдъ-Саромъ лишится права посылать представителя въ парламентъ, а Бирмингамъ получить это право? Но если вы ставите такой вопросъ по отношенію къ парламентской реформѣ, то вамъ придется поставить его и по отношенію ко многимъ другимъ важнымъ реформамъ. Какую пользу

могутъ принести имъ эмансипація католиковъ, отмѣна вѣроисповѣдныхъ ограниченій, революція 1688 года, любая важная политическая переменѣна, хорошее управленіе. Прежде всего, если отъ переменѣны выигрываютъ многіе, а низшіе классы не страдаютъ, то и этого одного уже достаточно, чтобы произвести переменѣну. Но и дровосѣкъ и водовозъ получаютъ прямую выгоду отъ реформы. Реформа разовьетъ бережливость и контроль; меньше будетъ всякихъ каверзъ и расточительности; войны не будутъ растягиваться на многіе годы вопреки народному желанію; налоги снимутся съ бѣдныхъ и переложатся на богатыхъ; разовьются болѣе простые нравы, когда богатымъ придется заискивать передъ бѣдными для полученія политической власти; уничтожены будутъ жестокія и тяжкія наказанія (какъ наказанія, налагаемыя за ночное браконьерство). За поимку фазана на чужой землѣ васъ накажутъ надлежащимъ образомъ, но не сошлютъ на семь лѣтъ вдаль отъ жены и дѣтей. Табакъ подешевѣетъ на два пенса на фунтъ. Понизится цѣна на свѣчи. Такіе результаты улучшеннаго управленія будутъ чувствительны. Мы не претендуемъ уничтожить бѣдность или устранить возможность бѣдствій; но если результатами реформы явятся миръ, экономія и справедливость, милліоны населенія получаютъ массу мелкихъ выгодъ, которыя представляются незначительными для насъ, но не для нихъ; и связь между существованіемъ Джона Росселя и удешевленіемъ хлѣба и сыра окажется столь же очевидно, какъ очевидно, что добиться этого составляло задачу его благородной, мудрой и полезной жизни... При хорошемъ управленіи все дешевле, при дур-

номъ—все дороже»... Каждое изъ этихъ предсказаній осуществилось почти буквально.

Въ качествѣ иллюстраціи теченій протеста противъ господствовавшаго въ ту пору индивидуализма, А. Дайси приводитъ заявленія трехъ выдающихся писателей, которыхъ, при всемъ различіи ихъ между собою, объединяло недовѣріе къ принципу «laissez faire» и убѣжденіе, что для устраненія общественныхъ бѣдствій необходимо воздѣйствіе государственной власти.

«Нравственныя бѣдствія,—писалъ (въ 1829 г.) Соути,—дѣло рукъ самого человѣка, и, безъ сомнѣнія, большую часть ихъ можно предотвратить». Средствами къ тому являются нравственный авторитетъ церкви и воздѣйствіе государства, какъ думалъ Соути, основные взгляды котораго получили у Маколея слѣдующую характеристику. «Основной принципъ его, если мы правильно его поняли,—говоритъ Маколей,—состоитъ въ томъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать что-нибудь для себя столь же хорошо, какъ могутъ сдѣлать это для него правители его, кто бы они ни были, и что правительство тѣмъ болѣе приближается къ совершенству, чѣмъ болѣе оно вмѣшивается въ привычки и понятія отдѣльныхъ лицъ. Онъ, повидимому, вполне убѣжденъ, что во власти правительства облегчить всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаютъ низшіе классы».

Д-ръ Арнольдъ, говоря о необезпеченномъ положеніи въ государствѣ рабочаго населенія, высказываетъ (въ 1838 г.) слѣдующія мысли:—«Такое пренебреженіе опирается на одно изъ самыхъ ложныхъ положеній, какія когда-либо

выставлялись въ угоду людскому эгоизму подъ видомъ политической мудрости; я разумѣю положеніе о томъ, что гражданское общество должно предоставить своихъ членовъ самимъ себѣ, чтобы каждый самъ заботился о различныхъ своихъ интересахъ, подъ условіемъ не проявлять прямого обмана и насилія противъ своего ближняго. И это несмотря на несомнѣнность того, что по природнымъ силамъ своимъ они не равны и что въ еще меньшей степени они располагали когда-либо одинаковыми искусственными преимуществами; зная, къ тому же, что всякаго рода сила имѣетъ тенденцію возрастать, мы присутствуемъ безучастно при этомъ неравномъ состязаніи, забывая, что самое названіе общества предукazujeваетъ, что оно не должно быть простою ареною борьбы, а что его задача—заботиться объ общемъ благѣ всѣхъ путемъ ограниченія власти сильныхъ и оказанія покровительства безпомощности слабымъ».

«Насъ увѣряютъ,—писалъ Карлейль въ 1839 г.,—что успѣхи и неудачи въ сутолокѣ жизни, которою, думали всегда, управляетъ нѣкая слѣпая богиня, на самомъ дѣлѣ являются дѣломъ рукъ зрячей богини или бога, и что нужно лишь не вмѣшиваться: сколько героическихъ усилій или вдохновенія было нужно для того, чтобы повѣдать намъ это? Застегнуться на всѣ пуговицы и оставаться спокойными—рецептъ не сложный. *Laissez faire, laissez passer!* Вѣдь все то, что происходитъ, развѣ не должно было произойти?.. Такимъ въ сущности оказывается тотъ главный социальный принципъ (если здѣсь можетъ быть рѣчь о принципѣ), который въ актѣ о реформѣ общественного призрѣнія смѣло выставляется наперекоръ мно-

гимъ фактамъ. Въ этотъ главный соціальный принципъ авторъ, пишущій эти строки, никогда и никоимъ образомъ не повѣритъ, а напротивъ — будетъ при всякомъ удобномъ случаѣ объявлять его въ высокой степени ложнымъ, еретическимъ и пагубнымъ»...

Въ десятилѣтіе 1830—1840 гг. между индивидуалистами и коллективистами поднялся рѣшительный споръ по вопросу о томъ, —могутъ ли широкое развитіе индивидуальной свободы и устраненіе всякаго рода стѣсненій возбудить индивидуальную энергію и самопомощь въ такой мѣрѣ, чтобы пагубныя для государства бѣдствія могли быть предотвращены этимъ средствомъ (поскольку такіа бѣдствія вообще могутъ быть предотвращаемы законодательствомъ)?

На этотъ вопросъ просвѣщенное мнѣніе эпохи 1832 года, которое въ теченіе 30—40 лѣтъ, если не дольше, властвовало надъ парламентомъ, давало отвѣтъ категорическій и положительный, не взирая на протесты со стороны небольшого числа мыслителей, встрѣчавшихъ большее или меньшее сочувствіе рабочихъ классовъ. На этотъ же вопросъ общественное мнѣніе, вліяющее на англійское законодательство, начиная, приблизительно, съ 1870 года, даетъ отвѣтъ нерѣшительный, если не вполнѣ отрицательный.

Чѣмъ объясняется этотъ переворотъ въ области соціальныхъ и политическихъ взглядовъ —явленіе замѣчательное въ исторіи развитія общественнаго мнѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ анализъ тѣхъ условій или причинъ, которыя благопріятствовали развитію коллективизма

или, если посмотрѣть на это явленіе съ другой точки зрѣнія, подорвали авторитетъ бентамовскаго либерализма.

Хотя объясненіе этого явленія достаточно извѣстно. Благодаря парламентскимъ реформамъ 1867 и 1884 гг., англійскій государственный строй преобразился въ демократію, и эта революція вполне объясняетъ растущее вліяніе социализма. Участь большинства населенія быть бѣдными, а бѣдные по природѣ своей социалисты. Демократія неизбежно связана съ развитіемъ социализма.

Такое разсужденіе, какъ было уже указано, представляется ошибочнымъ. Демократію нельзя отождествлять съ какимъ-либо опредѣленнымъ направленіемъ общественнаго мнѣнія. Государственный строй Англіи менѣе демократиченъ, чѣмъ государственный строй Соединенныхъ Штатовъ, а между тѣмъ законодательство американскаго конгресса оказывается менѣе социалистическимъ, чѣмъ законодательство англійскаго имперскаго парламента. При томъ же въ Англіи законы съ тенденціею въ сторону социализма обязаны своимъ происхожденіемъ вовсе не политическому крушенію богатыхъ классовъ. Послѣдніе и въ демократической конституціи сохраняютъ значительную власть—они во многихъ отношеніяхъ опредѣляютъ политику страны. Богатые лишь въ слабой степени противодействовали коллективистическому законодательству, если даже не прямо содействовали ему.

Въ одномъ лишь развитіи демократіи нельзя найти объясненія преобладанію въ законодательствѣ коллективистическихъ теченій. Въ рядѣ причинъ этого успѣха демократія занимаетъ видное мѣсто; но этому содействовали

и нѣкоторыя другія условія, при чемъ важнѣйшія изъ нихъ выступили значительно раньше акта 1867 года о парламентской реформѣ.

Въ числѣ этихъ условій Дайси придаетъ большое значеніе тому, что онъ называетъ «торійскимъ филантропическимъ движеніемъ», и начальной стадіи въ развитіи фабричнаго законодательства.

Къ 1830 году можно приурочить возбужденіе вопроса о необходимости регламентировать работу на фабрикахъ въ интересахъ защиты дѣтей и женщинъ. Толчокъ этому данъ былъ опубликованіемъ писемъ Ричарда Остлера — «Рабство въ Йоркширѣ». Въ нихъ нарисована была ужасная картина той эксплуатаціи дѣтей и подростковъ, которая приписывалась алчности предпринимателей. Общественное негодованіе, вызванное ужасами этой эксплуатаціи, первоначально не имѣло никакого соотношенія съ какими-либо социалистическими теоріями. Необходимость регламентаціи дѣтскаго труда вполне гармонировала съ традиционнымъ принципомъ общаго права, въ силу котораго всѣмъ несовершеннолѣтнимъ должна быть оказываема защита. Не находилось это и въ противорѣчій съ бентамизмомъ, и индивидуалисты всѣхъ оттѣнковъ съ участіемъ относились къ опасностямъ, съ которыми сопряжено для слабыхъ и безпомощныхъ господство узкихъ классовыхъ интересовъ. Кобденъ въ 1836 г. высказывался вполне категорически за недопущеніе къ работѣ на бумагопрядильняхъ дѣтей ниже тринадцатилѣтняго возраста. Маколей, никогда не увлекавшійся социалистическими идеалами, изъ чувства гуманности выступилъ въ парламентъ (въ 1846 г.)

съ блестящей защитой билля объ ограниченіи десятью часами рабочаго дня дѣтей и женщинъ.

Однако руководителями движенія въ пользу регламентаціи фабричнаго труда на первыхъ же порахъ явились тори: Соути, о которомъ уже было упомянуто и который являлся апостоломъ торійской филантропіи въ борьбѣ съ ужасами фабричной жизни; Остлеръ, демагогъ, получившій прозвище «фабричнаго короля» за свою горячую борьбу противъ всей фабричной системы и своими усиліями особенно содѣйствовавшій проведенію билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ; Садлеръ, явившійся теоретикомъ движенія, развитію котораго онъ старался придать социалистическій характеръ; наконецъ, лордъ Шафтсбери, за которымъ должны быть признаны наиболѣе выдающіяся заслуги въ дѣлѣ развитія фабричнаго законодательства,—были убѣжденными тори и протекціонистами.

На почвѣ этого движенія произошла ожесточенная парламентская борьба между индивидуализмомъ и коллективизмомъ, въ связи съ проведеніемъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ.

Истинный характеръ этой борьбы не былъ въ то время отчетливо сознанъ борющимися сторонами. Осложняющимъ обстоятельствомъ явилось то, что агитація въ пользу отмены хлѣбныхъ пошлинъ какъ-разъ совпала съ движеніемъ въ области фабричнаго законодательства: отмена хлѣбныхъ пошлинъ (1846 г.) состоялась лишь годомъ раньше принятія билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ обоихъ этихъ вопросахъ тори и протекціонисты были на одной сторонѣ, радикалы и фритредеры—на дру-

гой. Въ отношеніи къ вопросу о свободѣ торговли тори занимали непопулярную позицію, выступая противъ народнаго желанія и подвергая себя обвиненіямъ въ томъ, что они ради поднятія ренты землевладѣльцевъ готовы жертвовать интересами бѣдныхъ. Фритредеры, между тѣмъ, являлись въ роли друзей народа, при чемъ ихъ ораторы не останавливались передъ обвиненіемъ протекціонистовъ въ эгоистическихъ стремленіяхъ, а не въ одномъ лишь отступленіи отъ истинныхъ началъ политической экономіи. Въ борьбѣ, возникшей изъ-за фабричнаго билля, роли измѣнились. Людей, выступавшихъ съ указаніемъ вредныхъ послѣдствій государственнаго вмѣшательства, считали безсердечными, холодными мыслителями, увлеченными слѣпою вѣрою въ безстрастную науку, а мануфактуристовъ укоряли за злоупотребленіе дѣтскимъ трудомъ ради извлеченія барышей и сравнивали ихъ съ рабовладѣльцами. Жестокимъ лицемѣріемъ объявлялся радикализмъ либераловъ, готовыхъ ради торжества принципа *laissez faire* изнурять дѣтей рабочихъ непосильнымъ трудомъ. Напротивъ, тори-филантропы пріобрѣли большую популярность за свое сочувственное отношеніе къ страданіямъ дѣтей и женщинъ, жертвъ алчныхъ мануфактуристовъ. Ничего удивительнаго въ томъ, что тори пожелали воспользоваться благопріятными условіями для извлеченія партійныхъ выгодъ изъ своего положенія. Дизраэли, безъ сомнѣнія, чистосердечно осуждалъ тяжелыя условія фабричной работы, но романъ его «*Sybil*» былъ прежде всего блестящимъ партійнымъ памфлетомъ, задачей котораго было показать, что тори — истинные друзья рабочихъ клас-

совъ. Съ обѣихъ сторонъ проявлены были взаимное непониманіе и укоры. Если для тори-филантроповъ противники ихъ были притѣснителями, лишенными элементарныхъ чувствъ гуманности, то для мануфактуристовъ и фритредеровъ сторонники десятичасового рабочаго дня были протекціонистами, которые, подъ маскою филантропіи, стремились обезпечить за собою выгоды, и которые покровительствовали социализму, чтобы отомстить за крушеніе протекціонизма; ихъ благожелательность въ лучшемъ случаѣ была глупостью, въ худшемъ — лицемѣріемъ, приправленнымъ клеветою.

Ко всѣмъ такимъ взаимнымъ нареканіямъ, замѣчаетъ Дайси, не было достаточныхъ основаній. Какъ руководители движенія въ пользу фабричнаго законодательства, такъ и ихъ противники были люди, проникнутые несомнѣнною гуманностью и высокимъ сознаніемъ общественнаго долга. Объясненіе антагонизма между ними слѣдуетъ искать въ томъ, что противники лорда Шафтсбери всѣ были индивидуалисты, а тори явились, хотя и не сознавая этого, лидерами реакціи противъ индивидуалистическихъ теченій. Фабричное законодательство послужило ареною столкновенія между коллективизмомъ и индивидуализмомъ, и на этой аренѣ бентамовскій либерализмъ потерпѣлъ свое первое и очень серьезное пораженіе.

«Остроту конфликта,—говоритъ Дайси,—повидимому, усиливало то, что обѣ стороны чувствовали каждая извѣстную слабость своего положенія. Опытъ показалъ, что ни та, ни другая сторона не оказалась вполне правою. Актъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ не погубилъ бри-

танской промышленности, но устранилъ многія бѣдствія. Въ этомъ отношеніи политика лорда Шафтсбери оказалась правильною, а противодѣйствіе мануфактуристовъ было осуждено дѣйствительностью. Но актъ о десятичасовомъ днѣ тяготѣлъ въ сторону социализма и заключалъ въ себѣ зародыши необъятнаго переворота, положительныя и отрицательныя стороны котораго никто еще не можетъ взвѣсить съ точностью; этому перевороту лордъ Шафтсбери не намѣревался содѣйствовать, и возможность его ему совершенно не представлялась. Движеніе въ области фабричнаго законодательства ввело социалистическія мѣропріятія въ англійское право и дало престижъ и авторитетность идеямъ коллективизма».

Въ разъясненіе этого положенія Дайси говоритъ, что значеніе актовъ 1847 — 1850 гг. далеко выходитъ за предѣлы ихъ непосредственной задачи—служить мѣрами защиты дѣтей, подростковъ (до 18 лѣтъ) и женщинъ отъ изнурительнаго труда въ нѣкоторыхъ категоріяхъ мануфактурныхъ заведеній. «Въ дѣйствительности, это законодательство имѣло гораздо болѣе широкія послѣдствія. Оно дало признаніе принципу, по которому регулированіе труда есть дѣло государства, и положило основаніе цѣлой системѣ правительственнаго надзора и контроля. Оно установило продолжительность рабочаго времени на фабрикахъ, въ которыхъ она распространяется на всѣхъ женщинъ безъ различія возраста, и предоставило имъ защиту, наложивъ на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе, которое совершенно чуждо общему праву Англіи и которое находится въ прямомъ противорѣчій съ основными положеніями

индивидуализма. Это фабричное законодательство установило, хотя и не прямо и не во всѣхъ случаяхъ непосредственно, нормальный рабочій день для всѣхъ, безъ различія возраста и пола, рабочихъ тѣхъ предпріятій, на которыя оно распространялось. Правда, на первыхъ порахъ оно было примѣнено только къ ограниченному числу фабрикъ, но оно заключало въ себѣ очень важныя начала, которыя были примѣнимы и которыя съ теченіемъ времени должны были получить общее примѣненіе къ различнымъ видамъ труда, имѣющимъ общественный интересъ. Оно, такимъ образомъ, несомнѣнно внесло социалистическія нормы въ англійское рабочее законодательство. Но фабричныя законы 1848—1850 гг. привели тотчасъ же или почти тотчасъ къ послѣдствіямъ еще болѣе значительнымъ. Въ то время, когда съ отмѣною хлѣбныхъ законовъ индивидуализмъ одержалъ, казалось, окончательную побѣду въ области торговли и когда преуспѣяніе, сопровождавшее установленіе свободы торговли, вызывало сильнѣйшую увѣренность въ благотворности начала «laissez faire» почти во всѣхъ областяхъ жизни, успѣхъ фабричныхъ законовъ давалъ авторитетное признаніе, и не только для этой, но и для многихъ другихъ отраслей жизни, такимъ взглядамъ, которые, если и не являлись вполнѣ социалистическими, тяготѣли въ сторону социализма или коллективизма».

Въ ряду другихъ факторовъ, содѣйствовавшихъ повороту отъ индивидуализма къ коллективизму, большое значеніе имѣло то новое направленіе, которое было усвоено рабочимъ движеніемъ послѣ того, какъ въ 1848 г. «чартизму» нанесенъ былъ окончательный ударъ. Въ заботахъ

руководителей рабочаго движенія и въ ихъ стремленіяхъ на первый планъ выступили, вмѣсто интересовъ политическихъ, преобладавшихъ въ эпоху «чартизма», интересы социальныя. Эти послѣдніе ярко выразились въ усиленномъ развитіи трэдъ-юніониза, которое содѣйствовало росту коллективистическихъ теченій въ ущербъ индивидуалистическимъ.

Трэдъ-юніонизмъ, который въ основѣ своей опирается на принципъ коллективнаго соглашенія, въ связи съ практическими ограниченіями индивидуальной свободы договора, не могъ встрѣтить сочувствія со стороны либераловъ школы Бентама. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ по толкованію постановленій акта 1825 года въ отношеніи къ рабочимъ союзамъ настойчиво проводилось — въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными намѣреніями парламента — сознаніе необходимости парализовать не только всякаго рода физическое насиліе, но и такъ называемое моральное давленіе, ограничивавшее свободу соглашенія между работодателями и рабочими въ отношеніи къ условіямъ найма и работы. Противъ этого трэдъ-юніонисты вели упорную борьбу. Если нѣкоторые изъ нихъ и принимали доктрину «laissez faire», то лишь при условіи толкованія этого начала въ смыслъ широкаго допущенія права коалицій ради всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя не являются противозаконными для каждаго отдѣльнаго лица, дѣйствующаго безъ уговора съ другими. Они настаивали на томъ, что рабочіе союзы должны быть признаваемы законными обществами, хотя бы они и вызывали стѣсненія въ промышленной области; трэдъ-юніонисты имѣютъ нравственное право, подлежащее

и юридическому признанію, проявлять, — не прибѣгая къ физическому насилію и не угрожая такимъ насиліемъ, — самое рѣшительное моральное давленіе и этимъ ограничивать свободу всякаго рабочаго, который былъ бы склоненъ преслѣдовать свой собственный интересъ въ нарушеніе правилъ союза, направленныхъ къ обезпеченію интереса всѣхъ рабочихъ извѣстнаго промышленнаго предпріятія. Здѣсь рѣзко выступаетъ борьба между индивидуализмомъ и коллективизмомъ.

Перемѣна въ характерѣ рабочаго движенія имѣла, между прочимъ, тотъ результатъ, что оказалось возможнымъ сближеніе рабочихъ съ тѣми представителями среднихъ классовъ, которые почему-либо не раздѣляли идей бентамовскаго либерализма.

«Чартизмъ» былъ дискредитированъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые чартисты стремились достигнуть своихъ цѣлей при помощи физической силы или угрожая ею ¹⁾. Трэдъ-юніонизмъ въ теченіе «революціоннаго пе-

¹⁾ По этому поводу находимъ у Дайси слѣдующее примѣчаніе: «Въ 1848 году вожаки движенія и противники его явились жертвами иллюзіи, навѣянной традиціями французской революціи. Полагали, что возстаніе можетъ одолѣть дисциплинированныя войска. Это мнѣніе опиралось главнымъ образомъ на успѣхи, достигнутыя парижскою толпою въ періодъ великой революціи и позднѣе, въ 1830 и 1848 гг. Эта идея получила чрезвычайно широкое распространеніе, а между тѣмъ она менѣе всего оправдывается дѣйствительными фактами. Вѣра въ таинственную силу народнаго энтузіазма являлась не болѣе какъ предразсудкомъ. Ни въ одномъ случаѣ за всю революціонную исторію Франціи, съ 1789 г. и до настоящаго момента, дисциплинированныя войска, подъ надлежащею командою, не были одолѣваемы возставшими. Не обнаруживала армія и какой-либо особенной склонности присоединиться къ народу. Въ этомъ отношеніи событія 1848 и 1871 гг. даютъ вполне опредѣленныя указанія. Въ іюнѣ 1848 г. на сторонѣ возставшихъ были всякаго рода преимущества: они вооружались въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, сражались съ боль-

ріода» примкнулъ къ «чартизму» и различными актами насилія и другими проявленіями революціоннаго характера вооружилъ противъ себя всѣхъ дорожившихъ законностью и порядкомъ. Но между 1848 и 1868 годами юніонизмъ оказался подъ руководствомъ людей талантливыхъ и болѣе умѣренныхъ, и ему нерѣдко доводилось встрѣчать сочувственное къ себѣ отношеніе и поддержку со стороны людей, не раздѣлявшихъ социальныхъ и экономическихъ догматовъ утилитаризма.

Къ тому же періоду относится появленіе многихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ выступаютъ новыя теченія въ области социальныхъ и экономическихъ идей и стремленій; въ нихъ сквозило глубокое недовѣріе къ господствовавшему либерализму, и въ огромномъ успѣхѣ такихъ произведеній нельзя было не видѣть вѣрнаго показателя приближавшагося поворота въ общественномъ мнѣніи. Наиболѣе знаменательнымъ въ этой области Дайси считаетъ появленіе въ 1848 году «Политической экономіи» Милля. «Самое заглавіе этой знаменитой книги—*Основанія политической экономіи, съ нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ социальной философіи*—имѣетъ особенный смыслъ,—говоритъ Дайси. —Трактатъ этотъ представляетъ собою попытку умнаго лидера бентамистской школы поставить

шимъ одушевленіемъ подъ защитою хорошо построенныхъ баррикадъ. Противники ихъ состояли главнымъ образомъ изъ національныхъ гвардейцевъ и Garde Mobile, на вербованныхъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ парижскаго населенія, и трудно было разсчитывать на ихъ безусловную вѣрность. Однако, возстаніе было подавлено. Въ 1871 году въ составъ правительственныхъ войскъ входили многіе, потерпѣвшіе пораженіе на войнѣ. Въ средѣ защитниковъ коммуны было много обученныхъ солдатъ. Побѣда, однако, осталась за арміей».

признанныя экономическія доктрины въ гармонію съ стремленіями лучшихъ людей въ средѣ рабочихъ классовъ. Въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, намъ совершенно ясно, что, начиная съ 1848 г. и позднѣе, даетъ себя чувствовать перемѣна въ умственной и нравственной атмосферѣ Англіи. Въ направленіи общественнаго мнѣнія совершалось измѣненіе, которое мы имѣемъ возможность прослѣдить теперь, — измѣненіе тѣмъ болѣе важное, что оно вліяло на подраставшее въ то время поколѣніе и, слѣдовательно, должно было сказаться на общественномъ мнѣніи двадцать-тридцать лѣтъ спустя, т.-е. въ 1870 — 1880 годахъ. Для насъ несомнѣнно теперь и то, что этотъ переворотъ въ мірѣ идей тяготѣлъ въ сторону социализма»...

Въ области организаціи промышленныхъ предпріятій въ половинѣ XIX вѣка замѣчается новое характерное явленіе, имѣвшее большое значеніе. Это — замѣна начала личнаго въ веденіи предпріятій началомъ комбинированнымъ, коллективнымъ. Компаніи желѣзнодорожныя, всякаго рода акціонерныя компаніи представляютъ собою характерныя типическіе образцы новой формы экономическихъ предпріятій. Развитію законодательства, санкціонировавшаго ихъ, въ сильной степени содѣйствовали либералы въ своемъ стремленіи расширить сферу договорныхъ отношеній. Акты объ акціонерныхъ компаніяхъ, вводившіе принципъ совмѣстнаго участія многихъ съ ограниченою отвѣтственностью, конечно, представляли собою расширеніе области индивидуальной свободы; но эти же акты, поскольку завѣдываніе предпріятіемъ пере-

носило изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ въ руки корпоративныхъ организацій, замѣняли дѣятельность индивидуальную дѣятельностью коллективною. Въ совокупности своей эти новыя явленія ослабляли значеніе индивидуальнаго начала и давали почву для расширенія области государственнаго вмѣшательства. Вслѣдъ за желѣзнодорожными предпріятіями, вызывавшими необходимость извѣстнаго контроля государства и регулированія отчужденія, тѣ же начала были широко примѣнены и ко многимъ другимъ отраслямъ экономической жизни. Развѣтіе корпоративныхъ формъ въ сферѣ промышленной не могло не содѣйствовать постепенному росту коллективистическихъ идей.

Въ половинѣ XIX вѣка различныя условія, подрывавшія преобладающее положеніе индивидуализма, уже оказывали постепенно свое воздѣйствіе на общественное настроеніе, и особенно въ средѣ рабочихъ классовъ. Но въ области законодательства эти условія еще не получали сколько-нибудь замѣтнаго отраженія до 1868 г. Объясняется это тѣмъ, что до акта о реформѣ 1877 г. парламентъ являлся представительствомъ среднихъ классовъ, въ средѣ которыхъ продолжали господствовать идеи бентамизма, отвѣчавшія ихъ интересамъ и стремленіямъ.

Новая эпоха начинается съ 1865 года, со времени окончанія междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ двадцати лѣтъ въ Соединенномъ королевствѣ установился демократическій строй на началахъ предоставленія политическихъ правъ всѣмъ домохозяевамъ (household suffrage), сначала городскимъ рабочимъ, потомъ (въ 1884 г.) сельскимъ. Не входя

въ детали самыхъ актовъ о реформѣ, что относится къ области конституціонной исторіи, Дайси анализируетъ соотношеніе ихъ съ развитіемъ теченій въ сферѣ законодательства. Онъ обращаетъ вниманіе въ особенности на два обстоятельства.

«Первое заключается въ томъ, что законы, установившіе демократическое правленіе, сами явились плодомъ теченій, вызванныхъ общественными событіями, на которыя эти теченія, въ свою очередь, оказали вліяніе.

«Движеніе въ сторону демократіи въ Англіи сильно подвинулось впередъ, благодаря побѣдѣ сѣверныхъ штатовъ въ Америкѣ. Борьба между Сѣверомъ и Югомъ разсматривалась какъ борьба между демократіею и олигархіею; участь той и другой должна была рѣшиться на полѣ сраженія, и побѣдительницею оказалась демократія. Эта побѣда усилила вѣру въ демократію, а по особеннымъ обстоятельствамъ того времени это придадо вѣсь требованію англійскихъ рабочихъ относительно предоставленія имъ всей полноты гражданскихъ правъ. Рабочіе стояли за Сѣверъ, а симпатіи землевладѣльцевъ и богатыхъ классовъ были на сторонѣ Юга. Народное сочувствіе или здравомысліе оказалось болѣе дальновиднымъ, чѣмъ консервативныя теченія, при чемъ въ то же время терпѣніе, съ которымъ рабочіе Ланкашира переносили бѣдствія, вызванныя «хлопковымъ голодомъ», возбудило къ нимъ общее расположеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ, ходячее увѣреніе въ томъ, что рабочимъ англійскимъ нельзя отказывать въ правѣ голоса, когда этимъ правомъ вскорѣ будутъ располагать негры въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣло зна-

ченіе, если не какъ логически сильный аргументъ, то какъ удобное орудіе пропаганды. Между тѣмъ какъ, благодаря всему этому, усиливался нравственный авторитетъ рабочихъ, въ средѣ ихъ, подъ руководствомъ искусныхъ со-вѣтниковъ, возродился интересъ къ политикѣ, и особенно къ вопросу о парламентской реформѣ. Новое выступленіе ихъ на политической аренѣ не было, однако, возрожденіемъ чартизма. Старые «чартисты» либо умерли, либо были забыты. Въ 1866—1867 гг. о народной хартіи и ея шести пунктахъ и не упоминалось. Мало было слышно о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и ничего—о республикѣ. Торизмъ снова вступилъ въ странный, хотя и не случайный союзъ съ демократіею; актъ о реформѣ 1867 г. былъ проведенъ не либеральнымъ, а такъ называемымъ консервативнымъ министерствомъ. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ дипломатическихъ уловкахъ или о дѣйствительныхъ либо мнимыхъ принципіальныхъ жертвахъ, благодаря которымъ былъ достигнутъ этотъ результатъ. Съ какой бы суровой точки зрѣнія ни смотрѣть на тѣ средства, которыми Дизраэли «воспитывалъ» консерваторовъ, для насъ въ настоящемъ случаѣ важна лишь сущность этого воспитанія и связь его съ теченіями общественнаго мнѣнія. Урокомъ, который Дизраэли преподавалъ своей партіи, была возможность, давно имъ предусмотрѣнная, союза между тори и рабочими, а настоящею основою такого союза являлось ихъ общее разномысліе съ индивидуалистическимъ либерализмомъ. Не случайностью было то, что Дизраэли и сторонники его въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Джонъ Брайтъ, смущались тѣмъ, что, вслѣдъ за очень

демократическимъ биллемъ о парламентской реформѣ, власть можетъ попасть въ руки низшихъ классовъ; не случайностью было и то, что послѣднимъ и наиболѣе энергическимъ противникомъ всякой попытки измѣнить представительную систему 1832 года явился Робертъ Лоуе, который и по характеру его взглядовъ, и по свойству его ума можетъ быть названъ послѣднимъ представителемъ чистаго бентамизма. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что измѣненія въ конституціи палаты общинъ, начатыя актомъ 1867 г. и завершеныя актомъ 1884 г., были результатомъ извѣстнаго направленія общественнаго мнѣнія, и въ особенности увѣренности со стороны тори—основательна ли она была или нѣтъ—въ томъ, что конституціонныя измѣненія на практикѣ не вызовутъ никакого революціоннаго послѣдствія, но уменьшатъ вліяніе либерализма.

«Второе обстоятельство заключается въ томъ, что если съ одной точки зрѣнія демократическое движеніе 1866—1884 гг. является болѣе умѣреннымъ, то съ другой точки зрѣнія оно представляется идущимъ гораздо дальше, чѣмъ «чартистское» движеніе 1838—1848 гг.

«Чартисты требовали всеобщаго избирательнаго права; они домогались участія въ политической власти, какъ одного изъ естественныхъ правъ человѣка. Съ другой стороны, рабочіе, снова принявшіеся за политическую агитацию, требовали не всеобщаго голосованія, а лишь предоставленія права голоса домохозяевамъ (household suffrage); они домогались избирательныхъ правъ не какъ одного изъ правъ человѣка, а какъ средства добиться такого законодательства (напр., измѣненія законовъ о коали-

ціяхъ), которое соотвѣтствовало бы желаніямъ трэдъ-юніонистовъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія политической умѣренность новой демократіи находится въ очевидномъ контрастѣ съ революціоннымъ настроеніемъ «чартистовъ». Сравненіе представится въ другомъ видѣ, если оба эти движенія разсматривать съ точки зрѣнія соціальной. Определенно выступающее стремленіе къ соціальнымъ измѣненіямъ со стороны новой демократіи находится въ явномъ контрастѣ съ желаніемъ просто политическихъ измѣненій, выразившимся въ «чартизмѣ». Тотъ же контрастъ станетъ еще болѣе рѣзкимъ, если мы сравнимъ не чартистовъ и позднѣйшихъ демократовъ, а движеніе за реформу 1832 г. съ движеніемъ за реформу 1866—1884 гг. Первый актъ о реформѣ былъ проведенъ средними классами и ради ихъ интересовъ. Онъ былъ дѣломъ людей, которые стремились произвести измѣненія въ конституціи парламента, потому что они желали законодательства въ соотвѣтствіи съ началами индивидуализма ¹⁾. Акты о реформѣ 1867—1884 гг. были проведены во вниманіе къ стремленіямъ и при поддержкѣ рабочихъ классовъ, которые, хотя и въ смутной и неопредѣленной формѣ, желали такихъ законовъ, которые могли бы содѣйствовать осуществленію идеаловъ социализма или коллективизма. Замѣтьте также, что тогда какъ реформисты 1832 г. располагали программой законодательныхъ преобразованій, созданною геніемъ Бентама и долженствовавшею про-

¹⁾ Здѣсь Дайси дѣлаетъ ссылку на приведенныя выше замѣчанія Сиднея Смита въ связи съ реформой 1832 года.

вести въ жизнь его принципы, новая демократія вступила въ обладаніе властью подъ воздѣйствіемъ смутныхъ стремленій и не располагая какимъ-либо опредѣленнымъ планомъ законодательства. Если мы замѣнимъ слово «страсти» словомъ «желанія», то къ англійскимъ рабочимъ 1868 года вполне примѣнимо будетъ то, что сказалъ Токвиль о французскихъ рабочихъ 1848 года: «Я признаю, что рабочіе классы... въ настоящее время спокойны... Ихъ дѣйствительно не волнуютъ собственно политическія страсти въ той степени, въ какой онѣ волновали ихъ прежде; но не замѣчаете ли вы, что ихъ страсти изъ политическихъ сдѣлались социальными?» Эти стремленія можно, пользуясь выраженіемъ другого французскаго писателя ¹⁾, называть «соціализмомъ безъ доктринъ» или желаніемъ социалистическихъ законовъ безъ сознательнаго воспринятія социалистической теоріи.

Въ заключеніе этого очерка Дайси указываетъ, какъ на характерное явленіе, на «радикальную программу», съ которою въ 1885 г. выступили передовые либералы. Въ ней привѣтствовалось окончательное установленіе новой демократіи и предусматривалось крушеніе системы «laissez faire». Демократіи предстоитъ широкое развитіе, и это развитіе—гласитъ упомянутая программа—«пойдетъ, вѣроятно, усиленнымъ темпомъ въ томъ направленіи, къ которому тяготѣло законодательство прошлой четверти вѣка, а именно, въ направленіи государственнаго вмѣшательства въ пользу слабаго противъ сильнаго, въ интере-

¹⁾ Mélin «Le Socialisme sans doctrines».

сахъ труда противъ капитала, нужды и страданія противъ роскоши и довольства». Въ 1885 году радикальные лидеры пришли къ убѣжденію, что въ ближайшемъ будущемъ законодательство разовьется въ направленіи коллективизма, и никто не скажетъ, что это убѣжденіе оказалось ошибочнымъ.

V.

Періодъ коллективизма (продолженіе).—Развитіе идеи вмѣшательства государства.—1) Расширеніе идеи защиты.—2) Ограниченіе договорной свободы.—3) Коллективныя формы дѣятельности.—4) Уравненіе удобствъ.—Общія тенденціи новѣйшаго законодательства Англіи.—Ихъ проявленія въ отдѣльныхъ отрасляхъ законодательства.

Разсмотрѣніе явленій, характеризующихъ періодъ коллективизма, Дайси дѣлитъ на двѣ части. Въ первой—онъ освѣщаетъ принципы коллективизма, поскольку они выдвигаются и иллюстрируются англійскимъ законодательствомъ конца XIX вѣка; во второй—онъ анализируетъ общую тенденцію этого законодательства.

Основнымъ принципомъ, присущимъ всѣмъ сторонникамъ социализма или коллективизма, въ той или другой формѣ, является вѣра въ благотѣльное для народныхъ массъ значеніе воздѣйствія или вмѣшательства государства даже въ тѣ области, которыя могутъ быть и часто бываютъ предметомъ безконтрольнаго завѣдыванія заинтересованными лицами. Изъ этого начала вытекаютъ два положенія: во-первыхъ, отрицаніе идеи «laissez faire», какъ

принципа разумнаго законодательства для большинства случаевъ или для многихъ случаевъ; во-вторыхъ, увѣренность въ пользѣ государственнаго руководства или вмѣшательства, хотя бы оно и сопровождалось значительнымъ ограниченіемъ области личной свободы.

Для того, чтобы уяснить себѣ значеніе изложеннаго принципа въ соотношеніи съ развитіемъ англійскаго законодательства, нужно остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ отдѣльныхъ проявленій этого принципа, которыя получили выраженіе въ самомъ законодательствѣ. Проявленія эти могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ: 1) расширеніе идеи защиты; 2) ограниченіе договорной свободы; 3) предпочтеніе коллективныхъ формъ дѣятельности—дѣятельности индивидуальной; 4) уравненіе удобствъ (*equalization of advantages*) въ интересахъ людей, не располагающихъ одинаковыми съ другими людьми средствами обезпечить ихъ за собою. Нужно имѣть въ виду, что въ отдѣльныхъ законахъ могутъ получать выраженіе одновременно нѣсколько изъ этихъ тенденцій, которыя такъ тѣсно связаны одна съ другою, что между ними не слѣдуетъ проводить, хотя бы мысленно, рѣзкую демаркаціонную линію.

1) *Расширеніе идеи защиты.*—Самые крайніе индивидуалисты допускаютъ необходимость особеннаго покровительства или помощи со стороны государства въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ, которыя, какъ, напр., дѣти или душевно-больные, будучи неспособными понимать свои интересы, не могутъ сами защитить себя. Съ другой стороны, самые убѣжденные бентамиты не только допу-

скаютъ, но рѣшительно настаиваютъ на томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ люди нуждаются въ государственной защитѣ, напр. въ защитѣ отъ грабежей или въ полученіи возмѣщенія за ущербы, причиненные неисполненіемъ договора или правонарушеніемъ. Но такая государственная помощь является, въ глазахъ послѣдовательныхъ индивидуалистовъ, въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ защитой индивидуальной свободы, и, слѣдовательно, не находится въ противорѣчій съ индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ. Съ точки зрѣнія людей, склонныхъ къ социализму, идея защиты можетъ получить гораздо болѣе широкое значеніе.

Во-первыхъ, «защита» можетъ незамѣтно превратиться въ «руководительство» и получить примѣненіе къ цѣлымъ категоріямъ такихъ людей, которые, хотя ихъ собственно и нельзя признать «неспособными» вести свои дѣла, оказываются, по убѣжденію законодателя, не въ состояніи обезпечить свои интересы въ такой мѣрѣ, въ какой это можетъ сдѣлать общество. Рабочій, арендаторъ-фермеръ или совершеннолѣтняя женщина почувствовали бы себя оскорбленными, если бы сказать имъ, что они не могутъ сами вести свои дѣла; и дѣйствительно, каждый изъ нихъ пользуется такою же полною законною правоспособностью (во всякомъ случаѣ въ области частнаго права), какъ и другіе граждане. Однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они считаются какъ бы неправоспособными. Рабочій не можетъ заключить договоръ о выдачѣ ему заработной платы не деньгами, а припасами; онъ не можетъ по договору отказаться отъ преимуществъ, предоставляе-

мыхъ ему актами о вознагражденіи рабочихъ въ случаѣ причиненія имъ увѣчій. Женскій трудъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже дома, регулируется закономъ; женщина не допускается, какъ полагаютъ—въ ея же собственныхъ интересахъ, къ нѣкоторымъ работамъ, за которыя она сама, можетъ быть, и желала бы взяться. Всѣмъ такимъ лицамъ государство даетъ защиту, налагая на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя ограниченія, и въ новѣйшемъ законодательствѣ обнаруживается тенденція къ увеличенію числа такихъ «защищаемыхъ» категорій и цѣлыхъ классовъ.

Во-вторыхъ, защита принимаетъ иногда форму мѣръ охраненія не отдѣльныхъ классовъ, а всѣхъ гражданъ отъ ошибокъ, предотвратить которыя люди часто могли бы и собственными своими усиліями. Таковы мѣры, имѣющія въ виду устранить фальсификацію съѣстныхъ припасовъ или предоставить возможность подвергать ихъ анализу при помощи органа государственной власти (начиная съ акта 1860 г. о фальсификаціи продуктовъ и кончая актомъ 1899 г. о продажѣ съѣстныхъ припасовъ и аптекарскихъ товаровъ). Въ основѣ этихъ мѣръ, предназначенныхъ защищать гражданъ отъ опасностей, избѣжать которыхъ они могли бы и собственными усиліями и осторожностью,— правда, цѣною большихъ хлопотъ,— лежитъ присущая коллективизму идея о томъ, что государство лучше, чѣмъ самъ человѣкъ, можетъ судить объ его интересѣ или, во всякомъ случаѣ, о надлежащемъ способѣ обезпечить таковой.

2) *Ограниченіе договорной свободы.*—Поскольку индивидуализмъ расширяетъ область договорной свободы, по-

стольку коллективизмъ ее суживаетъ. Основанія этого различія очевидны. Расширеніе возможности договорныхъ сдѣлокъ знаменуетъ собою расширеніе области индивидуальной свободы, и въ зависимости отъ того, вѣритъ ли или не вѣритъ законодатель въ разумность предоставленія каждому человѣку широкой самодѣтельности, область договорной свободы расширяется или суживается. Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка выступаетъ опредѣленная тенденція къ ограниченію такой свободы. Въ изданныхъ въ 1870 и 1881 гг. земельныхъ законахъ для Ирландіи, которыми регулируются отношенія между землевладѣльцами и арендаторами, рѣзко проявляется отрицательное отношеніе къ началу свободнаго соглашенія въ сферѣ земельныхъ отношеній. Появленіе такого законодательства раньше, напр. между 1830 и 1860 годами, было бы невозможно, за отсутствіемъ въ парламентѣ, да и въ средѣ избирателей, тѣхъ убѣжденій, которыя нашли выраженіе въ указанныхъ земельныхъ актахъ.

И въ собственно англійскомъ законодательствѣ новѣйшаго времени также выступаетъ эта тенденція суживать область договорной свободы. Вотъ, напр., какъ Дайси анализируетъ положенія, вытекающія изъ серіи актовъ, которыми арендаторамъ-фермерамъ воспрещается отказываться, по договору, отъ преимуществъ (вознагражденія за произведенныя улучшенія), которыя законодатель обезпечиваетъ за ними.

Въ развитіи этого законодательства можно прослѣдить двѣ стадіи. Въ первой стадіи законъ усвоиваетъ за извѣстнаго рода договорами смыслъ, особенно благо-

пріятный для одной изъ сторонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаетъ сторонамъ устранять этотъ смыслъ посредствомъ особой оговорки въ текстѣ соглашенія. Въ позднѣйшей стадіи законъ запрещаетъ сторонамъ уклоняться, путемъ особыхъ условій договора, отъ того смысла, какой сообщается ему закономъ.

Различіе между этими двумя стадіями ярко выступаетъ въ договорѣ о съемкѣ земли между землевладѣльцемъ и арендаторомъ. По прежнему законодательству съемщикъ земли не имѣлъ права на вознагражденіе за улучшенія, произведенныя имъ за время аренды, если это право не было особо оговорено въ самомъ текстѣ контракта. Такой порядокъ былъ признанъ обременительнымъ для съемщиковъ земли, и парламентъ установилъ, что въ договорѣ и съемкѣ земли само собою предполагается право съемщика на вознагражденіе за произведенныя имъ улучшенія, если въ договорѣ нѣтъ спеціальной оговорки въ противномъ смыслѣ. До сихъ поръ еще нѣтъ вмѣшательства въ область договорной свободы ни землевладѣльца, ни арендатора, такъ какъ сторонамъ предоставляется возможность, путемъ особой оговорки, устранять право съемщика на вознагражденіе. Жизнь, однако, обнаружила, что подъ дѣйствіемъ этого закона право съемщика обыкновенно устранялось условіями контракта, и что онъ, такимъ образомъ, не получалъ тѣхъ выгодъ, которыя законодатель имѣлъ въ виду предоставить ему. И вотъ, дальнѣйшею мѣрою парламента было совершенно воспрещено при заключеніи контрактовъ устранять право съемщика на вознагражденіе. Здѣсь вторженіе въ область договорной свободы очевидно.

Необходимость запрещенія съемщику налагать на себя обязательства въ отступленіе отъ условій, указываемыхъ закономъ, не доказываетъ, конечно, чтобы политика предоставленія ему абсолютнаго права на вознагражденіе была неразумною, но она служитъ очевиднымъ показателемъ того, что землевладѣльцы были склонны покупать, а съемщики были склонны продавать права, предоставленныя имъ по закону, и что актъ, возбраняющій сторонамъ при заключеніи контрактовъ вступать въ желательную для нихъ сдѣлку, суживаетъ договорную свободу. Переходъ отъ мѣръ факультативныхъ къ мѣрамъ принудительнымъ свидѣтельствуется о растущемъ вліяніи коллективизма.

3) *Коллективныя формы дѣятельности.*—Предпочтеніе коллективныхъ формъ дѣятельности покоится на двухъ главныхъ основаніяхъ.

Первымъ является увѣренность въ томъ, что тамъ, гдѣ интересы трудящихся сталкиваются съ интересами капиталистовъ и особенно когда заключается сдѣлка о размѣрѣ заработной платы, отдѣльный рабочій не можетъ обезпечить за собою выгодныхъ условій сдѣлки: онъ безсиленъ передъ богатымъ фабрикантомъ и еще болѣе передъ большимъ товариществомъ, располагающимъ богатствомъ, которое, сравнительно съ его собственными ресурсами, представляется безпредѣльнымъ. Продажа труда находится не въ одинаковыхъ условіяхъ съ продажей товаровъ. Торговецъ можетъ попридержать свои товары въ ожиданіи повышенія цѣнъ, между тѣмъ какъ рабочій, отказывающійся стать на работу при низкой заработной платѣ, рискуетъ нищетою или голодомъ.

Другимъ основаніемъ является присущее каждому коллективисту сознаніе, что отдѣльный индивидуумъ можетъ не понимать своего интереса и особенно интереса своего класса такъ хорошо, какъ понимаетъ его трэдъ-юніонъ или государство, членомъ котораго онъ является. Эта увѣренность въ томъ, что всякаго рода ассоціаціи представляютъ собою организмы, которые могутъ быть болѣе разумными и болѣе сильными, чѣмъ лица, ихъ составляющія, вліяетъ на общую оцѣнку значенія комбинированной дѣятельности, по сравненію ея съ дѣятельностью индивидуальной, и оказываетъ немалое воздѣйствіе на новѣйшее законодательство.

Иллюстраціями такого предпочтенія коллективныхъ формъ дѣятельности могутъ служить акты 1875 г. о коалиціяхъ и новѣйшіе акты о посредничествѣ.

Актъ 1875 г. о коалиціяхъ и стоящіе въ связи съ нимъ акты 1871—1875 гг. о трэдъ-юніонахъ ставятъ всякаго рода промышленныя коалиціи, въ видѣ ли стачекъ или рабочихъ союзовъ, въ положеніе совершенно иное сравнительно съ тѣмъ, какое принадлежало имъ по законодательству (1825 г.) эпохи бентамизма. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія слѣдующія особенности дѣйствующаго права въ области коалицій, которое можно назвать компромисомъ 1875 года.

а) Коалиція въ видахъ совершенія какого-либо дѣйствія вслѣдствіе промышленнаго конфликта между предпринимателями и рабочими ставится, такъ сказать, въ привилегированное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, законъ устанавливаетъ, что «соглашеніе или коалиція двухъ или

болѣе лицъ для совершенія какого-либо дѣйствія въ виду или вслѣдствіе промышленнаго конфликта между предпринимателями и рабочими не можетъ быть предметомъ уголовного преслѣдованія по обвиненію въ преступномъ соглашеніи (*indictable as a conspiracy*) ¹⁾, если такое дѣйствіе, будучи совершено отдѣльнымъ лицомъ, не считается преступленіемъ». Такимъ образомъ создается различіе между коалиціями промышленными и другими, въ результатѣ чего не считается преступнымъ, если вслѣдствіе промышленнаго конфликта возникаетъ соглашеніе совершить такое дѣйствіе (напр., нарушить договоръ), которое не вмѣняется въ преступленіе при совершеніи его отдѣльнымъ лицомъ, тогда какъ соглашеніе о совершеніи того же дѣйствія (т.-е. нарушенія контракта) въ виду какой-либо иной цѣли можетъ быть признано преступнымъ. Въ итогѣ получается слѣдующее: соглашеніе между рабочими о нарушеніи договора ихъ съ предпринимателемъ, напр. объ оставленіи работъ безъ предувѣдомленія съ цѣлью принудить его повысить заработную плату, не будетъ преступленіемъ, тогда какъ соглашеніе между съемщиками земли объ отказѣ, въ нарушеніе договора, уплатить арендную плату землевладѣльцу, съ цѣлью принудить его уменьшить эту плату, составитъ преступленіе.

б) Своего рода санкція дается тѣмъ пріемамъ «снятія съ работы», которые обозначаются терминомъ «пикетированія» (*picketing*), въ связи съ промышленнымъ конфликтомъ, поскольку въ этихъ пріемахъ не проявляется угрозы или насилія.

¹⁾ Но оно можетъ быть предметомъ гражданскаго иска («*actionable*»).

с) Трэдъ-юніонъ, который по законодательству 1825 года представлялся болѣе или менѣе незаконнымъ обществомъ уже просто въ силу того, что цѣлью его могло быть стѣсненіе промышленности, теперь не почитается, какъ таковой, противозаконнымъ. Поэтому трэдъ-юніонъ въ отношеніи къ своимъ фондамъ пользуется защитой, и расхищеніе этихъ фондовъ не можетъ совершаться агентами союза безнаказанно, чему бывали примѣры прежде. Трэдъ-юніоны, хотя и не являются юридическими лицами, пользуются защитой закона. Однако нарушеніе правилъ союза кѣмъ-либо изъ его членовъ не даетъ права иска къ нему какъ за неисполненіе договора.

d) Различнаго рода угрозы со стороны трэдъ-юніоновъ или со стороны рабочихъ во время стачки, съ цѣлью парализовать свободу дѣйствій какъ другихъ рабочихъ, такъ и предпринимателей, признаются преступными, т.-е. воспрещаются подъ страхомъ наказаній. (Напр., всякій, кто, съ цѣлью повліять на другого, будетъ угрожать ему или станетъ преслѣдовать его, или спрячетъ его инструменты, или будетъ подкарауливать либо нарушать его домашній покой, или будетъ гнаться за нимъ по улицамъ, вызывая беспорядокъ, подлежитъ лишенію свободы на три мѣсяца съ принудительными работами).

Законъ 1875 г. представляетъ собою, на первый взглядъ, компромисъ между желаніемъ коллективистовъ содѣйствовать коллективнымъ соглашеніямъ и убѣжденіемъ индивидуалистовъ, что каждому должна быть предоставлена полная свобода вступать въ договоры, поскольку онъ не вторгается въ сферу правъ своихъ ближнихъ. Но

въ этомъ компромисѣ проявляется значительная перемѣна въ духѣ англійскаго законодательства: хотя въ немъ и заключаются нѣкоторыя суровыя мѣры защиты индивидуальной свободы, однако, сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ, онъ особенно благопріятенъ промышленнымъ коалиціямъ.

Законъ 1875 г. о коалиціяхъ составляетъ прямую противоположность закону 1800 года. Поскольку первый благопріятствуетъ, постольку второй препятствуетъ коалиціямъ какъ среди рабочихъ, такъ и среди предпринимателей. Законъ 1875 г. считаетъ стачку явленіемъ вполне законнымъ и даетъ трэдъ-юніонамъ признанное, хотя и нѣсколько своеобразное положеніе; между тѣмъ, законъ 1800 г., въ сущности, относится къ стачкѣ какъ къ преступленію, а къ трэдъ-юніону—почти какъ къ дѣющемуся преступному соглашенію.

По духу своему законъ 1875 г. существенно отличается и отъ закона 1825 г. Закономъ 1875 г. предусматриваются и облегчаются коллективныя соглашенія рабочихъ и хозяевъ; между тѣмъ, въ бентамовскомъ законодательствѣ имѣлось въ виду установить въ области труда начало свободной конкуренціи, и промышленныя коалиціи допускались или терпѣлись лишь поскольку онѣ составляли проявленіе и принадлежность такого порядка. Въ законѣ 1875 г. главною задачею является расширеніе права коалиціи въ отношеніи къ сдѣлкамъ между рабочими и хозяевами, и уже на второмъ планѣ стоитъ защита свободы индивидуумовъ въ области продажи или покупки труда; между тѣмъ, въ законѣ 1825 г. прежде

всего дается защита договорной свободѣ каждого лица, будетъ ли то продавецъ или покупатель труда, и лишь на второмъ планѣ стоитъ расширеніе права коалиціи, поскольку это признавалось необходимымъ для дѣйствительнаго обезпеченія въ области труда принципа свободной конкуренціи.

Законодательствомъ 1875 г. дается такой широкій просторъ праву ассоціаціи, что у людей компетентныхъ возникло даже сомнѣніе по вопросу о томъ, достаточно ли обезпечивается этимъ законодательствомъ договорная свобода какъ отдѣльнаго рабочаго, такъ и отдѣльнаго предпринимателя. Правда, сомнѣніе это въ значительной степени устраняется рядомъ судебныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ недавно; этими рѣшеніями установлено, во-первыхъ, что хотя коалиціи, имѣющія отношеніе къ промышленному конфликту, не подлежатъ уголовному преслѣдованію, какъ преступныя соглашенія, однако лица, въ нихъ участвующія, подлежатъ гражданской отвѣтственности за убытки, причиненные ими, и во-вторыхъ, что трэдъ-юніоны могутъ быть признаны отвѣтственными за ущербы, причиненные ихъ агентами. Какъ бы то ни было, одно совершенно ясно: авторы компромиса 1875 года и общественное мнѣніе, которымъ этотъ компромисъ санкціонированъ, весьма далеки отъ признанія бентамовскаго идеала примѣненія къ области труда начала свободной конкуренціи.

Очеркъ развитія законодательства о коалиціяхъ Дайси заканчиваетъ указаніемъ, что въ отдѣльныхъ моментахъ этой эволюціи особенно ярко выступаетъ соотношеніе,

существующее между развитіемъ законодательства и смѣною теченій общественнаго мнѣнія.

Въ законодательствѣ 1800 года отразилось тревожное настроеніе эпохи стараго торизма.

Законодательство 1824—1825 гг., даже въ своихъ колебаніяхъ, соотвѣтствуетъ бентамовскому идеалу свободной конкуренціи въ области труда и даетъ выраженіе этому идеалу.

Компромисъ 1875 г. отражаетъ комбинированное вліяніе демократіи и коллективизма — вліяніе, встрѣчающее, однако, противовѣсъ или противодѣйствіе въ идеяхъ и стремленіяхъ индивидуалистическаго либерализма.

Въ судебномъ толкованіи этого компромиса, вызванномъ двойственностью законодательныхъ нормъ, выступаетъ убѣжденіе, имѣющее и нынѣ, какъ прежде, огромное значеніе у англичанъ, въ томъ, что индивидуальная свобода должна быть признаваема священной, и что этой свободѣ угрожаетъ большая опасность отъ неограниченнаго права коалиціи. Если мы спросимъ, подъ вліяніемъ какихъ причинъ усилилось, послѣ 1875 года, сознаніе этой опасности, то всѣ онѣ могутъ быть выражены однимъ словомъ: «бойкотъ». Терминъ этотъ, получившій признаніе повсемѣстно, появился впервые осенью 1880 года; широкое распространеніе получилъ онъ потому, что онъ былъ лишь новымъ обозначеніемъ старой болѣзни, возродившейся въ новой формѣ. Сознана была грозная опасность того, что право коалицій, будучи ничѣмъ не ограничено, можетъ нанести смертельный ударъ свободѣ.

Иногда говорятъ, что современное законодательство

по этому предмету отличается неясностью; но этой неясности, поскольку она дѣйствительно существуетъ, соответствуетъ неясность въ направленіи самого общественнаго мнѣнія,—говоритъ Дайси.—«Всѣ мы въ Англіи до сихъ поръ воображаемъ, что мы вѣримъ въ благотѣльность свободы, и однако, по выраженію, ставшему ходячимъ,—теперь всѣ мы социалисты». Неясность эта гораздо глубже, чѣмъ простое несоответствіе между взглядами различныхъ классовъ. Пусть каждый постарается отдать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, и окажется, что внутри происходитъ борьба самыхъ несовмѣстимыхъ одна съ другою социальныхъ теорій. Знаменитый судья лордъ Брамвелль, убѣжденнѣйшій индивидуалистъ, являлся въ концѣ своей жизни поразительнымъ и интереснымъ олицетвореніемъ взглядовъ минувшей эпохи; однако, лордъ Брамвелль писалъ однажды своему другу: «я немного социалистъ».

Законодательство о коалиціяхъ, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать его развитіе въ различные періоды, служить убѣдительнымъ подтвержденіемъ положенія о томъ, что въ современной Англіи законъ есть отраженіе общественнаго мнѣнія.

Что касается законодательства о посредничествѣ, то развитіе его началось съ акта 1867 г. и—пока—завершается актомъ 1896 г. о примирительномъ производствѣ. Между первыми мѣрами этого рода и позднѣйшими замѣчается существенное различіе. Болѣе ранними актами о посредничествѣ имѣлось въ виду установить суммарные и практическіе способы для разрѣшенія опредѣленныхъ столкнове-

ній между хозяевами и ихъ рабочими, по образцу того порядка, какой существуетъ для разрѣшенія торговыхъ споровъ общими судами. Новѣйшіе акты о примирительномъ производствѣ преслѣдуютъ новую задачу, и въ основѣ ихъ лежатъ новыя идеи. Задача ихъ состоитъ не только въ разрѣшеніи опредѣленныхъ столкновѣній, возникшихъ между предпринимателями и ихъ рабочими, но также въ предупрежденіи такихъ столкновѣній въ будущемъ, при чемъ они стремятся достигнуть этой цѣли путемъ нравственнаго воздѣйствія государства, проявляющагося въ дѣятельности правительственныхъ органовъ. Въ идеяхъ, лежащихъ въ основѣ этихъ мѣръ, проявляется тенденція въ сторону коллективизма. Правда, по дѣйствующему законодательству, государственное вмѣшательство въ конфликты, возникающіе въ области труда, поставлено въ извѣстные предѣлы: оно можетъ принять форму либо простого изслѣдованія даннаго столкновѣнія, либо третейскаго разбирательства по просьбѣ *обѣихъ* сторонъ. Но одной возможности такого вмѣшательства уже достаточно для того, чтобы общественное мнѣніе—оно никогда не отличается безпристрастіемъ—сказалось во всей своей силѣ въ вопросѣ объ отношеніяхъ, существующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ между хозяиномъ и его рабочими; къ тому же сфера воздѣйствія государства можетъ съ каждымъ днемъ расширяться. Настоящее время есть переходная стадія въ развитіи посреднической роли государства. Попытки въ этомъ отношеніи, если онѣ не будутъ оставлены вовсе, должны дойти до своего логическаго конца и привести къ установленію принудитель-

наго посредничества, которое является лишь болѣе скромнымъ терминомъ для обозначенія регулированія труда государствомъ, по всей вѣроятности при помощи судовъ ¹⁾.

4) *Уравненіе удобствъ* (Equalization of advantages).—Въ тѣсной связи со стремленіемъ коллективистовъ расширить область покровительства находится идея предоставленія одинаковыхъ жизненныхъ удобствъ. Въ каждомъ обществѣ большинство членовъ не могутъ обезпечить себѣ тѣ удобства, которыя выпадаютъ на долю ихъ болѣе богатыхъ и болѣе счастливыхъ ближнихъ. Государство — полагаютъ коллективисты — должно защищать трудящіеся классы отъ такого послѣдствія бѣдности и, въ цѣляхъ этой защиты, оно должно принять мѣры къ обезпеченію за каждымъ гражданиномъ по возможности такихъ же удобствъ, въ видѣ образованія или физическаго благосостоянія, какія люди состоятельные получаютъ на соб-

¹⁾ Обязательное посредничество должно осуществляться либо судами, либо органами исполнительной власти. Дайси выражаетъ, однако, сомнѣніе въ томъ, что и тѣ, и другіе окажутся подходящими для этой задачи. «Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—судьи по самому существу недостаточно компетентны для дѣйствительнаго посредничества по вопросамъ, по которымъ у нихъ не можетъ быть специальныхъ знаній; къ тому же суды не располагаютъ надлежащими способами обезпечить исполненіе своихъ посредническихъ рѣшеній по отношенію къ участникамъ конфликта. Можно предвидѣть также, что возложеніе на судей работы не-судебной можетъ подорвать репутацію полного безпристрастія, которымъ особенно славятся судьи въ Англіи. Съ другой стороны, исполнительная власть представляется органомъ болѣе подходящимъ, чѣмъ суды, для исполненія рѣшеній, но парламентскій кабинетъ не обладаетъ и не можетъ обладать тѣмъ безпристрастіемъ, которое является для посредника первымъ условіемъ выполненія имъ своихъ обязанностей. Министерство, призванное постановить рѣшеніе по столкновенію между предпринимателемъ и его рабочими, въ рѣшеніи своемъ неизбежно будетъ считаться съ тѣмъ вліяніемъ, какое это рѣшеніе можетъ имѣть на ближайшихъ общихъ выборахъ».

ственные свои средства. Во второй половинѣ XIX вѣка въ Англіи было издано немало законовъ, проникнутыхъ стремленіемъ къ такому уравнинію удобствъ въ отношеніи ко всѣмъ классамъ, что на дѣлѣ сводится къ предоставленію трудящимся различныхъ преимуществъ за счетъ всѣхъ налогоплательщиковъ.

Дайси отмѣчаетъ эту тенденцію въ развитіи законодательства о начальномъ народномъ образованіи, объ отвѣтственности предпринимателя за увѣчья, полученныя рабочими во время работы, и въ муниципализаціи промышленныхъ предпріятій.

До 1832 года государство не принимало никакого участія въ дѣлѣ народнаго образованія, при чемъ и на родителей не возлагалось юридической обязанности давать своимъ дѣтямъ образованіе. Впервые въ 1833 г. изъ государственныхъ средствъ было назначено 20.000 фунт. стерл. въ годъ на выдачу пособій двумъ большимъ обществамъ, занимавшимся распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ. Выдачею пособій, правда все болѣе и болѣе значительныхъ, и ограничивалось въ теченіе долгаго времени участіе государства въ дѣлѣ народнаго образованія. Болѣе широкое участіе государства не мирилось бы съ господствовавшими индивидуалистическими теченіями эпохи. Дайси обращаетъ вниманіе на то, что Джонъ Милль еще въ 1859 г., въ своемъ трактатѣ о свободѣ, высказывался отрицательно по вопросу о прямомъ участіи государства въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ и считалъ, что государство должно лишь обязывать родителей обезпечить своимъ дѣтямъ элементарное образованіе.

Въ 1870 году впервые народное образованіе сдѣлалось предметомъ государственнаго управленія, и государство возложило на родителей обязанность предоставлять своимъ дѣтямъ начальное образованіе, и притомъ на средства самихъ родителей, такъ какъ они были обязаны уплачивать за школьное обученіе дѣтей. Въ 1876 г. приняты были мѣры къ болѣе дѣйствительному обезпеченію выполненія родителями ихъ обязанности, а въ 1880 г. впервые сдѣлано было всеобщимъ обязательное посѣщеніе дѣтьми школъ. Въ 1891 г. родители дѣтей, обязанныхъ посѣщать школы, были освобождены отъ обязанности вносить школьную плату, и начальное обученіе сдѣлалось бесплатнымъ.

Эта послѣдняя реформа вполне гармонируетъ съ идеями коллективизма. Она создаетъ, съ одной стороны, такой порядокъ, при которомъ А, воспитывающій своихъ дѣтей на свой счетъ или вовсе не имѣющій учащихся дѣтей, обязанъ платить за обученіе дѣтей у В, который, хотя и имѣетъ средства для уплаты за ихъ ученіе, но предпочитаетъ, чтобы платили другіе. Съ другой стороны, она приводитъ къ тому, чтобы дѣтей богатыхъ и бѣдныхъ поставить, въ отношеніи къ начальному обученію, въ одинаковое положеніе. Тогда какъ въ началѣ XIX вѣка въ области народнаго образованія всецѣло господствовали принципы индивидуалистическіе, въ настоящее время въ государственной системѣ школьнаго дѣла выступаютъ начала коллективизма.

Въ духѣ коллективизма совершается и развитіе законодательства объ отвѣтственности предпринимателей. Около 1800 года судами былъ установленъ принципъ, по кото-

рому предприниматель отвѣтственъ передъ третьимъ лицомъ за ущербъ, причиненный ему вслѣдствіе небрежности служащихъ или рабочихъ во время ихъ работъ. Въ періодъ между 1830 и 1840 гг., въ отношеніи къ предѣламъ отвѣтственности предпринимателя, судами было установлено ненормальное ограниченіе. По ихъ толкованію, предприниматель не обязанъ уплачивать вознагражденіе кому-либо изъ своихъ служащихъ или рабочихъ за ущербъ, причиненный ему по небрежности его сотоварища во время ихъ общей работы. Это положеніе извѣстно подъ названіемъ «доктрины совмѣстной работы». Оно относится къ эпохѣ индивидуализма и опиралось на экономическую теорію, сомнительнаго, правда, достоинства, въ силу которой, при вступленіи рабочаго въ какое-либо предпріятіе, рискъ, естественно связанный съ его работою, принимается въ соображеніе при опредѣленіи заработной платы. Въ связи съ этимъ указывалось, что рабочій самъ можетъ быть отчасти отвѣтственъ за несчастный случай, отъ котораго онъ страдаетъ, хотя онъ и не является непосредственнымъ виновникомъ его: такъ, если рабочіе порохового склада имѣютъ обыкновеніе, въ нарушеніе правилъ, курить тамъ, и если А, одинъ изъ нихъ, самъ дѣлаетъ или допускаетъ это, то онъ можетъ оказаться отвѣтственнымъ за взрывъ, жертвою котораго онъ будетъ, хотя бы взрывъ послѣдовалъ и не отъ его трубки. Какъ бы то ни было, доктрина совмѣстной работы приводила къ тягостнымъ послѣдствіямъ. Если желѣзнодорожное несчастіе случилось по винѣ машиниста, то каждый пострадавшій пассажиръ могъ получить вознагражденіе отъ желѣзно-

дорожной компаніи, но кондукторъ не могъ получить никакого вознагражденія, такъ какъ онъ пострадалъ вслѣдствіе небрежности своего товарища по общей работѣ. Такой порядокъ, имѣвшій примѣненіе и въ Массачузетсѣ въ такой же степени, какъ въ Англіи, нельзя было бы объяснить антидемократическими чувствами, но онъ вызывалъ частые протесты со стороны рабочихъ. Однако предоставленіе послѣднимъ политическихъ правъ (въ 1867 г.) не тотчасъ привело къ отказу отъ доктрины совмѣстной работы. Актомъ 1880 г. объ отвѣтственности предпринимателей ограничено было примѣненіе правила, отъ котораго страдали трудящіеся, но оно не было отмѣнено. Въ 1894 г. палата общинъ приняла билль, всецѣло упразднявшій доктрину совмѣстной работы, но билль этотъ былъ оставленъ его авторами послѣ того, какъ палата лордовъ внесла въ него ограничительную поправку. Только въ 1897 году законодательство по этому предмету вступило на новый путь. Изданный въ этомъ году актъ о вознагражденіи рабочихъ ввелъ въ законодательство новое начало, по которому предприниматель обязанъ, за нѣкоторыми ограниченіями, страховать своихъ рабочихъ отъ риска, сопряженнаго съ работою. Въ то же время право рабочаго отчуждать свое право на вознагражденіе было фактически устранено, такъ какъ соглашеніе объ отказѣ отъ вознагражденія, обезпечиваемаго закономъ за рабочимъ, можетъ быть признано дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда соглашеніемъ между предпринимателемъ и его рабочими за послѣдними обезпечиваются выгоды не меньшія сравнительно съ тѣми, которыя предоставляются

актами о вознагражденіи, при чемъ такія соглашенія должны быть санкціонированы должностнымъ лицомъ.

«Это законодательство отражаетъ,—говоритъ Дайси,— всѣ характерныя черты коллективизма. Рабочіе защищаются отъ риска труда не своими собственными усиліями или предусмотрительностью и не въ силу договоровъ съ предпринимателями, а системою страхованія, которую законъ дѣлаетъ обязательною для предпринимателей. Начало договорнаго соглашенія какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны предпринимателей устраняется. Предпочтеніе дается коллективному соглашенію. Закономъ, наконецъ, обеспечивается за однимъ классомъ общества та выгода, въ отношеніи къ страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, которую другіе классы могутъ получить лишь своими собственными средствами, и хотя договоръ о наймѣ на работу и теперь еще заключается непосредственно между хозяевами и рабочими, однако позади стоитъ государство, которымъ опредѣляется одно изъ важнѣйшихъ условій рабочаго договора».

Характернымъ, съ точки зрѣнія успѣховъ коллективизма, представляется то широкое развитіе, какое получили въ муниципалитетахъ различныя промышленныя предпріятія. Въ началѣ XIX вѣка городскія управленія не брались за предпріятія, которыя съ успѣхомъ велись частными лицами или компаніями. До реформы 1835 г. они и по самому устройству своему были мало пригодны для этой цѣли; не гармонировала она и съ индивидуалистическими теченіями времени. Постепенный поворотъ въ общественномъ мнѣніи и по этому предмету обнаруживается съ по-

ловины XIX вѣка, когда все болѣе и болѣе въ руки муниципалитетовъ стали переходить различныя предпріятія по водоснабженію, устройству рынковъ, газовому освѣщенію и т. п. На первыхъ порахъ муниципалитеты сосредоточивали въ своихъ рукахъ предпріятія, стоявшія въ близкой связи съ задачами городского управленія. Область ихъ, однако, быстро расширялась и захватывала все новыя отрасли, и въ настоящее время замѣчается настоящая дѣятельная конкуренція между муниципалитетами, оперирующими на средства, взимаемыя въ качествѣ налоговъ, и частными предпринимателями, располагающими лишь своими ресурсами. Къ тому же, — говоритъ Дайси, — «цѣлью муниципальных предпріятій является использование средствъ, собираемыхъ съ налогоплательщиковъ, такимъ образомъ, чтобы можно было предоставить всѣмъ обитателямъ данной мѣстности такія удобства, на примѣръ, дешеваго передвиженія, какія они не могли бы получить сами. Здѣсь мы видимъ, въ самой наглядной формѣ, стремленіе къ уравненію удобствъ».

Переходя къ анализу тѣхъ общихъ тенденцій, которыя выступаютъ въ новѣйшемъ законодательствѣ Англіи, Дайси приводитъ изъ книги Джона Морлея «Жизнь Кобдена» небольшое извлеченіе, которое онъ называетъ классическимъ по глубинѣ и яркости данной въ немъ характеристики основныхъ теченій этого законодательства.

«Не подлежитъ сомнѣнію, — писалъ Морлей въ 1881 году, — что Кобденъ былъ совершенно правъ, называя тенденціи этого законодательства (фабричнаго) социали-

стическими. Это въ высшей степени яркое проявленіе государственной власти, которая устанавливаетъ, въ интересахъ рабочаго, опредѣленные ограниченія въ области распоряженія капиталомъ. Актъ 1844 г. являлся лишь начальнымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Въ 1847 г. билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ сдѣлался закономъ. Кобденъ въ то время былъ заграницею и не принималъ участія въ послѣднихъ стадіяхъ проведенія билля. Въ теченіе слѣдовавшихъ затѣмъ тридцати лѣтъ указанный принципъ примѣнялся все болѣе и болѣе съ изумительнымъ постоянствомъ. Въ настоящее время мы имѣемъ полный, подробный и обширный кодексъ для защиты труда; зданія должны быть содержимы въ чистотѣ; опасныя машины должны быть обнесены перилами; дѣти и подростки не должны чистить машины, когда онѣ находятся въ движеніи; рабочее время дѣтей и подростковъ не только ограничено, но опредѣлено въ точности; непрерывная работа не должна превышать извѣстнаго числа часовъ, смотря по роду производства, при чемъ въ законѣ даются точныя указанія по отдѣльнымъ случаямъ; закономъ устанавливается число праздничныхъ дней; дѣти должны посѣщать школу, и предприниматель обязанъ имѣть за каждую недѣлю удостовѣреніе по этому предмету; если произойдетъ несчастный случай, подлежащимъ органамъ должно быть послано извѣщеніе; особыя предписанія установлены для хлѣбопекаренъ, для производства кружевъ, для каменно-угольныхъ копей и для цѣлой серіи другихъ специальностей; для того, чтобы обезпечить надлежащее выполненіе и тщательный надзоръ по этой массѣ подробныхъ пред-

писаній, имѣется огромный штатъ инспекторовъ, врачей и другихъ властей, задача которыхъ состоитъ въ непрестанномъ надзорѣ за всякаго рода трудомъ, начиная съ женщины, которая плететъ соломѣ, сидя у входа въ свою хижину, и вплоть до углекопа, спускающагося въ подземелье, или моряка, развозящаго по самымъ отдаленнымъ частямъ свѣта плоды и издѣлія міровой промышленности. Но все это одна изъ обширныхъ отраслей того, чего обыкновенно требуютъ наиболѣе настойчивые изъ социалистовъ; и если къ этому сложному фабричному законодательству мы прибавимъ нашу систему общественнаго призрѣнія, то мы въ результатѣ придемъ къ довольно неожиданному заключенію, а именно—что въ странѣ, въ которой о социализмѣ толковали меньше, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, принципы его получили наиболѣе широкое примѣненіе».

Морлей имѣлъ въ виду только фабричное законодательство, но сказанное имъ примѣнимо и ко многимъ другимъ отраслямъ, при чемъ вѣрность его замѣчаній получала съ каждымъ годомъ все новыя подтвержденія.

Рабочее законодательство 1878 года значительно расширено дѣйствующимъ теперь кодексомъ, изданнымъ въ 1901 г. подъ названіемъ «Factory and Workshop Act». Сфера рабочаго законодательства расширилась далеко за предѣлы обычнаго понятія фабрикъ и мастерскихъ, и, повидимому, недалеко время, когда вмѣшательство государства коснется всѣхъ видовъ труда. Съ другой стороны, законодательство о народномъ здоровіи, начавшееся въ 1848 г. со скромной попытки устранить нѣкоторые вред-

ныя для здоровья условія, развилось въ санитарный кодексъ 1875 г., который заключаетъ въ себѣ въ высшей степени сложныя и мелочныя предписанія. Акты о жилищахъ для рабочихъ классовъ мало-по-малу также развились въ сложное законодательство, предоставляющее мѣстнымъ органамъ закрывать нездоровыя жилища и даже сносить ихъ, въ случаѣ признанія ихъ непригодными для жилья, причемъ органы мѣстнаго управленія уполномочиваются возводить постройки для обезпеченія рабочихъ жилищами и, въ этихъ видахъ, пріобрѣтать землю съ правомъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ принудительному отчужденію ея. Въ послѣднее время обезпечена также возможность предоставлять мелкіе участки (allotments) сельскимъ рабочимъ, которые не могутъ сами купить или арендовать землю по рыночной цѣнѣ или которые живутъ тамъ, гдѣ землевладѣлецъ не желаетъ вовсе ни продавать, ни отдавать въ наемъ участки земли. Мѣстные органы, въ силу Allotments Acts, уполномочены пріобрѣтать землю, въ случаѣ необходимости на началахъ принудительнаго отчужденія, и затѣмъ сдавать ее участками сельскимъ рабочимъ.

Въ извѣстномъ соотношеніи съ развитіемъ коллективизма находятся нѣкоторыя явленія въ области общественнаго призрѣнія, системѣ котораго издавна былъ присущъ социалистическій элементъ. Усиленіе этого элемента ясно выступаетъ изъ сравненія между идеями, которыми характеризуется реформа 1834 г. въ области призрѣнія бѣдныхъ, и тѣми идеями, которыя въ настоящее время отчасти уже вызвали законодательныя измѣненія, а отчасти по-

лучаютъ выраженіе въ способахъ завѣдыванія призрѣніемъ.

Въ глазахъ людей, проводившихъ реформу 1834 года, система обязательнаго призрѣнія является большимъ, хотя въ данное время и неизбежнымъ зломъ. Примѣненіе ея они стремились поставить въ возможно болѣе узкіе предѣлы. Они рассчитывали въ недалекомъ будущемъ положить конецъ системѣ оказанія пособій на-дому. Многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, питали даже надежду на то, что въ концѣ концовъ можно будетъ совершенно упразднить систему обязательнаго призрѣнія. Въ интересахъ ограниченнаго примѣненія ея они придавали особенное значеніе двумъ обстоятельствамъ. Одно изъ нихъ заключается въ строгомъ ограниченіи помощи случаями дѣйствительной нищеты: задачей помощи должно быть спасеніе отъ голода, но не предоставленіе комфорта. Во-вторыхъ, съ пауперизмомъ — это явленіе совершенно отличное отъ обыкновенной бѣдности — должно связываться извѣстное безчестіе: получающій призрѣніе утрачиваетъ избирательныя права.

Съ теченіемъ времени произошла перемѣна во взглядахъ, и самое желаніе ограничить оказаніе помощи на-дому исчезло въ широкихъ кругахъ населенія. Мысль о возможности упраздненія системы обязательнаго призрѣнія уже не входитъ въ сферу задачъ практической политики. Немало, съ другой стороны, сдѣлано для уменьшенія тѣхъ неудобствъ, которыя связываются съ пауперизмомъ. Актомъ 1894 г. попечительнымъ совѣтамъ предоставлено было, при разрѣшеніи ходатайствъ о пособияхъ на-дому, не при-

нимать въ соображеніе того, что проситель, въ качествѣ члена общества взаимопомощи, «дружескаго общества» (friendly society), получаетъ изъ кассы общества пособіе не свѣше пяти шилинговъ въ недѣлю. Новымъ актомъ 1904 г. по тому же предмету *право* попечительныхъ совѣтовъ въ этомъ отношеніи было превращено въ ихъ *обязанность*. Съ другой стороны, по закону 1885 г. получение пособія на-дому въ формѣ врачебной помощи не лишаетъ получающаго ее права осуществлять избирательныя функціи. Въ будущемъ можно ожидать дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи: теперешній премьеръ, сэръ Кэмпбелъ-Баннерманъ заявилъ въ 1904 г., въ качествѣ лидера оппозиціи, что онъ — «въ пользу отмѣны избирательныхъ ограниченій для получающихъ временное призрѣніе».

Съ точки зрѣнія законодательныхъ теченій немалый интересъ представляютъ и проекты, еще не обратившіеся въ законы, такъ какъ въ нихъ обнаруживаются желанія и стремленія избирателей. Дайси останавливается на нѣкоторыхъ изъ нихъ, проникнутыхъ уже отмѣченнымъ стремленіемъ къ «уравненію удобствъ». Таковъ проектъ установленія пенсій для престарѣлыхъ, достигшихъ шестидесяти-пяти-лѣтняго возраста, на средства, получаемыя отъ налогоплательщиковъ. Таково же предположеніе предоставить попечителямъ о бѣдныхъ право устраивать «для достойныхъ нуждающихся престарѣлыхъ» особые коттеджи, обитатели которыхъ «съ надлежащею заботливостью обезпечивались бы пищею и другими удобствами». Другими словами, говоритъ Дайси, это значитъ, «что они

будутъ пользоваться по меньшей мѣрѣ такимъ же, а можетъ быть и бѣльшимъ комфортомъ, чѣмъ тотъ, который составляетъ удѣлъ энергичнаго труженика, обезпечившаго себѣ, на склонѣ жизни, своимъ заработкомъ и сбереженіями скромную независимость. Всѣ такіе планы, каковы бы ни были ихъ преимущества, имѣютъ нѣкоторыя общія черты. Всѣ они имѣютъ въ виду освободить получение общественнаго призрѣнія отъ того униженія и нѣкотораго ограниченія въ правахъ, которыя до сихъ поръ связывались съ пауперизмомъ; они подрываютъ идею о томъ, что въ принципѣ каждый гражданинъ обязанъ самъ заботиться о своихъ нуждахъ не только въ молодости, но и въ старости; и что если преклонный возрастъ, съ которымъ сопряжена утрата работоспособности, можетъ быть названъ болѣзнью, то все-таки это болѣзнь настолько неизбѣжная, что она должна вызывать особенную обязанность обезпечить себя въ виду ея».

Въ нѣкоторыхъ билляхъ 1904 г. выступаетъ также другая характерная особенность коллективизма, а именно благопріятное отношеніе, которое лица, усвоившія социалистическіе идеалы, проявляютъ къ коллективной дѣятельности сравнительно съ индивидуальной. Трэдъ-юніонисты добиваются полнаго переворота въ области права коалицій. Они требуютъ, въ отношеніи къ промышленнымъ конфликтамъ, фактической отмѣны законовъ о преступныхъ соглашеніяхъ, узаконенія такъ называемаго мирнаго «пикетирования» и—что является совершенною аномаліею—освобожденія трэдъ-юніоновъ и ихъ членовъ отъ гражданской отвѣтственности за ущербы, причиненные кому-либо дѣй-

ствіями членовъ рабочаго союза. «Всѣ эти измѣненія приводятъ къ тому заключенію, — говоритъ Дайси, — что англійскіе рабочіе ощущаютъ живѣйшую потребность въ томъ, чтобы оказывать сильнѣйшее «нравственное воздѣйствіе» — воздѣйствіе, по отношенію къ которому едва ли, однако, даже при распространительномъ толкованіи было бы справедливо примѣнять терминъ «нравственное» — съ цѣлью парализовать эгоизмъ рабочаго или предпринимателя, дѣйствующаго въ разрѣзъ съ интересами группы трудящихся. Но эти же предполагаемыя измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, что англійскіе рабочіе слѣпы къ опасностямъ, сопряженнымъ съ такимъ расширеніемъ права ассоціаціи, которое можетъ привести къ серьезному сокращенію области индивидуальной свободы. Эта склонность обезцѣнивать значеніе личной свободы и переоцѣнивать значеніе классовыхъ интересовъ иллюстрируется до извѣстной степени биллемъ объ иммиграціи иностранцевъ (биллемъ, который въ 1905 г. сталъ закономъ). Мѣра эта имѣетъ въ виду ограничить водвореніе въ Англіи неимущихъ иностранцевъ и вообще нежелательныхъ иммигрантовъ, присутствіе которыхъ можетъ увеличить англійскую бѣдноту. Она была предложена парламенту правительствомъ, при чемъ есть основаніе думать, что ей сочувствуютъ рабочіе классы. Нельзя отрицать, что въ пользу билля объ иностранцахъ могутъ быть приведены доводы, заслуживающіе вниманія; но всякій безпристрастный наблюдатель не можетъ не замѣтить, что билль этотъ находится въ соотвѣтствіи съ стремленіемъ ограничить всякаго рода конкуренцію, идущую въ разрѣзъ съ непосредственными интересами англій-

скихъ рабочихъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, въ этомъ биллѣ обнаруживается рѣшительная реакція противъ традиціонной въ Англіи политики благопріятнаго отношенія къ иммиграціи иностранцевъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ его выступаетъ индифферентное отношеніе къ тому уваженію, которымъ въ Англіи всегда пользовалась личная свобода, хотя бы и иностранца, и которое можно назвать естественнымъ индивидуализмомъ общаго права».

Въ меньшей степени, чѣмъ въ Англіи, коллективистическими тенденціями проникнуто и новѣйшее законодательство нѣкоторыхъ самоуправляющихся колоній Англіи. Обязательное посредничество во всѣхъ конфликтахъ между предпринимателями и рабочими, или, иначе говоря, регулированіе государствомъ отношеній между этими двумя классами; широкое развитіе фабричнаго законодательства, предусматривающаго, между прочимъ, регулированіе закономъ продолжительности рабочаго дня во всѣхъ видахъ труда, въ томъ числѣ и домашней прислуги; предоставленіе государствомъ работы безработнымъ; опредѣленіе закономъ справедливой заработной платы; суровое примѣненіе законодательства о крѣпкихъ напиткахъ съ

¹⁾ Основательность этого замѣчанія Дайси находитъ себѣ яркое подтвержденіе въ томъ дополненіи къ акту объ иммиграціи иностранцевъ, которое внесено было въ новую палату общинъ, въ 1906 году, по инициативѣ рабочихъ членовъ парламента. Этимъ дополнительнымъ биллемъ воспрещается доступъ въ Англію иностранцамъ-рабочимъ, нанятымъ предпринимателемъ во время конфликта между ними и рабочими. Билль этотъ принятъ палатою общинъ, но не могъ обратиться въ законъ, такъ какъ палата лордовъ отвергла его, вызвавъ этимъ рѣзкое неудовольствіе въ средѣ рабочихъ классовъ.

возможною задачею сдѣлать трезвость обязательно; недопущеніе всѣхъ тѣхъ иммигрантовъ, хотя бы они и были англійскими подданными, присутствіе которыхъ нежелательно рабочимъ;—всѣ эти и имъ подобныя мѣры находятъ полное сочувствіе въ средѣ гражданъ Австраліи и Новой Зеландіи.

«Сходство между законодательствомъ, которое дѣйствительно нашло себѣ мѣсто въ этихъ колоніяхъ,—говоритъ Дайси,—и тѣми законами, которые уже проведены или намѣчены въ Англіи, заслуживаетъ полного вниманія, такъ какъ оно проливаетъ яркій свѣтъ на естественныя тенденціи того скрытаго социализма или коллективизма, еще не выливашагося въ опредѣленные социалистическія формулы, который въ теченіе послѣднихъ тридцати слишкомъ лѣтъ выступалъ, со все возрастающею силою, въ развитіи англійскаго законодательства».

VI.

Различіе во взглядахъ индивидуалистовъ и коллективистовъ на отношенія между человекомъ и государствомъ.—Соотношеніе между бентамизмомъ и демократическимъ социализмомъ.—Принципъ полезности—Парламентское верховенство.—Усовершенствованіе механизма управленія.—Характерныя черты перехода отъ индивидуализма къ коллективизму.

Въ предшествующемъ изложеніи я старался исчерпать главное содержаніе интересной книги Дайси, чтобы дать читателямъ возможно болѣе ясное представленіе о важ-

нѣйшихъ фазисахъ развитія англійскаго законодательства XIX вѣка въ соотношеніи съ послѣдовательною смѣною теченій общественнаго мнѣнія. Въ этомъ развитіи наиболѣе ярко выступаетъ постепенный переходъ отъ индивидуализма къ коллективизму. Переходъ этотъ, какъ мы видѣли, представляетъ собою явленіе не случайное и не мимолетное, будучи вызванъ дѣйствіемъ цѣлой совокупности причинъ, вліяніемъ цѣлаго ряда измѣнившихся условій соціальной жизни. Въ области законодательства эта смѣна теченій общественной мысли сказалась весьма рѣзко, и причину этого Дайси вполне основательно усматриваетъ въ коренномъ различіи, которое существуетъ у индивидуалистовъ и коллективистовъ въ опредѣленіи отношенія между человѣкомъ и государствомъ.

«Либералы-бентамиты,—говоритъ Дайси,—смотрятъ на людей, главнымъ образомъ и черезчуръ исключительно, какъ на отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ каждый долженъ собственными своими усиліями устраивать свое счастье и благосостояніе; при этомъ они считали, что преуспѣяніе общества, напр., англійской націи. означаетъ не что иное, какъ преуспѣяніе или благополучіе всѣхъ или большинства его членовъ. Они полагали также, и конечно не безъ основанія, что, при правильномъ пониманіи человѣкомъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, истинное благополучіе каждого гражданина будетъ и истиннымъ благополучіемъ государства. Поэтому либералы, въ эпоху преобладающаго вліянія ихъ, содѣйствовали развитію такого законодательства, которое увеличивало бы свободу, энергію и независимость каждого гражданина, которое развивало бы въ немъ пониманіе сво-

ихъ дѣйствительныхъ интересовъ и которое укрѣпляло бы въ немъ чувство собственной индивидуальной отвѣтственности за результаты своего личнаго поведенія, какъ въ отношеніи къ себѣ самому, такъ и въ отношеніи къ своимъ ближнимъ.

«Коллективисты, съ другой стороны, смотрятъ на людей, главнымъ образомъ и черезчуръ исключительно, не столько какъ на отдѣльныхъ индивидовъ, сколько какъ на существа, которыя по самой природѣ своей являются гражданами и частями большого организма—государства, членами котораго они состоятъ. Реформисты, вниманіе которыхъ такимъ образомъ всецѣло поглощалось соціальною стороною человѣческой природы, были убѣждены или, скорѣе, чувствовали, что счастье каждаго гражданина зависитъ отъ благополучія націи, и считали, что въ обезпеченіи благополучія націи лежитъ единственный путь къ обезпеченію счастья каждаго индивидуальнаго гражданина. Поэтому коллективисты содѣйствовали развитію такого законодательства, которое усиливало бы соціальныя и симпатическія чувства каждаго человѣка и укрѣпляло бы въ немъ сознаніе отвѣтственности общества или государства передъ благополучіемъ или счастьемъ каждаго индивидуальнаго гражданина»...

При всемъ различіи между индивидуалистическимъ либерализмомъ эпохи бентамизма и демократическимъ социализмомъ послѣдняго времени, оба эти теченія имѣютъ, однако, нѣкоторыя общія черты. «Отъ бентамизма,—говоритъ Дайси,—современные социалисты (прибавимъ — ан-

глійскіе) унаслѣдовали законодательную догму, законодательное орудіе и законодательную тенденцію».

Это положеніе Дайси разъясняетъ въ рядѣ весьма тонкихъ замѣчаній, представляющихъ выдающійся интересъ для установленія надлежащей точки зрѣнія на соотношеніе между смѣнившимися одно другое теченіями общественной мысли.

Основной догматъ бентамизма—знаменитый принципъ полезности. Когда въ 1776 году вышло въ свѣтъ сочиненіе Бентама: «Fragment on Government», генеральный атторней Веддербернъ, провидѣвъ въ замыслахъ утилитаризма революціонную тенденцію, высказалъ убѣжденіе въ томъ, что «принципъ полезности—принципъ опасный». Такая квалификація основного начала утилитаризма вызвала со стороны Бентама ироническое указаніе на то, что Веддербернъ въ значительной степени правъ, и что людямъ, которые извлекаютъ многія выгоды изъ олигархическаго порядка управленія, не можетъ не казаться опаснымъ принципъ, по которому единственно *справедливою* и *закономѣрною* цѣлью управленія является наибольшее счастье наибольшаго числа людей.

Въ настоящее время, когда принципъ наибольшаго благополучія сталъ трюизмомъ, усвоеннымъ консерваторами въ неменьшей степени, чѣмъ демократами, опасеніе Веддерберна можетъ показаться страннымъ. «Однако,—говоритъ Дайси,—Веддербернъ, со своей точки зрѣнія, далъ вѣрную оцѣнку принципу полезности. Это былъ принципъ, чреватый настоящимъ переворотомъ; онъ предполагалъ упраздненіе всякой должности и всякаго учре-

жденія, которыя не оправдывались соображеніями общественной пользы; онъ подрывалъ въ корнѣ всѣ злоупотребленія, въ родѣ дорого оплачиваемыхъ синекуръ, которыхъ было такъ много въ 1776 г. во всѣхъ отрасляхъ гражданскаго и церковнаго управленія; онъ наносилъ смертельный ударъ не только оптимизму Блэкстона, но и историческому консерватизму Борка. Онъ, въ сущности, шель даже гораздо дальше, такъ какъ въ виду того, что въ каждомъ государствѣ бѣдные и нуждающіеся всегда составляютъ большинство, излюбленный догматъ бентамизма приводилъ къ заключенію, — безусловно чуждому англійскимъ государственнымъ людямъ XVIII-го вѣка, — а именно, что настоящею задачею законодательства должно быть обезпеченіе благополучія не дворянства или джентри, а рабочихъ и вообще трудящихся».

Законодательнымъ орудіемъ бентамизма являлось парламентское верховенство въ надлежащемъ его использованіи.

«Всемогущество парламента, усвоенное Бентамомъ отъ Блэкстона, — говоритъ Дайси, — могло, въ качествѣ абстрактной доктрины, вызывать спокойное восхищеніе знаменитаго комментатора. Но всемогущество парламента, воплощенное въ дѣйствительность и направленное смѣлыми реформистами къ устраненію всѣхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ злоупотребленій, могло вызвать тревогу не только въ спекуляторахъ, извлекавшихъ себѣ выгоды и почетъ изъ данныхъ условій общественной жизни, но и въ государственныхъ людяхъ, въ родѣ Питта и Вильберфорса, не находившихся подъ воздѣйствіемъ какихъ-либо корыстныхъ интересовъ. Словомъ, парламентское верховенство,

выдвинутое Блэкстономъ въ теоріи и утилизированное Бентамомъ на практикѣ, является орудіемъ весьма пригоднымъ для установленія демократическаго деспотизма».

Законодательною тенденціею бентамизма было постоянное усложненіе и усовершенствованіе механизма управленія.

Стремясь къ развитію законодательства въ соотвѣтствіи съ принципомъ полезности, бентамиты ближайшимъ образомъ озабочивались расширеніемъ области индивидуальной свободы, видя въ этомъ лучшее средство обезпечить наибольшее благополучіе наибольшаго числа людей. Однако, въ своихъ стремленіяхъ они на каждомъ шагу встрѣчали либо противодѣйствіе, либо инертность со стороны классовыхъ интересовъ. При всей своей убѣжденности въ благотворности принципа «laissez faire», они были постоянно приводимы къ сознанію того, что для достиженія ихъ цѣлей безусловно необходимо улучшеніе и усиленіе механизма управленія, и въ этомъ отношеніи они находили поддержку со стороны многихъ, которые, не будучи адептами какой-либо политической теоріи, понимали практическую необходимость въ административныхъ реформахъ для удовлетворенія разнообразныхъ и сложныхъ потребностей современнаго общества съ развитою промышленною жизнью. Въ результатѣ интенсивной законодательной работы, вслѣдъ за парламентскою реформою 1832 года, постепенно создавалась сложная административная система, съ весьма развитою централизаціею—система, требовавшая постоянныхъ исправленій, дополненій и приспособленія къ новымъ запросамъ жизни.

Слѣпо вѣря въ догматъ «laissez faire», индивидуалисты упускали изъ вида, что нѣтъ необходимой логической связи между этимъ догматомъ и тѣмъ принципомъ наибольшаго благополучія, который одинаково можетъ быть присущъ какъ защитникамъ индивидуальной свободы, такъ и сторонникамъ попечительной системы управленія. Весьма характерно, что въ основѣ отрицательнаго отношенія Герберта Спенсера къ утилитаризму лежитъ именно то соображеніе, что утилитаристы, стремясь къ обезпеченію наибольшаго счастья наибольшаго числа людей, часто свободу индивидовъ приносятъ въ жертву дѣйствительному или призрачному благу государства, т.-е. большинства гражданъ.

Дайси подчеркиваетъ также то странное явленіе, что развитію тенденціи бентамизма въ сторону расширенія государственнаго вмѣшательства содѣйствовало то, что въ немъ примиряло виговъ съ умѣренными либералами, а именно—безусловное пренебреженіе бентамитовъ къ доктринѣ естественныхъ правъ и общественнаго договора. «Это пренебреженіе дѣйствительно было гарантіею противъ увлеченія якобинскими принципами, но оно лишало индивидуальную свободу одного изъ охраняющихъ ее устоевъ, такъ какъ доктрина прирожденныхъ правъ, при всей слабости ея съ логической точки зрѣнія, полагала въ теоріи извѣстный предѣлъ деспотизму большинства. Доктрина эта является, правда, весьма слабою преградой передъ крайностями демагогической тираніи: «Декларация правъ человека» не спасла ни одного изъ тысячи невинныхъ гражданъ, осужденныхъ революціоннымъ трибуна-

ломъ; американская «Декларація независимости», торжественно объявившая права человѣка неотъемлемыми, не освободила отъ рабства ни одного негра. Но эти энаменитые акты были все-таки формальнымъ признаніемъ того, что верховная власть не можетъ превратить силу въ право. Они оказали несомнѣнное вліяніе на общественное мнѣніе. Во Франціи «Декларація правъ человѣка» поддерживала убѣжденіе въ томъ, что законодательное собраніе не должно обладать неограниченною властью. Въ нѣсколькихъ статьяхъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, проникнутыхъ духомъ «Деклараціи независимости», индивидуальная свобода получила серьезную опору; одна изъ этихъ статей въ немалой степени содѣйствовала тому, что увѣренность въ священномъ характерѣ обязательности договоровъ вошла какъ бы въ кодексъ общественной нравственности американцевъ и въ настоящее время служить реальною преградою развитію соціалистическаго законодательства. Такимъ образомъ, либералы 1830-хъ годовъ, ревниво относясь къ индивидуальной свободѣ, исповѣдывали, однако, такіе взгляды, которые—безсознательно для людей, ихъ исповѣдывавшихъ,—могли, при измѣнившихся соціальныхъ условіяхъ, содѣйствовать развитію деспотизма демократическаго государства».

Реальные послѣдствія извѣстнаго міросозерцанія могутъ оказаться въ рѣшительномъ несоотвѣтствіи съ намереніями людей, его вырабатывавшихъ: идеи, однажды усвоенныя, даютъ свои конечные логическіе результаты главнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ. «Въ періодъ между 1868 и 1900 годами произошли три

перемѣны, выдвинувшія элементъ власти въ системѣ бентамовскаго либерализма. Вѣра въ «laissez faire» пошатнулась, и принципъ полезности сдѣлался аргументомъ уже не въ пользу индивидуальной свободы, а въ пользу всемогущества государства. Парламентъ, съ развитіемъ демократіи, сдѣлался представительствомъ не среднихъ классовъ, а совокупности всѣхъ домохозяевъ, и такимъ образомъ парламентское верховенство стало означать, въ концѣ концовъ, неограниченное вліяніе трудящихся классовъ. Наконецъ, административный механизмъ подвергся реформамъ и былъ усиленъ. Такимъ образомъ созданы были средства для практическаго расширенія государственнаго воздѣйствія; но, какъ говоритъ мудрая испанская пословица, «чѣмъ больше бѣльшаго, тѣмъ меньше меньшаго» — чѣмъ болѣе расширяется область государственнаго вмѣшательства, тѣмъ меньше становится область свободы каждаго отдѣльнаго гражданина. Бентамиты, какъ оказалось, выковали оружіе, въ которомъ болѣе всего нуждаются социалисты, и англійскіе коллективисты унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ-утилитаристовъ законодательную доктрину, законодательное орудіе и законодательную тенденцію, — въ высшей степени пригодныя для осуществленія социалистическихъ экспериментовъ».

Такая преемственность служить, по нашему мнѣнію, весьма вѣскимъ показателемъ того, что новое направленіе въ развитіи англійскаго законодательства является дальнѣйшею нормальною ступенью въ естественномъ процессѣ эволюціи. Новый фазисъ этой эволюціи воспринялъ отъ фазиса предшествующаго тѣ элеметы, которые сохра-

няютъ жизнеспособность и которые, составляя какъ бы связующее звено между ними, сглаживаютъ рѣзкость перехода отъ одного къ другому.

Относительнаго будущаго Дайси ограничивается слѣдующими замѣчаніями. «Сила коллективизма, — говоритъ онъ, — мы всѣ это инстинктивно чувствуемъ, не исчерпана и, по всѣмъ признакамъ, даже не ослабѣваетъ. Нечего, однако, и удивляться тому, что теперь и въ теченіе неопредѣленнаго будущаго законодательство будетъ все дальше и дальше отклоняться отъ тѣхъ путей, которые были намѣчены Бентамомъ и по которымъ слѣдовали либералы 1830-хъ годовъ. Общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, находится гораздо болѣе подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ, чѣмъ силы аргументовъ, а обстоятельства, благопріятствовавшія развитію коллективизма, продолжаютъ существовать и оказывать свое вліяніе на общественные взгляды и чувства. Законы, съ другой стороны, являются въ ряду наиболѣе сильныхъ факторовъ, вліяющихъ на образованіе тѣхъ теченій общественнаго мнѣнія, которыя, затѣмъ, отражаются въ законодательствѣ; между тѣмъ, законодательство въ духѣ коллективизма развивается уже 25—30 лѣтъ, и оно успѣло создать моральную и интеллектуальную атмосферу, въ которой соціалистическія идеи растутъ и процвѣтаютъ. Это настолько несомнѣнно, что современные индивидуалисты сами оказываются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соціалистами. Стало быть, внутренняя логика явленій приводитъ къ развитію и расширенію законодательства, носящаго на себѣ печать коллективизма».

Оканчивая эту цитатою изложеніе книги Дайси, считаю умѣстнымъ высказать нѣсколько соображеній о характерѣ переживаемаго Англіею перехода отъ «индивидуализма» къ «коллективизму». Уже пройденныя стадіи этого перехода вѣроятно окажутся, по своему внутреннему значенію, не столь существенными, какъ предстоящія въ будущемъ явленія въ этой области; но онѣ, прошедшія въ спокойной обстановкѣ постепенной законодательной работы, могутъ служить надежными показателями того, что и грядущія измѣненія въ условіяхъ соціальной жизни совершатся безъ катастрофъ и рѣзкихъ потрясеній, путемъ мирнаго обновленія этихъ условій. Это послѣднее свойство сдѣлалось настолько присущимъ Англіи, съ окончательнымъ упроченіемъ въ ней, въ XIX вѣкѣ, свободного политическаго строя на разумныхъ демократическихъ началахъ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что указанное свойство будетъ служить регуляторомъ и въ послѣдующихъ стадіяхъ ея соціальнаго развитія.

Характернымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой увѣренности должно быть признано отрицательное отношеніе огромнаго большинства англійскихъ соціалистовъ къ тѣмъ планамъ и пріемамъ, которые встрѣчаютъ такое широкое сочувствіе въ средѣ соціалистическихъ партій на континентѣ и всего болѣе въ странахъ съ слабо развитою культурою, какъ Россія. Весьма опредѣленно это явленіе обнаружилось на недавнихъ общихъ выборахъ въ Англіи, въ январѣ 1906 года. Выборы эти, знаменующіе собою новый шагъ въ развитіи англійской

демократіи, дали наиболѣе демократическій изъ всѣхъ парламентовъ, какіе когда-либо избирало англійское населеніе. Въ частности, въ новой палатѣ общинъ значительно увеличилось число представителей рабочихъ классовъ (поднявшись до 54 вмѣсто 12 избранныхъ на предыдущихъ выборахъ 1900 г.), при чемъ часть ихъ образовала впервые самостоятельную и независимую рабочую партію въ составѣ 29 членовъ, изъ которыхъ большинство социалисты. Въ средѣ ихъ нѣтъ, однако, ни одного представителя социаль-демократической федераціи: всѣ семеро кандидатовъ послѣдней были забаллотированы, въ томъ числѣ и глава федераціи Гайндманъ, неудача котораго оказывается тѣмъ внушительнѣе, что счастливымъ соперникомъ его на выборахъ былъ рабочій-либераль¹⁾.

Неуспѣхъ социаль-демократическихъ теченій и безпочвенность боевого социализма въ Англіи очень выразительно оттъняются тою складкою, какую приняли социально-экономическіе идеалы и запросы въ средѣ рабочей партіи, даже въ лицѣ тѣхъ ея руководителей, которые причисляютъ себя къ социалистамъ. Они не только далеки отъ стремленія положить классовую борьбу и ея интересы въ основу своей дѣятельности, но совершенно опредѣленно предрекаютъ неудачу и разложеніе рабочей партіи, если она съюзитъ свои задачи цѣлями классоваго движенія. По убѣжденію руководителей этой партіи, она въ своей дѣятельности должна опираться на «понятія о

¹⁾ Подробнѣе см. ниже—очеркъ «Рабочіе депутаты», изъ котораго здѣсь заимствовано нѣсколько положеній.

справедливомъ и несправедливомъ, присущія всѣмъ классамъ», и «обращаться къ чувствамъ справедливости, призывъ къ которымъ никогда не оказывался тщетнымъ». Это—выраженія Д. Рамзея Макдональда, одного изъ талантливыхъ и самыхъ вліятельныхъ предводителей новой партіи, въ статьѣ объ этой партіи и ея политикѣ, напечатанной въ мартовской книгѣ журнала «Independent Review» (1906 г.).

Въ этой же статьѣ Макдональдъ говоритъ, что его мало интересуютъ разсужденія о томъ, какія отношенія сложатся между рабочею партіею и другими партіями. Эти отношенія будутъ развиваться въ зависимости отъ обстоятельствъ. «Только улыбку, если не досаду, могутъ вызвать хвастливыя угрозы разгромить ту или другую партію», — прибавляетъ онъ, намекая на статью, появившуюся въ социалистическомъ журналѣ «Clarion» подъ заглавіемъ: «Почему социалисты будутъ громить либеральную партію». «Рабочая партія, — продолжаетъ Макдональдъ, — сама переживаетъ періодъ испытанія, да и кромѣ того, «разгромъ» не есть процессъ политическаго развитія. Существуютъ люди, которые до сихъ поръ мечтаютъ о революціяхъ; но ихъ мечтанія и должны быть направлены именно къ тому, чтобы палата общинъ никогда не видѣла въ своей средѣ никакой рабочей или социалистической партіи. Старыя партіи не могутъ подлежать «разгрому». Онѣ раскалываются, онѣ приходятъ въ упадокъ, онѣ ассимилируются. Наступаетъ переходное время, въ политической жизни проявляется замѣшательство, прогрес-

сивныя партіи и группы становятся реакціонными; но въ одинъ прекрасный день обнаруживается, что боевыя колонны опять готовы къ дѣлу, и возобновляется вѣчная борьба между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть».

При такихъ основныхъ воззрѣніяхъ руководителей новой рабочей партіи социализмъ, ее вдохновляющій, не можетъ быть пугаломъ и угрозой мирному и спокойному развитію, а является важною принципиальною основою того направленія, въ которомъ они намѣрены вести политику социальныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи новое направленіе находится въ тѣсной органической связи съ тѣми теченіями общественной мысли, которыя уже давно выступили въ эволюціи социального законодательства Англіи и которыя выразились въ постепенномъ поворотѣ отъ преобладанія индивидуалистическихъ началъ, получавшихъ нерѣдко одностороннее развитіе, къ подчиненію этихъ началъ идеаламъ и требованіямъ социальной справедливости.

Главный интересъ послѣдняго произведенія Дайси и заключается въ превосходномъ анализѣ основныхъ проявленій указанной эволюціи. По характеру пережитыхъ стадій этой эволюціи есть полное основаніе думать, что и въ будущемъ она можетъ идти и пойдетъ въ Англіи тѣмъ же путемъ мирнаго и спокойнаго улучшенія социальныхъ условій и развитія чувства общественной солидарности, при которыхъ прочно устанавливается болѣе гармоническое соотношеніе между благополучіемъ государства и благомъ отдѣльныхъ его гражданъ. Примѣръ же Англіи настолько полонъ глубокаго смысла и поучите-

лень, что въ него вдумываться — обязательно для руководителей и дѣятелей всякихъ политическихъ партій, въ особенности крайнихъ, при установленіи способовъ осуществленія соціальныхъ реформъ...

Новыя явленія въ развитіи англійскаго кабинета.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Беджготъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Англійская конституція» впервые далъ всестороннюю оцѣнку значенія кабинета въ системѣ англійскихъ политическихъ учрежденій. Главный результатъ его блестящаго анализа можетъ быть выраженъ въ слѣдующемъ положеніи. Секретъ успѣшнаго функціонированія англійской конституціи,—говоритъ Беджготъ ¹⁾,—«кроется въ тѣсномъ единеніи, почти полномъ сліяніи исполнительной и законодательной властей», кабинетъ же составляетъ «соединительное звено, крѣпко связывающее законодательную сторону государства съ исполнительной стороной его».

Въ теченіе четырехъ десятилѣтій, протекшихъ со времени появленія книги Беджгота, данная имъ формула съ успѣхомъ выдержала провѣрку времени. Отмѣченное имъ сліяніе исполнительной и законодательной властей стало еще болѣе полнымъ. Соотвѣтственно съ этимъ поднялось

¹⁾ «The English Constitution», by Walter Bagehot (изданіе 1896 г.), стр. 10 и 14.

и значеніе кабинета какъ органа этого сліянія. Ростъ значенія кабинета удачно обрисованъ тѣми новыми чертами, которыя выдвинуты въ новѣйшемъ изслѣдованіи о парламентскомъ управленіи Англіи, въ книгѣ Сиднея Лоу подъ заглавіемъ «The Governance of England». Съ важнѣйшими результатами этого изслѣдованія въ отношеніи къ кабинету и имѣетъ въ виду познакомить читателя настоящая статья.

I.

Съ правовой точки зрѣнія кабинетъ есть только комитетъ королевскаго совѣта (Privy Council) и его члены — просто «слуги его величества» (his Majesty's servants)¹⁾ или высшія должностныя лица, которымъ суверенъ ввѣрилъ завѣдываніе важнѣйшими отраслями управленія и отъ которыхъ онъ получаетъ конфиденціальныя совѣты по государственнымъ дѣламъ. Съ точки зрѣнія конституціонныхъ конвенцій кабинетъ есть отвѣтственный исполнительный органъ, завѣдующій всѣмъ управленіемъ, но осуществляющій свои обширныя права подъ строгимъ наблюденіемъ представительной палаты, передъ которою онъ отвѣчаетъ за всѣ дѣйствія и упущенія. «Если же мы обратимся къ дѣйствительному положенію дѣлъ, — говоритъ С. Лоу, — то мы склонны будемъ сказать, что кабинетъ, въ современномъ его видѣ, является комитетомъ не парламента, а одной партіи въ парламентѣ, которой, пока

¹⁾ Какъ они и понынѣ именуется въ повѣсткахъ о засѣданіяхъ кабинета.

она у власти, принадлежитъ контроль надъ законодательствомъ, администраціей, политикой и финансами. Это—комитетъ, обязанный своимъ существованіемъ большинству избирателей, передъ которымъ однимъ онъ и оказывается въ дѣйствительности, хотя и не непрерывно, отвѣтственнымъ. Проникнувъ глубже подъ поверхность вещей, мы можемъ даже установить, что главныя функціи кабинета отошли отъ него, какъ цѣлаго, и перешли къ «внутреннему совѣту» (an inner council) или конклаву, состоящему изъ перваго министра и трехъ-четырехъ вліятельныхъ товарищей, которые пользуются особеннымъ довѣріемъ его и съ которыми онъ обыкновенно совѣщается».

Англійскій кабинетъ съ его характерными и своеобразными чертами есть всецѣло продуктъ историческихъ условій, а не результатъ умозрительнаго разрѣшенія вопроса о соотношеніи между государственными властями, какимъ, на примѣръ, является система управленія Соединенныхъ Штатовъ, построенная на послѣдовательномъ проведеніи начала раздѣленія властей. Въ первоначальномъ видѣ кабинетъ, зародышъ котораго составляетъ «a cabal or cabinet council» (немногочленное отдѣленіе королевскаго совѣта) при Карлѣ II, не внушалъ къ себѣ довѣрія парламента, а, напротивъ, былъ предметомъ подозрительнаго отношенія съ его стороны. Руководящіе дѣятели парламента въ теченіе XVIII вѣка, находя вполне естественнымъ и необходимымъ, чтобы король имѣлъ свой административный совѣтъ, усматривали большую опасность въ томъ, что совѣтники короля являются неотвѣтственными за свои дѣйствія, совершаемыя отъ имени короля. На этой

почвѣ происходила постоянная борьба между парламентомъ и исполнительной властью, — борьба, отошедшая въ прошлое лишь тогда, когда мало-по-малу сложилось (въ концѣ XVIII вѣка) и окрѣпло (въ первой половинѣ XIX вѣка) обыкновеніе во главѣ администраціи ставить людей, не только принадлежащихъ къ составу парламента, но и пользующихся довѣріемъ и поддержкой большинства народныхъ представителей. Соотношеніе между парламентомъ и исполнительной властью стало нормальнымъ съ тѣхъ поръ, какъ члены кабинета сдѣлались одновременно и «слугами короны», и «слугами націи». Эта формула обнимаетъ всѣ существенныя черты кабинета въ его теперешнемъ видѣ.

Когда говорятъ о главныхъ свойствахъ кабинета, то обыкновенно указываютъ слѣдующія три. Первое составляетъ коллективная отвѣтственность министровъ; второе состоитъ въ томъ, что кабинетъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ палатой общинъ и что онъ можетъ быть вынужденъ выйти въ отставку, если онъ перестаетъ пользоваться довѣріемъ палаты; третья особенность кабинета состоитъ въ томъ, что его члены подчиняются первому министру, который является главой всего правительства и его представителемъ передъ націей и передъ короной. «Но, — говоритъ Сидней Лоу, — имѣются еще двѣ черты, которыя не столь рѣзко подчеркиваются. Англійскій кабинетъ — партійный комитетъ; съ другой стороны, онъ — тайный комитетъ. Эти особенности обыкновенно отмѣчаются нерѣшительно и неохотно, какъ своего рода наросты на поверхности системы. Между тѣмъ онѣ сдѣлались

устойчивыми факторами въ ея дѣятельности. Онѣ являются составными частями организма; безъ нихъ онъ подвергся бы кореннымъ измѣненіямъ. Тайна и партійность — элементы управленія кабинета въ той формѣ, въ которой онъ выступаетъ въ Англіи. И однако нѣтъ ничего яснаго, какъ то, что эти черты не введены сознательно, а развились сами, независимо отъ сознанія или вопреки желаніямъ послѣдовательнаго ряда поколѣній англичанъ. Онѣ являются наиболѣе своеобразными примѣрами того процесса приспособленія и пріуроченія, посредствомъ котораго сложились англійскія учрежденія, подъ давленіемъ историческихъ случайностей и временныхъ потребностей».

Авторъ подчеркиваетъ, что кабинетъ есть именно *тайный* комитетъ, а не просто не-публичный. Указывая на этотъ оттѣнокъ, онъ говоритъ, что непубличность представляетъ собою явленіе весьма обычное въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Когда отъ значительнаго числа лицъ управленіе какимъ-нибудь дѣломъ ввѣряется небольшой коллегіи, это дѣлается отчасти во избѣжаніе посяннхъ публичныхъ преній. Нельзя вести дѣло въ условіяхъ и обстановкѣ публичнаго митинга. Однако съ возможностью заниматься негласно такая коллегія не надѣляется прерогативой секретности. Учрежденіе, которое часто прибѣгало бы къ тайному производству, безъ составленія протоколовъ, скоро утратило бы довѣріе своихъ кліентовъ.

Между тѣмъ занятія кабинета ведутся безъ соблюденія обычныхъ для коллегій пріемовъ. Тайна занятій и отсутствіе формальностей доведены здѣсь до высшей сте-

пени. «У кабинета нѣтъ опредѣленнаго времени для собраний. У него нѣтъ опредѣленнаго мѣста для засѣданій. У него нѣтъ служебнаго штата, нѣтъ секретаря, нѣтъ правилъ дѣлопроизводства, нѣтъ особыхъ денежныхъ средствъ, нѣтъ постоянного помѣщенія. Онъ не могъ бы получить письмо или отвѣтить на него, развѣ лишь черезъ перваго лорда казначейства (официальное званіе, обыкновенно принимаемое первымъ министромъ) или кого-либо другого изъ членовъ кабинета, такъ какъ у него нѣтъ бланковъ, нѣтъ печати, нѣтъ расходныхъ суммъ на пріобрѣтеніе письменныхъ принадлежностей или на оплату посыльныхъ. Онъ собирается черезъ неопредѣленные промежутки времени. Дата собранія назначается первымъ министромъ. Каждый членъ кабинета получаетъ краткое печатное извѣщеніе, безъ подписи, которое, предполагается, исходитъ отъ перваго лорда казначейства и состоитъ въ увѣдомленіи, что «слуги его величества» соберутся въ такой-то часъ въ помѣщеніи министерства иностранныхъ дѣлъ или въ домѣ № 10 на улицѣ Даунингъ. Въ печатной формулѣ оставляется пробѣлъ для даты и названія помѣщенія, который заполняется въ канцеляріи перваго министра».

Занятіямъ кабинета совершенно не свойственны черты корпоративнаго учрежденія. Это какъ бы «случайная бесѣда начальниковъ вѣдомствъ въ одномъ изъ официальныхъ учреждений или собраніе партійныхъ лидеровъ въ Carlton Club'ѣ». Въ лицѣ перваго министра кабинетъ имѣетъ постояннаго предсѣдателя, который однако располагаетъ болѣе широкими правами, чѣмъ обычно принадлежащія пред-

сѣдателю собранія, по внесенію на обсужденіе предметовъ, какіе онъ признаетъ нужнымъ ввести, и по прекращенію преній по своему усмотрѣнію. Занятія кабинета носятъ характеръ бесѣды, при полномъ отсутствіи всякихъ формальностей. Никакихъ записей или протоколовъ не ведется, при чемъ считается даже неумѣстнымъ, чтобы кто-либо изъ министровъ отмѣчалъ для себя что-либо изъ того, что говорится или дѣлается въ засѣданіи кабинета. Премьеръ посылаетъ королю письменное сообщеніе о засѣданіи и краткое изложеніе принятыхъ рѣшеній. Помимо этого не дѣлается ни для кого никакихъ сообщеній о занятіяхъ кабинета. «Цѣлая толпа репортеровъ можетъ запрудить улицу Даунингъ въ тотъ моментъ, когда министры расходятся, но они не добьются ничего».

Въ описанныхъ внѣшнихъ условіяхъ дѣятельности англійскаго кабинета рѣзко выступаетъ отсутствіе рутины и сухой формалистики, что вполне отвѣчаетъ той большой внутренней жизненности, которою обладаетъ этотъ институтъ, занимающій центральное мѣсто въ системѣ парламентскаго управленія. Стройную работу сложнаго механизма этого управленія болѣе всего обеспечиваетъ то обстоятельство, что въ кабинетѣ гармонически сочетаются два элемента: съ одной стороны, кабинетъ является носителемъ государственной власти, которую онъ осуществляетъ въ качествѣ совокупности «слугъ монарха»; съ другой стороны, будучи коллегіей лицъ, видвинутыхъ общественнымъ довѣріемъ, кабинетъ выступаетъ въ качествѣ признаннаго представителя народныхъ интересовъ и желаній. Функции управленія осуществляются группою людей,

взгляды которыхъ раздѣляются и поддерживаются большинствомъ представительной палаты, благодаря чему исполнительная власть располагаетъ силой и авторитетомъ, столь необходимыми для устойчивости управленія.

II.

Главную особенность новѢйшей стадіи въ политической эволюціи Англіи Сидней Лоу усматриваетъ въ чрезвычайномъ возрастаніи роли кабинета и въ уменьшеніи значенія палаты общинъ.

Разсмотрѣнныя въ книгѣ Лоу явленія дѣйствительно указываютъ на увеличеніе роли кабинета; но едва ли правильно авторъ квалифицируетъ соотвѣтственное измѣненіе въ характерѣ вліянія парламента какъ «уменьшеніе» или «упадокъ» значенія его. Значеніе парламента не уменьшилось, а выражается лишь въ измѣнившихся проявленіяхъ, свидѣтельствующихъ объ упроченіи того «единенія исполнительной и законодательной властей», о которомъ говорилъ Беджготъ и которое имѣетъ кабинетъ своимъ главнымъ факторомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ тѣ функціи, какія осуществляетъ кабинетъ, въ области законодательства и управленія, принадлежатъ ему не какъ обособленному отъ парламента учрежденію, а какъ его довѣренному органу, который къ тому же по самому составу своему является не болѣе какъ частью парламента. Расширеніе, осложненіе этихъ функцій можетъ имѣть мѣсто лишь постольку, поскольку кабинетъ, ихъ осуществляющій, пользуется до-

вѣріемъ и поддержкой парламента, главнымъ образомъ представительнаго элемента его—палаты общинъ. Не утративъ своего значенія, она лишь проявляетъ его въ измѣняющихся формахъ, соотвѣтственно съ развитіемъ кабинета, который оказался превосходнымъ орудіемъ по осуществленію задачъ управленія въ той системѣ, которая сложилась въ Англіи и которая представляется столь жизненною и столь плодотворною.

Особенно ярко отмѣченныя явленія выступаютъ въ той роли, какая принадлежитъ кабинету въ области законодательства сравнительно съ членами парламента, какъ таковыми.

Любой членъ палаты общинъ,—говоритъ Лоу,—кромѣ приблизительно двухъ десятковъ, занимающихъ министерскія скамьи, не откажется откровенно признать, что его вліяніе на законодательство едва ли больше, чѣмъ всякаго частнаго лица, не принадлежащаго къ составу парламента. Онъ можетъ критиковать, возражать, давать совѣты; но это же можетъ дѣлать всякій желающій въ печати или на митингѣ. То обстоятельство, что «законодатель» выступаетъ съ своими замѣчаніями въ обстановкѣ, сообщающей имъ извѣстную авторитетность, едва ли даетъ ему особенное преимущество передъ лицомъ, которому доступны страницы вліятельнаго журнала или столбцы большой газеты или которое выступаетъ съ авторитетной катедры или платформы.

Сосредоточеніе въ министерствѣ законодательной инициативы составляетъ характеристическую черту современной парламентской системы Англіи. Кабинетъ вырабаты-

ваетъ проекты и представляетъ ихъ законодательному собранію, которое разсматриваетъ и обсуждаетъ ихъ какъ совокупность лицъ, дѣлящихся на партіи, но не какъ собраніе индивидовъ, изъ которыхъ каждому принадлежитъ право имѣть свое собственное мнѣніе по вопросамъ государственной политики и представляется возможность провести свои взгляды на дѣлѣ. Каждое рѣшеніе, каждый проектъ закона выступаетъ передъ палатой какъ дѣйствіе министерства. Неудача, постигающая его, есть ударъ правительству, а косвенно и той части избирателей, которою оно выдвинуто.

Кабинету принадлежатъ въ области законодательства не только инициатива и направленіе, но почти безграничная власть. Прежде параллельно съ правомъ министерства въ этомъ отношеніи широко примѣнялось конкурирующее право отдѣльныхъ членовъ палаты общинъ выступать со своими проектами, которые имѣли шансы обратиться въ статуты. И во всякомъ случаѣ за палатой предполагалось неограниченное право измѣнять всѣ проекты, представляемые ей министерствомъ или другими лицами. Но прерогативы палаты въ обоихъ этихъ отношеніяхъ значительно сократились. Правда, до сихъ поръ сохраняются и иногда горячо отстаиваются «права отдѣльныхъ членовъ», но возможность ихъ осуществленія такъ скована, что они на дѣлѣ оказываются бесполезными.

По всѣмъ вопросамъ законодательства палата, независимо отъ правительства, располагаетъ очень небольшимъ значеніемъ. Мнѣніе ея, выраженное хотя бы въ формѣ принятія билля во второмъ чтеніи или въ формѣ резо-

люції, не имѣетъ практическаго значенія, если кабинетъ не высказывается за него и не включаетъ его въ партійную программу. Голосованіе въ пользу какой-нибудь реформы, не получившей оффиціальнаго штампа, является простою демонстраціей, не влекущей за собою никакихъ реальныхъ послѣдствій.

Ограниченіе вліянія отдѣльныхъ членовъ палаты находится въ сильной зависимости отъ правилъ наказа палаты. Въ силу этихъ правилъ, подвергнутыхъ коренному пересмотру въ 1901 году, правительственныя предложенія имѣютъ пріоритетъ во всѣхъ засѣданіяхъ въ теченіе всей сессіи, кромѣ вечернихъ засѣданій по вторникамъ и средамъ и засѣданій по пятницамъ. По вторникамъ и средамъ, вечеромъ, пріоритетъ дается заявленіямъ отдѣльныхъ членовъ, а пятницы предоставляются для обсужденія биллей, вносимыхъ ими. Однако послѣ Пасхи вечернія засѣданія по вторникамъ предоставляются въ распоряженіе правительства, а послѣ Пятидесятницы ему принадлежатъ всѣ засѣданія, за исключеніемъ третьей и четвертой пятницы послѣ Троицына дня. Но даже и въ тѣ дни, которые предоставляются отдѣльнымъ членамъ, ихъ дѣятельность ставится въ довольно тѣсные предѣлы. Засѣданія по пятницамъ закрываются ровно въ 5¹/₂ часовъ пополудни, а обязательнымъ предѣломъ вечернихъ засѣданій признается 12 часовъ.

Установленіемъ предѣльнаго часа вечернихъ засѣданій имѣлось въ виду предотвратить беспорядочность частыхъ прежде ночныхъ засѣданій, которыми нерѣдко злоупотребляла кучка обструкціонистовъ. Однако въ результатѣ этой

мѣры являлось и новое неудобство для отдѣльных членовъ. За правительствомъ наказъ признаетъ право потребовать, въ случаѣ надобности, отступленія отъ предѣльнаго часа вечернихъ засѣданій. Частнымъ членамъ это право не принадлежитъ, и такимъ образомъ небольшая группа можетъ «заговорить» любое предложеніе и затормозить его движеніе до наступленія полуночи.

Встрѣчая затрудненія въ непосредственномъ осуществленіи своего законодательнаго права, отдѣльные члены могутъ, конечно, критиковать законодательныя предложенія правительства. Это они и дѣлаютъ, поскольку даетъ имъ къ тому возможность ихъ положеніе въ палатѣ. Передъ вторымъ чтеніемъ правительственныхъ биллей они могутъ говорить сколько угодно по общимъ вопросамъ. Но все, что они говорятъ, предназначается главнымъ образомъ для посторонней публики и галлерей репортеровъ. Биллю не можетъ угрожать опасность по тому простому соображенію, что за нимъ—сила правительства и съ нимъ большинство палаты.

III.

Въ отношеніи къ вопросамъ управленія С. Лоу констатируетъ такое же измѣненіе роли парламента, какое обнаруживается въ области законодательства. Теоретически остается вѣрнымъ, что министры должны умѣть оправдать всѣ и каждый изъ своихъ актовъ передъ народными представителями въ каждой ихъ стадіи; если имъ не удастся это, то представители свергнутъ ихъ. Но въ со-

временной практикѣ едва ли могутъ быть указаны случаи низверженія кабинета за его дѣйствія по управленію. Министерство можетъ пасть по собственной своей инициативѣ, какъ было въ 1885 и 1895 гг., когда оно чувствуетъ, что страна отвернулась отъ него, или оно можетъ распасться изъ-за такого вопроса, въ родѣ гомруля или свободной торговли, по которому обнаруживается несогласіе въ средѣ самихъ членовъ кабинета. Но это уже будетъ вопросъ политики, а не управленія.

Дѣйствительною сдержкой противъ грубаго злоупотребленія министерской властью является, безъ сомнѣнія, спасительный страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Контроль парламента, прежде бывшій регулярнымъ и постояннымъ, смѣнился контролемъ избирателей,—контролемъ очень сильнымъ, но непостояннымъ, перемежающимся. Онъ осуществляется черезъ неопредѣленные промежутки времени и выражается въ отношеніи къ одному или двумъ особенно важнымъ политическимъ вопросамъ, но не проявляется изо дня въ день въ отношеніи къ завѣдыванію текущими дѣлами. Страна можетъ измѣнить свое политическое направленіе подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ дѣйствій или промаховъ исполнительной власти, но такая перемѣна не совершается въ рядахъ большинства палаты. Если бы это было такъ, то мы постоянно или во всякомъ случаѣ иногда видѣли бы членовъ его вотирующими съ оппозиціей, но это едва ли когда-либо имѣетъ мѣсто. Даже когда въ партіи обнаруживаются внутреннія несогласія, члены ея избѣгаютъ вотировать противъ официальныхъ лидеровъ ея, хотя они иногда и воздерживаются

отъ голосованія вмѣстѣ съ ними. Такъ было съ уніонистами-фритредерами во время дебатовъ, поводъ къ которымъ данъ былъ агитаціей Чэмберлена за протекціонизмъ. Обычай вотировать съ партіей сталъ крѣпко укоренившимся правиломъ, и по мѣрѣ его укрѣпленія контроль парламента становился все менѣе чувствительнымъ.

Возможность оказать воздѣйствіе въ области вопросовъ управленія для отдѣльнаго члена парламента представляется еще болѣе ограниченной, чѣмъ въ области законодательства. Въ его распоряженіи имѣются три способа. Онъ можетъ предложить поправку къ отвѣтному адресу на тронную рѣчь, если онъ считаетъ умѣстнымъ возбудить какой-либо важный вопросъ общей политики. Онъ можетъ попробовать выступить съ заявленіемъ въ тѣ вечернія засѣданія по вторникамъ и средамъ, которыя не отдаются въ исключительное распоряженіе правительства. Наконецъ, онъ можетъ въ любое вечернее засѣданіе, послѣ вопросовъ и до приступа къ очереднымъ дѣламъ, предложить отсрочить эти послѣднія «для обсужденія извѣстнаго предмета неотложной общественной важности». Если болѣе сорока членовъ поддержать его, онъ можетъ внести свое предложеніе. Это—старинная конституціонная привилегія, за которою всегда признавалось большое значеніе, такъ какъ она даетъ возможность любому члену, при содѣйствіи сравнительно незначительнаго меньшинства, сдѣлать дѣйствія министровъ предметомъ обсужденія.

Однако это право представляется теперь весьма ограниченнымъ вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, которыми обставлено его осуществленіе. Прежде предложеніе объ отсрочкѣ оче-

редныхъ дѣлъ для дебатовъ могло быть сдѣлано безъ предварительнаго заявленія во всякое время до приступа къ очереднымъ занятіямъ. Теперь такого рода предложенія безъ предварительнаго заявленія могутъ быть дѣлаемы только министрами. Съ другой стороны, предложеніе объ отсрочкѣ: 1) не должно вести къ возобновленію дебатовъ по вопросу, который уже обсуждался въ данную сессію, и 2) оно не должно антиципировать предметъ, который уже назначенъ къ обсужденію въ палатѣ или по отношенію къ которому было предварительно сдѣлано заявленіе.

Въ результатѣ такихъ правилъ сторонникъ министерства можетъ заградить, «блокировать» дебаты по любому предмету на всю сессію путемъ подачи заявленія по этому предмету. Если такое заявленіе сдѣлано въ достаточно общей формулѣ, то онъ можетъ предотвратить всякія попытки затронуть любой вопросъ данной области.

Такая практика «загражденія», по мнѣнію С. Лоу, едва ли будетъ долго терпима, и, безъ сомнѣнія, правила наказа съ теченіемъ времени будутъ измѣнены такъ, что это окажется невозможнымъ. Но ослабленіе роли отдѣльныхъ членовъ и палаты вообще и, съ другой стороны, усиленіе значенія кабинета обусловливаются главнымъ образомъ не правилами наказа. Эти правила могутъ быть измѣнены, но измѣненіе ихъ не затронетъ болѣе глубокихъ причинъ, вліяющихъ на соотношеніе между законодательной властью и исполнительной.

Одною изъ такихъ причинъ должна быть признана обремененность парламента массой дѣла. «Парламентъ,—говорилъ Гладстонъ,—загроможденъ, почти подавленъ».

Это было сказано 30 лѣтъ тому назадъ, и съ той поры эта формула не утратила своего значенія. Въ результатѣ же оказывается, что уже послѣ первыхъ недѣль сессіи обнаруживаются залежи по различнымъ отраслямъ работы парламента, и члены его волей-неволей вынуждены отдать веденіе дѣлъ всецѣло въ руки министровъ, которые одни только съ помощью служебнаго персонала палаты и главныхъ начальниковъ вѣдомствъ знаютъ, что нужно дѣлать, и не теряются въ водоворотѣ очередныхъ интересовъ.

Финансовое управленіе въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ другія отрасли администраціи, не поддается дѣятельному контролю со стороны тѣхъ членовъ парламента, которые не принадлежатъ къ составу министерства. Бюджетъ, назначенія на флотъ и другія отрасли составляютъ части общей политики правительства, и, какъ таковыя, они должны быть приняты большинствомъ. Въ нихъ могутъ быть произведены детальныя измѣненія, съ согласія ихъ составителей или подъ вліяніемъ внѣпарламентской агитаціи; но въ палатѣ финансовыя назначенія проходятъ по частямъ и обсужденіе бюджета завершается въ ранѣе намѣченныя даты.

Роль частныхъ членовъ палаты въ отношеніи къ финансамъ исчерпывается критикой, которая однако, въ силу особыхъ причинъ, не можетъ быть особенно дѣйствительной. Детали бюджета нерѣдко оказываются черезчуръ техническими, а большинство членовъ несвѣдуши въ сложныхъ вопросахъ финансоваго характера. Въ дебатахъ по такимъ предметамъ принимаетъ участіе лишь группа экс-

пертовъ, слишкомъ малочисленная и маловліятельная для воздѣйствія на министровъ.

IV.

Я не имѣю въ виду входить въ разсмотрѣніе самага функціонированія кабинета. Оно прекрасно освѣщено въ извѣстныхъ русскимъ читателямъ работахъ Беджгота и Дайси. Въ этомъ отношеніи Сидней Лоу не даетъ чего-либо существенно новаго. Заслуживаютъ однако вниманія нѣкоторыя детали, сообщаемыя имъ о фактической роли перваго министра и о томъ болѣе тѣсномъ кругѣ въ составѣ кабинета (Inner Cabinet), о которомъ вскользь было упомянуто выше. Эти детали въ значительной степени дополняютъ болѣе общеизвѣстныя черты кабинета.

«Перваго министра», какъ такового, въ системѣ высшихъ должностей англійская конституція не знаетъ ¹⁾. Въ одной изъ своихъ рѣчей Бальфуръ высказалъ слѣдующія замѣчанія: «Первый министръ не имѣетъ жалованья какъ первый министръ. Въ статутахъ не предусмѣтрѣны обязанности его какъ перваго министра; наименованіе это не встрѣчается въ парламентскихъ актахъ, и хотя онъ занимаетъ высшее положеніе въ конституціонной іерархіи,

¹⁾ Обыкновенно первый министръ занимаетъ должность перваго лорда казначейства, съ которою не соединяется какихъ-либо вѣдомственныхъ обязанностей. Были однако случаи отступленія отъ этого обыкновенія. Гладстонъ въ 1880—1881 гг., слѣдуя примѣру Питта, занималъ должность канцлера казначейства (министра финансовъ). Лордъ Солсбери въ 1887 г., и позднѣе, до 1900 г., былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

у него нѣтъ мѣста, признаваемого законами страны. Это—любопытный парадоксъ».

Впервые прямое упоминаніе «перваго министра» въ оффиціальномъ документѣ имѣло мѣсто въ 1878 году. а именно во вступительной статьѣ Берлинскаго трактата лордъ Биконсфильдъ названъ «First Lord of Her Majesty's Treasury, Prime Minister of England». Это было сдѣлано, какъ полагаетъ Сидней Лоу, во вниманіе къ незнанію иностранцевъ, которые могли не понять дѣйствительнаго положенія британскаго уполномоченнаго, если бы онъ былъ наименованъ только оффиціальнымъ титуломъ своимъ. Другой случай упоминанія о первомъ министрѣ имѣлъ мѣсто черезъ двадцать два года послѣ того, въ эпоху пересозданія уніонистскаго кабинета, въ ноябрѣ 1900 года, когда въ оффиціальномъ изданіи «Court Circular» маркизъ Солсбери былъ названъ «первымъ министромъ».

Положеніе премьера въ министерствѣ сложилось путемъ того же процесса, который привелъ къ тому, что президентъ коллегіальнаго управленія торговли превратился въ министра торговли, а президентъ коллегіальнаго адмиралтейства—въ морского министра. Авторитетъ кабинета сосредоточился въ значительной степени въ рукахъ премьера, подобно тому, какъ авторитетъ всякой коллегіи концентрируется въ предсѣдателѣ, особенно если его коллеги уступаютъ ему въ талантливости и репутаціи.

По самому существу дѣла первый министръ въ Англіи является выдающимся человѣкомъ. Второстепенные

политическіе дѣятели могутъ попадать въ составъ кабинета благодаря своимъ связямъ, дѣловитости, благодаря просто счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ. Но главою кабинета долженъ быть человѣкъ, котораго высоко цѣнить вся партія, ввѣряющая ему свою судьбу, который выдвинулся годами борьбы со своими политическими противниками. Онъ въ полномъ смыслѣ отвѣтственный министръ, который несетъ отвѣтственность и передъ сувереномъ, и передъ націей.

Именно въ отношеніи къ первому министру говорится народное избраніе въ періоды общихъ выборовъ, которые имѣютъ всегда характеръ голосованія за или противъ Гладстона, лорда Солсбери, Бальфура. За лидеромъ побѣдившей партіи для образованія министерства «посылаетъ» король, которому фактически его посылаютъ избиратели.

То, что именно первый министръ долженъ быть отвѣтственнымъ носителемъ исполнительной власти, а другіе министры — его подчиненными, было опредѣленно выражено еще Питтомъ сто лѣтъ тому назадъ. Онъ считалъ безусловно необходимымъ, «чтобы былъ дѣйствительно авторитетный министръ, который пользовался бы наибольшимъ вліяніемъ въ кабинетѣ и особеннымъ довѣріемъ короля. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть соперничества или раздѣленія власти. Власть должна сосредоточиваться въ лицѣ, обыкновенно именуемомъ первымъ министромъ... При наличности рѣзкаго различія во взглядахъ, при которомъ не могутъ имѣть мѣсто соглашеніе

или уступки, преобладаніе должны получить взгляды перваго министра».

Степень власти, которою располагаетъ первый министръ, зависитъ отъ обстоятельствъ и самой личности премьера. Если это — Питтъ, Пиль, Дизраэли или Гладстонъ, то ему принадлежитъ почти диктаторская власть. Въ послѣднія пять-шесть десятилѣтій премьерами являлись замѣчательные государственные люди, которые были безспорно дѣйствительными вождями своихъ партій и стояли внѣ какого-либо соревнованія со стороны своихъ коллегъ.

Въ дни Питта и даже Пила первый министръ могъ осуществлять непосредственный контроль надъ всѣми отраслями управленія. Изъ переписки Пила видно, что онъ находился постоянно въ курсѣ вѣдомственной работы другихъ членовъ кабинета и въ значительной степени направлялъ ихъ дѣятельность. Но въ настоящее время первый министръ не въ силахъ осуществлять ближайшее наблюдение за отдѣльными отраслями управленія по причинѣ чрезвычайной сложности его сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Фактически премьеру приходится всецѣло довѣряться своимъ коллегамъ въ дѣлѣ завѣдыванія различными вѣдомствами; въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ онъ находится лишь съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, важнѣйшія депеши котораго обыкновенно сообщаются предварительно первому министру.

По дѣламъ общей политики и особенно важнымъ законодательнымъ мѣрамъ далеко не всегда осуществляется

коллективная дѣятельность министровъ. Не всѣхъ членовъ кабинета премьеръ находитъ нужнымъ посвящать въ свои планы и намѣренія; большинство ихъ обыкновенно не располагаетъ настолько значительнымъ авторитетомъ, чтобы ставить въ зависимость отъ нихъ рѣшенія премьера. Но съ нѣсколькими министрами, занимающими важнѣйшіе посты или пользующимися особеннымъ вліяніемъ въ партіи и парламентѣ, премьеръ долженъ поддерживать ближайшія отношенія. Вотъ эти немногіе и составляютъ правящій конклавъ или исполнительный комитетъ министерскаго совѣта, такъ сказать, кабинетъ внутри кабинета.

Развитіе этого «внутренняго кабинета» представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ явленій послѣдняго времени. Оно возникло въ значительной степени вслѣдствіе постоянного увеличенія состава кабинета. По традиціи стараго времени кабинетъ не долженъ быть многочисленнымъ учрежденіемъ. Конфиденціальное и интимное обсужденіе трудно вести въ большемъ собраніи. Уже въ силу того, что одни члены отдѣлены отъ другихъ разстояніемъ длиннаго стола, характеръ собранія мѣняется: оно походитъ на митингъ съ рѣчами и дебатами вмѣсто простого собесѣдованія.

Въ XVIII вѣкѣ нормальнымъ считался составъ кабинета изъ 7-ми лицъ. Увеличеніе этого состава шло медленно. До середины царствованія королевы Викторіи число членовъ кабинета не превышало двѣнадцати, и эта цифра считалась слишкомъ большою. Въ послѣднее же время число это возросло. Кабинетъ Гладстона 1868 года состоялъ изъ шестнадцати лицъ, а его же кабинетъ 1892 года—

изъ семнадцати. Въ составъ кабинета Солсбери 1886 года входило шестнадцать членовъ, въ его же кабинетѣ 1895 г. было девятнадцать, а въ 1900 году число ихъ достигло двадцати.

Многочленный составъ кабинета есть результатъ усложненія современнаго управленія и специализаціи административныхъ функцій. За послѣднія десятилѣтія пришлось создать нѣсколько новыхъ крупныхъ вѣдомствъ. Но наряду съ этою понятною причиною увеличенія состава кабинетовъ имѣются и другія, не столь уважительныя. Общественные дѣятели въ Англіи живутъ долго и не любятъ рано сходить со сцены. По традиціямъ политическаго этикета государственный дѣятель, однажды достигшій мѣста въ кабинетѣ, «cabinet rank», въ правѣ рассчитывать на него съ возвращеніемъ къ власти его партіи, пока онъ самъ остается членомъ одной изъ палатъ парламента. При образованіи кабинета первому министру приходится считаться съ длиннымъ рядомъ притязаній различныхъ лицъ, часто въ преклонномъ возрастѣ, которыя почли бы себя обиженными, если ихъ обойти. Гладстонъ замѣтилъ какъ-то, что если важнымъ и труднымъ дѣломъ является введеніе новаго члена въ составъ кабинета, то почти столь же труднымъ оказывается устраненіе изъ кабинета того, кто уже однажды принадлежалъ къ нему. Лордъ Дерби при образованіи кабинета Абердина, въ половинѣ прошлаго столѣтія, сказалъ королевѣ Викторіи, что если бы премьеръ вздумалъ удовлетворить всѣ обращенныя къ нему притязанія, то ему пришлось бы включить въ составъ кабинета по меньшей мѣрѣ тридцать два лица. Помимо

притязаній личнаго характера, первому министру приходится считаться и съ необходимостью обезпечить себѣ поддержку представителей различныхъ теченій и группъ своей партіи. Такъ или иначе премьеръ оказывается вынужденнымъ вводить въ составъ кабинета нѣкоторое количество такихъ лицъ, разъ они не удовлетворяются второстепенными положеніями.

Однако быть членомъ кабинета далеко еще не значить располагать полнымъ довѣріемъ его главы. Въ этомъ отношеніи интересны нѣкоторые факты, ставшіе извѣстными и приподнявшіе завѣсу тайны, которою покрыта жизнь кабинета. Когда Гладстонъ образовалъ свой кабинетъ въ 1886 году, онъ ввелъ въ его составъ нѣкоторыхъ министровъ, не вполне раздѣлявшихъ его предположенія относительно гомруля для Ирландіи. По словамъ одного изъ нихъ, Тревилляна, онъ и его друзья предполагали, что имъ будетъ предоставлена возможность тщательно обсудить этотъ вопросъ въ кабинетѣ и облечь рѣшеніе его въ пріемлемую для нихъ форму. Чэмберленъ по тому же поводу выразился слѣдующимъ образомъ: «Я воображалъ, что имѣется въ виду разсмотрѣть вопросъ шагъ за шагомъ въ кабинетѣ и что, послѣ всесторонняго обмѣна мнѣній, мы *всѣ* будемъ призваны къ составленію схемы, которая должна будетъ осуществить намѣренія перваго министра». Оказалось однако, что онъ былъ вовлеченъ въ недоразумѣніе по этому предмету. Билль о гомрулѣ былъ разработанъ Гладстономъ совмѣстно съ Джономъ Морлеемъ и еще однимъ или двумя членами тѣснаго круга: остальнымъ

членамъ кабинета приходилось лишь регистрировать результаты.

Нѣчто подобное обнаружилось и изъ тѣхъ разоблаченій, которыя были сдѣланы послѣ выхода изъ состава кабинета Бальфура нѣкоторыхъ членовъ осенью 1903 года. Оказалось, что весьма важныя рѣшенія не были сообщены всему составу кабинета и что даже такіе вліятельные министры, какъ канцлеръ казначейства и министръ по дѣламъ Индіи, не участвовали въ конфиденціальныхъ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ министерскому кризису.

Сидней Лоу допускаетъ возможность дальнѣйшей эволюціи въ томъ же направленіи. «При многочисленномъ составѣ кабинета,—говоритъ онъ,—обнаружится тенденція сосредоточить направленіе политики въ рукахъ вліятельныхъ субъ-комитетовъ. Можетъ повториться то, что случилось съ эволюціей самого кабинета. Онъ развился на почвѣ отдѣленія органической, вліятельной, дѣловитой группы, «*cabal*», отъ королевскаго совѣта, который постепенно утратилъ свое значеніе. Подобнымъ же образомъ «внутренній кабинетъ» можетъ стянуть въ свои руки дѣйствительную власть всего учрежденія въ области законодательнаго творчества и направленія политики. Настоящая работа можетъ быть ведена въ небольшихъ собраніяхъ, еще болѣе тѣсныхъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ теперь приглашаются «слуги его величества»; общія же собранія кабинета станутъ современемъ рѣдкою и почти ненужною церемоніей. Отъ этой стадіи кабинетъ въ настоящее время стоитъ еще далеко, но и теперь министры несутъ номи-

нальную отвѣтственность за многое, въ чемъ нѣкоторые изъ нихъ мало освѣдомлены и въ отношеніи къ чему они не могутъ оказать дѣйствительнаго вліянія»...

Рабочіе депутаты въ англійскомъ парламентѣ.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ явленій, которыми отмѣчены были общіе выборы въ Англіи въ 1906 году, слѣдуетъ признать сильное возрастаніе числа рабочихъ депутатовъ. Тогда какъ въ предшествующемъ парламентѣ ихъ было 12, въ парламентѣ 1906 года число ихъ возросло до 54. Это обстоятельство даетъ поводъ остановиться на выясненіи постепенной эволюціи рабочаго представительства въ англійскомъ парламентѣ.

Послѣ того какъ въ 1867 году избирательными правами были надѣлены городскіе рабочіе, а въ 1884 г.—сельскіе рабочіе, не мало высказано было пессимистическихъ предсказаній о пагубныхъ для культуры послѣдствіяхъ этихъ демократическихъ реформъ. Въ привлеченіи массъ къ участію въ политической власти видѣли угрозу основамъ существующаго строя, опасность односторонняго направленія законодательства въ ущербъ общекультурнымъ задачамъ и интересамъ націи въ ея цѣломъ. «Меня пугаетъ непросвѣщенная масса избирателей»,—говорилъ даже Бедж-

готъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ истолкователей англійской конституціи, вовсе не консервативно настроенный.

Опасенія оказались преувеличенными—въ Англіи не развилась демагогія, не наступило царство якобинскаго радикализма. Напротивъ того, со времени парламентской реформы 1867 года консерваторы находились у власти въ теченіе большаго времени, чѣмъ либералы: на долю первыхъ приходится 24 года, вторыхъ—16 лѣтъ. Еще выгоднѣе представляется это отношеніе для консерваторовъ, если взять двадцать слишкомъ лѣтъ, протекшія со времени осуществленія реформы 1884 года, увеличившей число избирателей на 2¹/₂ милліона. За эти годы либералы находились у власти всего 5 лѣтъ (1885—1886 и 1892—1895 гг.), а консерваторы—15 лѣтъ.

Но допустимъ, что въ отмѣченномъ явленіи сказалась та медленность, которая характеризуетъ зарожденіе и созрѣваніе направленій, опредѣляющихъ переходъ отъ одного періода развитія къ другому. Съ этой точки зрѣнія есть большое основаніе признать, что минувшія четыре десятилѣтія составляютъ эпоху подготовительную къ активному и непосредственному выступленію рабочихъ классовъ на политическую арену. Знаменательными актами такого выступленія ихъ являются большой успѣхъ рабочихъ кандидатовъ на выборахъ 1906 года и образованіе въ парламентѣ впервые самостоятельной рабочей партіи.

Да, это, безъ всякаго сомнѣнія, наиболѣе значительный фактъ изъ явленій переживаемаго момента, и въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть характернаго признака новыхъ теченій въ общественно-политическомъ развитіи Англіи.

Не начнутъ ли оправдываться теперь, лишь съ нѣкоторымъ опозданіемъ, тѣ пессимистическія предсказанія и тревожныя опасенія, о которыхъ упомянуто выше?

Воздержусь отъ намѣренія дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ; его развернуть передъ нами съ ясностью послѣдующіе годы, но считаю возможнымъ выдвинуть нѣкоторыя данныя въ обоснованіе предположенія о томъ, что дальнѣйшая эволюція пойдетъ болѣе спокойнымъ и ровнымъ ходомъ, чѣмъ многимъ кажется.

Рабочіе классы въ Англіи, въ огромной массѣ, прошли основательную школу общественно-политическаго воспитанія.

Такою школою послужили для нихъ, прежде всего, рабочіе союзы (трэдъ-юніоны), въ которыхъ постепенно объединились рабочіе всевозможныхъ отраслей промышленности. Въ нихъ и ими создавалась мало-по-малу плано-мѣрная защита интересовъ труда, выработались приемы самодѣятельности, развились привычки разумнаго пониманія общаго дѣла и служенія ему въ духѣ строгой дисциплины, сложились традиціи здраваго и спокойнаго распознаванія требованій возможныхъ и стремленій неосуществимыхъ. Эти свойства складывались въ стройную систему закаленной выдержки подъ вліяніемъ тѣхъ тяжелыхъ условій, которыя окружали дѣятельность рабочихъ союзовъ въ ту пору, когда имъ еще не было дано полнаго законодательнаго признанія. А послѣ того какъ это признаніе (актами 1871 и 1875 гг.) открыло просторъ дальнѣйшимъ успѣхамъ свободнаго развитія трэдъ-юніоновъ, рабочіе

классы широко и плодотворно утилизировали свое положеніе.

Съ пріобрѣтенными ранѣе свойствами они проявили свою дѣятельность въ новой области—въ работѣ по обезпеченію представительства своихъ интересовъ въ парламентѣ, къ чему ближайшій толчекъ былъ данъ избирательною реформою 1867 года.

При тѣхъ общихъ политическихъ условіяхъ, которыя издавна укоренились въ англійской жизни, рабочими классами съ энергіею и успѣхомъ были использованы для новаго дѣла и свобода печати, и свобода собраній и союзовъ. Свободное обсужденіе въ многочисленныхъ печатныхъ изданіяхъ и на публичныхъ митингахъ обезпечивало спокойное и разностороннее выясненіе вопросовъ и интересовъ, парализуя возможность того поверхностнаго и остраго увлеченія миражами, которое бываетъ послѣдствіемъ ограниченія или стѣсненія свободы обсужденія. А параллельно съ этимъ, особенно послѣ закона 1870 года, установившаго обязательность обученія, быстро развивался процессъ паденія числа неграмотныхъ и разлитія по странѣ культурныхъ благъ просвѣщенія.

Съ другой стороны, большое воспитательное вліяніе на руководящіе слои рабочихъ массъ оказало участіе многихъ изъ ихъ членовъ въ дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Въ городскихъ совѣтахъ, въ совѣтахъ графствъ и въ приходскихъ совѣтахъ хорошую дѣловую школу прошли многіе изъ тѣхъ рабочихъ, которымъ впослѣдствіи довелось принять участіе въ парламентѣ.

Лицомъ къ лицу съ интересами и трудностями живого дѣла, въ совмѣстной работѣ съ представителями другихъ—среднихъ и высшихъ слоевъ общества, нерѣдко въ отвѣтственной роли руководителей тѣхъ или другихъ отраслей мѣстнаго управленія,—рабочіе члены органовъ послѣдняго получали богатый запасъ знаній, наблюденій и опыта, расширявшихъ ихъ кругозоръ и выяснявшихъ сцѣпленіе и взаимоотношеніе сложныхъ факторовъ соціальной жизни.

Участіе рабочихъ депутатовъ въ англійскомъ парламентѣ представляетъ большой интересъ.

Пионеромъ ихъ явился Томасъ Бертъ, избранный членомъ палаты общинъ въ 1874 году. Свои юные годы, съ 10 до 28-лѣтняго возраста, онъ провелъ въ тяжелой работѣ въ угольныхъ копяхъ; выдающіяся качества ума и характера выдвинули его на роль главнаго секретаря большого рабочаго союза, и данью признательности за его заслуги по десятилѣтней работѣ для союза было избраніе его депутатомъ отъ Морпета, который онъ представляетъ и до сихъ поръ. Въ томъ же году былъ избранъ и другой рабочій—углекопъ Макдональдъ. На послѣдующихъ выборахъ число рабочихъ депутатовъ возрастало, но медленно, достигнувъ въ 1900 году своего максимума—12.

Рабочіе депутаты въ парламентѣ вскорѣ же заявили себя серьезными, вдумчивыми, спокойными и весьма полезными участниками въ сложныхъ трудахъ представительнаго собранія. Могу привести интересное свидѣтельство по этому предмету Гладстона, относящееся къ тому времени, когда великій старикъ уже оставилъ политическую дѣятельность. Принимая въ Гаварденѣ, въ апрѣлѣ 1895 года,

депутацію отъ союза нѣсколькихъ либеральныхъ клубовъ, Гладстонъ произнесъ небольшую рѣчь. Заявивъ, что онъ и отказавшись отъ дѣятельности не утратилъ интереса къ общественному дѣлу, Гладстонъ продолжалъ:

«Я глубоко вѣрю въ будущее моей страны. Я надѣюсь, что великія качества, доставившія ей столь видное и могущественное положеніе въ мірѣ, будутъ и впредь обнаруживаться въ жизни народа. Теперь впервые, можно сказать, народъ во всемъ своемъ цѣломъ выступилъ на арену политической дѣятельности... Теперь кругъ населенія, допущеннаго къ непосредственному вліянію на государственныя дѣла, значительно расширился, и въ настоящее время совершается испытаніе пригодности новыхъ элементовъ къ участию въ управленіи государствомъ. Я питаю серьезную надежду, что они вынесутъ это испытаніе съ честью, и мнѣ доставляли всегда большое удовлетвореніе факты, свидѣтельствующіе, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рабочіе уже обнаружили замѣчательную способность къ пользованію властью. Эта способность проявилась въ умѣнїи выбрать себѣ представителей: группа членовъ парламента, извѣстныхъ подъ названіемъ «рабочихъ депутатовъ», заявляетъ себя превосходно, и выборъ ихъ дѣлаетъ честь тѣмъ, кого они представляютъ и кто избралъ ихъ въ составъ палаты».

Признаніе высокихъ качествъ за рабочими депутатами получало не разъ характерное выраженіе въ привлеченіи наиболѣе выдающихся изъ нихъ къ дѣятельнымъ ролямъ въ управленіи. Укажу на Бродгерста (бывшаго каменотеса), которому въ 1886 году предоставленъ былъ постъ това-

рища министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1892 г. Томасъ Бертъ вошелъ въ составъ министерства, въ качествѣ парламентскаго секретаря министерства торговли, а за два года передъ тѣмъ онъ былъ избранъ, при всеобщемъ сочувствіи, однимъ изъ англійскихъ делегатовъ для участія въ международной конференціи по рабочему вопросу, которую созвалъ императоръ Вильгельмъ въ Берлинѣ въ 1890 году. Оба названныя лица являются достойными предшественниками Джона Бернса, которому въ кабинетѣ Кэмпбелль-Баннермана 1905 г. удѣленъ былъ очень важный—именно въ области соціально-политической—постъ главы министерства мѣстнаго управленія.

Интересно отмѣтить, съ другой стороны, впечатлѣнія, вынесенныя самими рабочими депутатами изъ стѣнъ парламента объ отношеніи къ нимъ. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ на митингѣ рабочихъ, въ 1881 г., Бродгерстъ:

«Я вступилъ въ палату, не имѣя ни средствъ, ни вліянія, ни друзей, кромѣ моихъ ближайшихъ сотоварищей, и между тѣмъ никто не могъ бы встрѣтить большее вниманіе и любезность, чѣмъ проявленныя ко мнѣ, даже со стороны политическихъ противниковъ. Въ палатѣ общинъ не имѣетъ значенія ни то, каково положеніе человѣка, ни то, въ какой сферѣ дѣятельности протекала его жизнь: если у него есть что сказать достойнаго вниманія, то онъ окажется наравнѣ со знатнѣйшими и богатѣйшими членами собранія. Поэтому рабочіе люди, желающіе послать изъ своей среды представителя въ парламентъ, могутъ быть увѣрены, что онъ будетъ принятъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ если бы онъ былъ сыномъ милліонера».

Въ томъ же смыслѣ высказался и Томасъ Бертъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей (въ 1889 г.):

«Нѣтъ, кажется, на свѣтѣ мѣста, гдѣ общественное положеніе значило бы меньше, чѣмъ въ британской палатѣ общинъ. Она, можетъ быть, составить себѣ невѣрное сужденіе о человѣкѣ, но она никогда къ оцѣнкѣ его не приложитъ пошлаго критерія. Она оцѣнитъ его по внутреннимъ качествамъ и таланту, но не по размѣру его владѣній, и ей все равно, будетъ ли это крестьянинъ или лордъ. Того же нельзя сказать съ одинаковымъ основаніемъ о всякомъ другомъ собраніи англичанъ»,—прибавляетъ Бертъ.

Положеніе рабочихъ депутатовъ въ новомъ парламентѣ во многихъ отношеніяхъ представляетъ значительныя особенности сравнительно съ прошлыми годами—особенности, въ которыхъ отразились черты эволюціи, совершающейся въ средѣ рабочихъ организацій за послѣднее время.

Въ новой палатѣ общинъ всего 54 рабочихъ депутата, но они не являются однороднымъ цѣлымъ и стоятъ далеко не въ одинаковомъ отношеніи къ либеральному большинству палаты. Въ болѣе тѣсномъ соотношеніи съ нимъ находится группа въ 25 лицъ, вѣрная традиціямъ совмѣстной съ либералами работы. Главный контингентъ ихъ составляютъ представители рабочихъ союзовъ съ преданіями «старого юніонизма»—союзовъ, не примкнувшихъ къ новой организаціи рабочаго представительства. Видное мѣсто въ этой группѣ принадлежитъ горнорабочимъ, союзъ которыхъ (Miners Federation of Great Britain), со

своими 320,000 членовъ, представляется однимъ изъ самыхъ значительныхъ и вліятельныхъ въ странѣ. Депутатовъ горнорабочихъ 16. Вмѣстѣ съ нѣсколькими депутатами стараго направленія они образовали группу въ 20 членовъ подъ названіемъ «Trade Union Labour Group», которая сохранитъ ближайшую связь съ передовыми элементами либеральнаго большинства. Рядомъ съ нею, въ еще большей близости съ послѣднимъ, стоятъ нѣсколько рабочихъ депутатовъ, ранѣе бывшихъ въ парламентѣ, и въ ихъ числѣ—Джонъ Бернсъ, членъ кабинета.

Въ обособленное положеніе, подчеркнувъ его занятіемъ мѣстъ на скамьяхъ оппозиціи, стала въ новомъ парламентѣ группа въ 29 членовъ, которая представляетъ собою «рабочую партію» (Labour Party) въ тѣсномъ смыслѣ. Въ основу дѣйствій ея въ парламентѣ положено начало полной независимости, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда законодательныя предложенія не будутъ встрѣчать одобренія партіи во всѣхъ деталяхъ, члены ея будутъ ставить ближайшіе интересы выше тѣхъ политическихъ обязательствъ, которыя налагаетъ на нихъ поддержка, оказанная либералами рабочимъ кандидатамъ на послѣднихъ выборахъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ этой партіи царили полное единодушіе и единомысліе. Въ ея рядахъ насчитываютъ 23 депутатовъ, заявившихъ себя социалистами. Изъ нихъ 7 лицъ выдвинуты такъ называемою «независимою рабочею партіею»; они не принадлежатъ ни къ какой рабочей организаціи и представляются въ полномъ смыслѣ независимыми. Остальные являются ставленниками рабочихъ союзовъ и призваны къ защитѣ, прежде всего, непосред-

ственныхъ интересовъ труда, могущихъ и не вполне отвѣчать требованіямъ соціалистической программы. На этой почвѣ между обѣими группами возможны несогласія, особенно въ отношеніи къ приемамъ дѣятельности. Отсутствіе въ средѣ «рабочей партіи» сплоченнаго единенія сказалось въ характерномъ фактѣ: при избраніи лидера партіи—Кейръ-Гарди былъ выбранъ таковымъ лишь благодаря голосу предсѣдательствовавшего на собраніи, давшему перевѣсъ въ его пользу.

Появленіе въ парламентѣ обособленной рабочей партіи есть результатъ того движенія въ средѣ рабочихъ, которое получило первое рѣшительное выраженіе на конгрессѣ трэдъ-юніоновъ въ Плимутѣ въ 1899 году. На этомъ конгрессѣ, по предложенію соединеннаго общества желѣзнодорожныхъ служащихъ, было принято постановленіе, приглашающее постоянный парламентскій комитетъ конгресса созвать конференцію изъ представителей рабочихъ союзовъ, кооперативныхъ обществъ и соціалистическихъ организацій для того, чтобы обсудить вопросъ о рабочемъ представительствѣ въ палатѣ общинъ. Конференція эта состоялась въ Лондонѣ въ февралѣ 1900 года при участіи 129 делегатовъ. Изъ нихъ большую часть составляли делегаты рабочихъ союзовъ, отозвавшихся на приглашеніе; такихъ союзовъ оказалось, однако, только 68 (всего трэдъ-юніоновъ, по даннымъ 1904 г.,—1,143). Остальные делегаты приходились на долю трехъ соціалистическихъ организацій—соціалъ-демократической федераціи, независимой рабочей партіи и фабіанскаго общества. Кооперативныя общества не прислали ни одного делегата и продолжаютъ

до сихъ поръ стоять въ сторонѣ отъ новаго движенія. Отъ него откололась и социаль-демократическая федерація, недовольная тѣмъ, что этимъ движеніемъ не усвоено опредѣленно социалистическое направленіе.

Главное заключеніе, къ которому пришла конференція, выразилось въ признаніи необходимости — «установить отдѣльную рабочую группу въ парламентѣ, которая имѣла бы своихъ собственныхъ распорядителей и намѣчала бы свою политику, въ кругъ которой должна входить готовность къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ любой партією, которая въ данное время можетъ взяться за проведеніе законодательства въ непосредственныхъ интересахъ труда».

Для осуществленія этого рѣшенія былъ образованъ «Комитетъ рабочаго представительства» (Labour Representation Committee). Этотъ комитетъ, руководящій новымъ движеніемъ, обнаружилъ кипучую дѣятельность, которая и ознаменовалась серьезными успѣхами. Общее число рабочихъ, примкнувшихъ своими союзами къ этой организаціи, въ 1905 г. доходило до 900,000 (въ 1902 г. ихъ было 469,000, въ 1903 г. — 861,000). Для покрытія текущихъ издержекъ по организаціи каждымъ союзомъ вносится въ общій фондъ по 30 шиллинговъ за каждую тысячу членовъ; въ 1905 г. въ этотъ фондъ поступило 1,486 фун. ст. Кромѣ того образованъ особый «парламентскій фондъ», который составляется изъ взносов по одному пенсу за cadaго члена, уплачиваемыхъ также союзами; въ 1905 г. парламентскій фондъ достигъ значительной суммы въ 6,796 фун. ст. Главное назначеніе

этого фонда—уплата комитетомъ парламентскаго представительства ежегоднаго содержанія въ 200 фун. ст. каждому члену парламента, избранному при поддержкѣ комитета, и покрытіе 25⁰/₁₀₀ избирательныхъ расходовъ каждаго кандидата. При такихъ условіяхъ комитетъ рабочаго представительства имѣлъ возможность принять очень дѣятельное участіе въ послѣднихъ выборахъ, выставивъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны 51 кандидата — рабочихъ. Изъ нихъ избраны были членами парламента 29 лицъ.

Эти 29 депутатовъ, члены особой рабочей партіи, являются представителями весьма значительной части рабочихъ, сгруппировавшихся подъ знаменемъ «Комитета рабочаго представительства». Значительной части, — говоримъ мы, — но далеко не всей массы рабочихъ. Въ этой организаціи, — не считая рабочихъ не объединенныхъ, — остается не менѣе половины членовъ рабочихъ союзовъ: въ 1904 г. всѣхъ трэдъ-юніонистовъ было 1.870,000 чел., а къ комитету рабочаго представительства примыкаютъ, какъ было указано, — 900,000 членовъ рабочихъ союзовъ.

Характерно, съ другой стороны, что союзъ кооперативныхъ обществъ уклонился отъ присоединенія къ новой организаціи рабочаго представительства, хотя очень недавно сдѣланы были серьезныя попытки въ этомъ направленіи. На послѣднемъ конгрессѣ кооперативнаго союза, въ 1905 г., однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія былъ именно вопросъ о лучшихъ способахъ обезпеченія представительства въ парламентѣ кооперативнаго движенія. И весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ (654 противъ 271) было принято слѣдующее поста-

новленіе: «Конгрессъ полагаетъ, что настало время, когда въ интересахъ кооперативнаго движенія необходимо, чтобы кооператоры, своею организаціею и черезъ посредство ея, приняли болѣе широкое участіе въ законодательствѣ и административномъ управленіи страны».

Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ была предложена резолюція, рекомендовавшая конгрессу признать, что указанная цѣль «можетъ быть лучше всего достигнута соединеніемъ нашихъ силъ съ комитетомъ рабочаго представительства и образованіемъ, такимъ путемъ, сильной партіи прогресса и реформы», и что парламентскому комитету поручается принять мѣры въ соотвѣтствіе съ этою резолюціею.

Однако, послѣ продолжительнаго и по временамъ горячаго обсужденія, за резолюцію подано было только 135 голосовъ, а 801 голосомъ была принята поправка слѣдующаго содержанія: «конгрессъ признаетъ неумѣстнымъ для кооперативнаго движенія формальное соединеніе съ какою-либо политической партіею и потому рѣшительно не одобряетъ (*emphatically disapproves*) второй резолюціи о рабочемъ представительствѣ, которая рекомендуетъ движенію соединить свои силы съ силами комитета рабочаго представительства».

Для этого послѣдняго, разумѣется, было бы великимъ торжествомъ присоединеніе кооперативнаго союза съ его 1,469 обществами, насчитывающими болѣе 2 милліоновъ членовъ и располагающими огромными средствами. Дивидендъ, выданный этимъ союзомъ своимъ членамъ въ прошломъ году, доходитъ до 10 милліоновъ фун. ст. Какъ

легко,—говоритъ Кейръ-Гарди въ своей статьѣ, напечатанной въ январской книгѣ «Nineteenth Century» (1906 г.),—могли бы кооператоры найти средства для своихъ кандидатовъ: стоитъ имъ лишь удѣлять на политическія цѣли хотя бы одну четверть процента выдаваемого дивиденда (5 шилл. со 100 ф. ст.), и получится солидный ежегодный фондъ въ 25,000 фунт. ст.

Тотъ же Кейръ-Гарди, нынѣ глава рабочей партіи въ парламентѣ, обращаетъ вниманіе на то, что въ доводахъ противъ второй резолюціи на кооперативномъ конгрессѣ слышались тѣ же соображенія, которыя выдвигались на конгрессахъ трэдъюніоновъ передъ образованіемъ комитета рабочаго представительства. По всей вѣроятности говоритъ онъ, и конечный результатъ будетъ тотъ же, и лишь вопросомъ времени окажется присоединеніе кооперативнаго союза къ новой организаціи рабочаго представительства.

Оправдается ли это предположеніе, помогутъ ли успѣхи новой организаціи на выборахъ въ дѣлѣ привлеченія къ ней и кооперативныхъ обществъ, и еще далекихъ отъ нея трэдъ-юніоновъ,—все это вопросы недалекаго будущаго, полные глубокаго интереса съ точки зрѣнія дальнѣйшаго развитія новыхъ явленій въ жизни англійской демократіи и той роли, какую доведется выполнить рабочей партіи въ ея непосредственной дѣятельности и въ соотношеніи ея съ либеральною партіею.

Для правильной оцѣнки совершающейся въ Англіи эволюціи необходимо не терять изъ вида того спокойнаго характера, которымъ проникнута борьба партій и

соціальныхъ интересовъ подѣ покровомъ охранительныхъ началъ широкой политической свободы, обеспечивающей закономѣрность во всѣхъ проявленіяхъ жизни. При такихъ условіяхъ нѣтъ почвы для успѣховъ столь знакомой континенту и столь пагубной для культуры агрессивности въ соціальной борьбѣ, и совершенно понятны неудачи пропаганды идей и приѣмовъ такой борьбы.

При ближайшемъ знакомствѣ съ опытами такой пропаганды въ Англіи, очень немногочисленными, не трудно обнаружить въ ней тѣ же черты классовой нетерпимости и страстности. Вотъ, напр., нѣсколько отрывковъ изъ статьи еженедѣльнаго соціалистическаго журнала «Clarion», написанной подѣ впечатлѣніемъ успѣховъ рабочей партіи и принадлежащей бойкому перу издателя, Роберта Блачфорда. Стараясь внушить читателямъ, что въ этихъ успѣхахъ кроется залогъ грядущаго торжества соціализма надѣ либерализмомъ, авторъ объясняетъ—«почему соціалисты будутъ громить либеральную партію» (таковъ и самый заголовокъ статьи).

«Либерализмъ означаетъ индивидуализмъ,—говоритъ Блачфордъ,—и ни на какой политикѣ и ни на какихъ доводахъ не можетъ сложиться союзъ между индивидуализмомъ и соціализмомъ. Въ чемъ основы либеральнаго credo? Въ свободномъ соперничествѣ—въ свободѣ торговли, свободѣ договора, свободѣ конкуренціи! А всѣ эти вещи находятся въ прямой противоположности къ соціализму»...

Указавъ далѣе на то, что къ движенію въ средѣ рабочихъ побудили «крайній недостатокъ принципіальности

и искренности и признаніе того факта, что либерализмъ и трудъ находятся въ естественной и неизбѣжной противоположности другъ къ другу», авторъ продолжаетъ:

«Либеральная партія осуждена на гибель... Соціалистовъ нельзя ни подкупить, ни привести къ соглашенію. Никакіе компромиссы невозможны. Никакія обѣщанія не по могутъ. Даже если бы либеральная партія могла дать — не обѣщать, а дать — соціалистамъ половину той власти, которой они требуютъ, мира не послѣдуетъ. Намъ нужна она вся. Борьба должна быть ведена до конца. Соціалистическое движеніе не есть маленькое мѣстное возбужденіе, которое можно успокоить льстивою угодливостью и красивыми обѣщаніями. Это — начало міровой революціи... А тѣмъ временемъ мы сокрушимъ либеральную партію, если можемъ (if we can)».

«Если можемъ» — сорвалось у энергичнаго автора ограниченіе рѣшительной увѣренности его. И это ограниченіе не излишне въ смѣломъ заявленіи издателя «Clarion» хотя бы уже во вниманіе къ тому, что обнаружилось на выборахъ. Въ другой статьѣ своей, подъ громкимъ заглавіемъ «The Astonishing Revolution of 1906». (Изумительная революція 1906 г.), онъ выражаетъ увѣренность въ будущихъ успѣхахъ соціалистической пропаганды и говоритъ: «дайте намъ поработать три года, и мы увидимъ, что Гартлею, Гобсону и Гайндману съ дюжиною другихъ признанныхъ и стойкихъ соціалистовъ будутъ обеспечены мѣста въ парламентѣ»... Будущее дастъ повѣрку этого предсказанія, а теперь оказалось, что ни одинъ изъ семи кандидатовъ соціалъ-демократи-

ческой федераціи не былъ избранъ. Эта участь постигла и самого главу федераціи—Гайндмана. Неудача его тѣмъ внушительнѣе, что счастливымъ соперникомъ его былъ рабочій-либералъ Маддисонъ.

Неуспѣхъ социаль-демократическихъ теченій и безпочвенность боевого социализма въ Англіи очень выразительно оттъняются тою складкою, какую приняли социально-экономическіе идеалы и запросы въ средѣ рабочей партіи, даже въ лицѣ тѣхъ ея руководителей, которые причисляютъ себя къ социалистамъ. Они не только далеки отъ стремленія положить классовую борьбу и ея интересы въ основу своей дѣятельности, но совершенно опредѣленно предрекаютъ неудачу и разложеніе рабочей партіи, если она сузитъ свои задачи цѣлями классоваго движенія. Въ своей работѣ она должна опираться на «понятія о справедливомъ и несправедливомъ, присущія всѣмъ классамъ» и «обращаться къ чувствамъ справедливости, призывъ къ которымъ никогда не оказывался тщетнымъ». Это — выраженія Д. Рамзея Макдональда, одного изъ талантливыхъ и самыхъ вліятельныхъ членовъ новой партіи, въ статьѣ объ этой партіи и ея политикѣ, напечатанной въ мартовской книгѣ журнала «Independent Review» (1906 г.).

Въ этой же статьѣ Макдональдъ говоритъ, что его мало интересуютъ разсужденія о томъ, какія отношенія сложатся между рабочею партіею и другими партіями. Эти отношенія будутъ развиваться въ зависимости отъ обстоятельствъ. «Только улыбку,—если не досаду,—могутъ вызвать хвастливыя угрозы сокрушить ту или другую

партію»,—прибавляетъ онъ, имѣя въ виду, вѣроятно, цитированную мною статью въ журналѣ «Clarion»... «Рабочая партія сама переживаетъ періодъ испытанія, да и кромѣ того «сокрушеніе» не есть процессъ политическаго развитія. Существуютъ люди, которые до сихъ поръ мечтаютъ о революціяхъ; но ихъ моленія и должны быть направлены именно къ тому, чтобы палата общинъ никогда не видѣла въ своей средѣ никакой рабочей или социалистической партіи. Старыя партіи не могутъ быть «сокрушаемы». Онѣ раскалываются, онѣ приходятъ въ упадокъ, онѣ ассимилируются. Наступаетъ переходное время, въ политической жизни проявляется замѣшательство, прогрессивныя партіи и группы становятся реакціонными; но въ одинъ прекрасный день обнаруживается, что боевыя колонны опять готовы къ дѣлу, и возобновляется вѣчная борьба между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно быть».

При такихъ основныхъ воззрѣніяхъ руководителей новой рабочей партіи социализмъ, ее вдохновляющій, не можетъ быть пугаломъ и угрозою мирному развитію, а является важною принципіальною основою того направленія, въ которомъ они намѣрены вести политику социальныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи новое направленіе не представляетъ собою чего-либо невѣдомаго прошлой эволюціи социального законодательства Англіи. Оно находится въ тѣсной органической связи съ тѣми теченіями, которыя уже давно выступили въ этой эволюціи и выразились въ поворотѣ отъ преобладанія индивидуалистическихъ началъ, получавшихъ нерѣдко одностороннее развитіе, къ подчиненію этихъ началъ идеаламъ и требо-

ваніямъ соціальной справедливости. Именно этимъ характеризуется сущность тѣхъ реформъ, которыя проведены были въ Англіи въ XIX вѣкѣ въ различныхъ областяхъ соціально-экономической жизни и которыя такъ многому научили другія государства. И глубоко былъ правъ Джонъ Морлей, когда въ своей біографіи Кобдена (въ 1881 году) онъ, въ итогѣ обзрѣнія англійскаго законодательства объ охранѣ рабочихъ, о санитарномъ надзорѣ и проч., сказалъ: «все это — одна изъ обширныхъ отраслей того, что привыкли требовать самые настойчивые соціалисты; и если къ этому сложному рабочему законодательству мы прибавимъ нашу систему общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, то окажется довольно изумительный результатъ, — что въ странѣ, въ которой о соціализмѣ толковали меньше, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, его принципы получили наиболѣе широкое примѣненіе».

Отмѣченная эволюція, и при новомъ сочетаніи политическихъ факторовъ, будетъ идти тѣмъ же путемъ мирнаго и спокойнаго улучшенія соціальныхъ условій и развитія чувства общественной солидарности, при которыхъ устанавливается болѣе гармоническое соотношеніе между благополучіемъ государства и благомъ отдѣльныхъ его гражданъ.

Въ заключеніе попытки уяснить новыя явленія въ развитіи англійской демократіи нахожу умѣстнымъ обратить вниманіе на заявленія, съ которыми выступилъ въ одной изъ своихъ рѣчей министръ финансовъ Асквиль. Эти заявленія пріобрѣтаютъ особенный интересъ въ виду того, что Асквиль считается наиболѣе вѣроятнымъ преемни-

комъ Кэмпбелль-Баннермана въ роли лидера либеральной партіи.

Не только безъ всякаго опасенія, но съ искреннимъ удовольствіемъ привѣтствуетъ Асквитъ появленіе въ парламентѣ большого числа рабочихъ депутатовъ. Избранные почти вездѣ при поддержкѣ либераловъ, они вмѣстѣ явятся «авторитетными выразителями соединенной прогрессивной партіи». Асквита не мало не тревожитъ и программа рабочихъ депутатовъ. Весьма важно, чтобы въ палатѣ общинъ, долженствующей быть «дѣйствительнымъ отраженіемъ духовныхъ силъ націи», были представлены всѣ теченія общественной мысли, раздѣляемая значительною долею населенія.

«Никто, вдумываясь въ условія политическаго развитія Англіи, не долженъ былъ бы полагать, что мы всегда будемъ идти по той же старой бороздѣ, имѣя одну партію на одной сторонѣ и другую на другой, безъ того, чтобы промежуточное мѣсто было занято, какъ это мы видимъ во всякой другой цивилизованной демократической странѣ, группами, имѣющими свои особенныя идеи и свои собственные интересы. Если искреннія и разумныя теченія общественнаго мнѣнія оказываются теперь болѣе раздробленными, чѣмъ было прежде, и если мы уже не можемъ классифицировать каждое изъ нихъ прежнимъ простымъ способомъ, то намъ слѣдуетъ принять новыя условія и приспособить къ нимъ нашъ механизмъ, наши партійныя организаціи, нашу систему представительства и всего управленія. Ничто не могло бы быть болѣе бесполезнымъ или болѣе несоотвѣтственнымъ съ либеральными традиціями,

какъ закрывать глаза передъ фактами, вмѣсто того, чтобы постараться понять ихъ и наилучше воспользоваться ими».

Но если палата общинъ можетъ только выиграть, имѣя въ своей средѣ непосредственныхъ выразителей и представителей интересовъ труда, то—думаетъ Асквиль—«не меньшую выгоду получаютъ и сами члены рабочей партіи отъ того, что они, войдя въ самый центръ представительства и управленія, увидятъ, какъ сложенъ тотъ организмъ, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло, какъ глубоко укоренились его историческія основы, какая взаимная зависимость проникаетъ всѣ его части, и что они научатся распознавать все это собственнымъ опытомъ. Этотъ опытъ, заставивъ ихъ позабыть кое-что изъ того, во что они прежде вѣрили, и оставить, какъ призранныя, нѣкоторыя изъ тѣхъ идей, съ которыми они выступили въ жизнь,—поможетъ имъ расширить свой кругозоръ и не только разовьетъ ихъ духовную сторону, но и укрепитъ ее чувствомъ отвѣтственности».

Джемсъ Брайсъ о гражданскомъ долгѣ въ современныхъ демократіяхъ.

«Что часто мѣшаетъ людямъ быть хорошими гражданами въ современныхъ демократіяхъ?»

Такъ можно формулировать вопросъ, разъясненію котораго посвящено новое произведеніе Джемса Брайса, недавно изданное въ Нью-Йоркѣ подъ заглавіемъ — «The Hindrances to good Citizenship».

Небольшая по объему (134 стр.), но богатая мыслями, эта книга составилась изъ четырехъ лекцій, которыя Брайсъ, нынѣ британскій посолъ въ Соединенныхъ Штатахъ, прочелъ въ Yale University въ прошломъ году.

Многимъ изъ читателей хорошо, конечно, извѣстны выдающіяся дарованія знаменитаго автора капитальнаго сочиненія объ Американской Республикѣ, имѣющагося въ русскомъ переводѣ. Обширная эрудиція Брайса выступаетъ и въ другихъ его научныхъ трудахъ: въ прекрасной монографіи о Священной Римской Имперіи и въ цѣнномъ двухтомномъ сборникѣ историко-юридическихъ этюдовъ, которые представляютъ собою результатъ ученыхъ изы-

сканій Брайса въ бытность его профессоромъ Оксфордскаго Университета (съ 1870 по 1893 г.).

Замѣчательный ученый и блестящій писатель, Брайсъ выдвинулся и въ качествѣ политическаго дѣятеля. Избранный членомъ парламента въ 1880 году, онъ въ послѣдующіе годы былъ однимъ изъ близкихъ и вліятельныхъ сотрудниковъ Гладстона (въ министерствахъ 1886 и 1892 гг.); въ кабинетѣ Кэмпбелъ-Баннермана (1905 г.) онъ занималъ постъ министра по дѣламъ Ирландіи до 1907 года, когда былъ назначенъ британскимъ посломъ въ Вашингтонѣ.

На первыхъ страницахъ своей новой книги Брайсъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ теченіе многихъ лѣтъ работы въ британскомъ парламентѣ онъ находился въ условіяхъ особо благопріятныхъ для изученія современной политической жизни. И когда къ нему обратились съ предложеніемъ прочесть рядъ лекцій «о гражданскомъ долгѣ», онъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ этого. Въ результатѣ—политическая литература обогатилась чрезвычайно интересною монографіею, которая заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Она полна глубокихъ мыслей о многихъ существеннѣйшихъ сторонахъ политической жизни—мыслей, выраженныхъ съ большою искренностью и прямою. Во всеоружіи историческихъ знаній и богатаго запаса личныхъ наблюденій, Брайсъ почувствовалъ себя обязаннымъ—на склонѣ жизни (ему 72 года)—подѣлиться кое-какими итогами своихъ наблюденій и размышленій, привлечь вниманіе къ нѣкоторымъ важнымъ недочетамъ современныхъ демократій и высказать свои соображенія о томъ, какъ воз-

можно устранить или ослабить ихъ. Эти мысли и соображенія касаются политической жизни государствъ, уже давно вступившихъ на путь свободнаго развитія, но онѣ не могутъ не представить большого интереса и для насъ, переживающихъ начальные моменты этого развитія и уже накапливающихъ свой политическій опытъ.

I.

Во вступительныхъ замѣчаніяхъ Брайсъ обращаетъ вниманіе на то, что дѣйствительность далеко не вполне оправдала тѣ радужныя надежды, которыя связывались съ установленіемъ свободнаго политическаго строя. Въ немъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣковъ, видѣли «главное и достаточное средство устранить тѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдало общество». Въ этомъ убѣжденіи апостоловъ демократическаго управленія поддерживала идеализація человѣческой природы. Она порождала въ нихъ увѣренность въ томъ, что «народныя массы, по крайней мѣрѣ въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ странахъ, окажутся вполне подготовленными гражданами, иначе говоря—что люди будутъ достаточно разсудительны, чтобы здраво судить объ общественныхъ дѣлахъ, что они сумѣютъ проявлять достаточную разборчивость при выборѣ подходящихъ людей и достаточную выдержку для того, чтобы подчиняться рѣшенію большинства, что они окажутся достаточно честными для того, чтобы стремиться къ обезпеченію общаго интереса и не искать собственныхъ выгодъ въ ущербъ обществу, что въ нихъ проявится надлежащій

патріотизмъ для того, чтобы радѣть объ общемъ благѣ и даже не отступать передъ опасностями для защиты этого блага».

Когда съ теченіемъ времени обнаружилось, что народъ въ массѣ не обладаетъ всѣми этими качествами, идеалисты демократіи все-таки не были смущены. Вѣра въ живительную силу свободы внушала имъ самыя свѣтлыя надежды. Можетъ быть—разсуждали они—народъ дѣйствительно оказывается болѣе, чѣмъ мы предполагали, не вѣжественнымъ и равнодушнымъ. Но это потому, что до сихъ поръ ему не довѣряли. Теперь же, когда участь его находится въ его собственныхъ рукахъ, въ немъ разовьется подготовленность. Въ благопріятной обстановкѣ въ немъ быстро пробудится разсудительность. Обладаніе властью породить чувство отвѣтственности и возбудить рвеніе. Относитесь довѣрчиво къ народу, и онъ скоро оправдаетъ ваше довѣріе».

Въ теченіе долгой борьбы за свободу, начавшейся въ Западной Европѣ въ 1789 году и теперь достигшей береговъ Босфора, именно такія надежды вдохновляли борющихся и находили себѣ выраженіе въ предсказаніяхъ еще болѣе увѣренныхъ, видѣвшихъ въ свободѣ цѣлебное средство противъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій.

Ожиданія, возлагавшіяся на свободныя учрежденія, говоритъ Брайсъ, сбылись въ томъ отношеніи, что «во всѣхъ странахъ, гдѣ такія учрежденія существуютъ, замѣтно улучшилось положеніе народныхъ массъ, при чемъ это улучшеніе обусловливается не только успѣхами въ развитіи знаній и въ широкомъ распространеніи жизнен-

ныхъ удобствъ, но также болѣе справедливымъ и гуманнымъ законодательствомъ. Никто не станетъ отрицать, что людямъ теперь живется лучше. Немногіе рѣшатся отрицать, что этимъ міръ въ значительной степени обязанъ лучшимъ политическимъ учрежденіямъ. Разительнымъ свидѣтельствомъ всеобщности такого убѣжденія служатъ усилія, которыя сдѣланы были въ Японіи и Россіи и которыя дѣлаются въ Персіи и Турціи къ установленію парламентскихъ учрежденій. О нихъ уже говорятъ даже въ Китаѣ».

Читателямъ слѣдуетъ основательно запомнить это утвержденіе Брайса и выраженные имъ здѣсь мысли учитывать при взвѣшиваніи тѣхъ соображеній, которыя авторъ развиваетъ дальше, изображая недочеты современной политической жизни. Анализируя эти недочеты и давая имъ подчасъ весьма суровую оцѣнку, авторъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преимуществахъ свободныхъ политическихъ учрежденій и въ своихъ разсужденіяхъ исходитъ изъ стремленія отъ относительно хорошаго къ лучшему.

Итакъ, — говоритъ Брайсъ, — «свобода дала многое Европѣ и Америкѣ, но однако гораздо меньше, чѣмъ отъ нея ожидали».

Объясняется это не дефектами той или другой формы правленія, такъ какъ во многихъ странахъ были испробованы самыя разнообразныя государственныя формы. Нельзя искать полнаго объясненія и въ неопытности, такъ какъ свойственные демократіи недостатки обнаруживаются какъ

у народовъ, давно пользующихся свободою, такъ и у народовъ, лишь недавно получившихъ ее.

При значительномъ разнообразіи этихъ недостатковъ въ различныхъ странахъ, источникъ ихъ одинъ и тотъ же: люди по своимъ гражданскимъ качествамъ оказываются не на томъ уровнѣ, которому они должны отвѣчать въ условіяхъ свободнаго управленія. «Повсемѣстно наблюдается контрастъ между тѣмъ, чего требуетъ теорія демократіи, и тѣмъ, что обнаруживаетъ практика демократіи. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, — и въ этомъ вся сущность вопроса, — что теорія демократіи предполагаетъ въ гражданинѣ свободной страны гораздо болѣе высокій уровень здраваго смысла, разсудительности, порядочности, преданности общественному благу сравнительно съ тѣмъ, что ожидается и требуется отъ подданнаго деспотической монархіи или олигархіи».

Достоинства и недостатки демократіи находятся въ прямомъ соотношеніи со степенью развитія гражданскихъ доблестей у средняго гражданина. Въ демократіи все зависитъ отъ него, отъ этого средняго человѣка. Имъ обусловливается характеръ правительства. Должностныя лица — его агенты, дѣйствующие подъ его надзоромъ. Ему, по принципамъ демократіи, принадлежитъ и долженъ принадлежать окончательный рѣшающій голосъ въ завѣдываніи общественными дѣлами. Онъ не можетъ и уклоняться отъ отвѣтственности безъ риска утратить свои права.

Почему же средній человѣкъ не стоитъ на надлежащемъ уровнѣ въ отношеніи къ выполненію обязанностей, лежащихъ на немъ, какъ на членѣ общества? Совокуп-

ность факторовъ, здѣсь выступающихъ, Брайсъ сводитъ къ тремъ главнымъ, каковыми являются: во-первыхъ, безопасность; во-вторыхъ, личные и частные интересы; въ-третьихъ, партійность. Тщательный анализъ каждого изъ этихъ факторовъ Брайсъ завершаетъ соображеніями о способахъ, которыми возможно устранить или ослабить вредное вліяніе ихъ.

II.

Безпечность, недостатокъ энергіи, отсутствіе дальновидности представляютъ собою свойства, слишкомъ часто встрѣчающіяся у людей даже въ ихъ личной жизни, въ отношеніи къ интересамъ, ихъ непосредственно затрагивающимъ. Удивительно ли, что эти свойства очень многіе проявляютъ въ отношеніи къ выполненію своего гражданскаго долга? Средній человѣкъ руководствуется среднимъ уровнемъ и не видитъ основанія, почему бы ему безпокоиться общественными дѣлами въ большей мѣрѣ, чѣмъ то дѣлаютъ его ближніе.

Въ условіяхъ современной жизни Брайсъ отмѣчаетъ нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія тенденцію развивать безучастное отношеніе къ общественнымъ, собственно политическимъ интересамъ. Обширность новыхъ государствъ дѣлаетъ то, что доля участія каждого отдѣльнаго гражданина въ государственныхъ дѣлахъ представляется безконечно малою. Въ древней греческой республикѣ онъ былъ однимъ изъ двухъ тысячъ, много—изъ десяти тысячъ голосующихъ. Въ современной Англіи или Франціи онъ—

одинъ изъ многихъ милліоновъ. Шансы того, что его голосъ можетъ повліять на обезпеченіе того или другого результата, такъ ничтожны, что онъ привыкаетъ относиться къ своему голосу пренебрежительно.

Съ другой стороны, съ развитіемъ и распространеніемъ научныхъ знаній, усиленіемъ интереса къ литературѣ и искусствамъ въ средѣ образованныхъ классовъ увеличился контингентъ людей, сторонящихся отъ участія въ политической жизни и посвящающихъ себя всецѣло работѣ въ излюбленной сферѣ. Не мало вниманія отвлекаетъ отъ политики увлеченіе различными видами спорта, особенно въ англо-саксонскихъ странахъ, «гдѣ крикетный или футбольный матчъ или скачки возбуждаютъ въ богатыхъ и среднихъ классахъ, а также въ болѣе состоятельныхъ слояхъ бѣдныхъ классовъ большій интересъ, чѣмъ какое-либо политическое событіе».

Въ древнихъ республикахъ, гдѣ революціи были столь же часты, какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Южной Америки, почиталось преступнымъ непринятіе участія въ гражданской борьбѣ. Люди, не бравшіеся за мечъ, чтобы побороть сторонниковъ авантюриста, стремившагося сдѣлаться тираномъ, увеличивали шансы его, и во всякомъ случаѣ ихъ безучастіе грозило продлить междоусобіе, которое оканчивалось тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе обнаруживалось, на какую сторону склоняется народная масса. Въ этихъ видахъ въ нѣкоторыхъ изъ греческихъ республикъ существовалъ законъ, обязывавшій cadaго гражданина, въ случаѣ возстанія, становиться на ту или другую сторону; въ противномъ случаѣ ему грозило наказаніе.

Съ наступленіемъ болѣе мирныхъ временъ обязанность сражаться смѣнила обязанность голосовать. Однако этою обязанностью многіе, даже въ небольшихъ государствахъ, пренебрегаютъ. Въ сравнительно лучшемъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи Англія и Швейцарія. Въ Швейцаріи въ нѣкоторыхъ кантонахъ изданы законы, карающіе штрафомъ лицъ, уклоняющихся, безъ уважительныхъ причинъ, отъ участія въ голосованіи. Въ Англіи въ парламентскихъ выборахъ участвуютъ до 80 процентовъ избирателей. Но въ другихъ государствахъ процентъ уклоняющихся гораздо болѣе значителенъ.

Другимъ видомъ гражданской апатіи является уклоненіе отъ несенія гражданскихъ обязанностей. Въ особенности это обнаруживается въ отношеніи къ учрежденіямъ мѣстнаго управленія.

Но особенно замѣтно и особенно серьезно слабое развитіе чувства гражданского долга выступаетъ въ несклонности людей *думать* о государственныхъ дѣлахъ. Если бы можно было собрать статистическія данныя о томъ, сколько изъ голосующихъ думаютъ о своемъ голосованіи, то процентъ ихъ оказался бы всюду весьма незначительнымъ.

Подаваемый голосъ только тогда имѣетъ свою внутреннюю цѣнность, когда онъ служитъ выраженіемъ сознательнаго убѣжденія въ преимуществѣ того или другого кандидата или въ предпочтительности того или другого мѣропріятія. Между тѣмъ многіе ли изъ голосующихъ отвѣчаютъ этому требованію: одинъ изъ пяти, десяти, двадцати?

Правда, очень многіе просто не могутъ вникать въ

политическіе вопросы, разбираться въ нихъ и приходить къ извѣстнымъ заключеніямъ. Въ современныхъ демократіяхъ, въ которыхъ избирательныя права принадлежатъ народнымъ массамъ, огромное большинство голосующихъ заняты повседневнымъ заработкомъ. Многіе изъ нихъ не имѣютъ и достаточной образовательной подготовки. «Говоря вообще,— замѣчаетъ Брайсъ,—въ современныхъ государствахъ со всеобщимъ голосованіемъ средній гражданинъ не располагаетъ возможностью надлежаще выполнять задачи, которыя возлагаетъ на него конституція въ отношеніи къ изученію и разрѣшенію тѣхъ государственныхъ проблемъ, которыя съ постояннымъ расширеніемъ сферы государственнаго управленія и съ усложненіемъ нашей цивилизаціи ставятся передъ нимъ, какъ обладателемъ голоса, призваннымъ рѣшать политическіе вопросы.... Теорія всеобщаго голосованія какъ бы предполагаетъ, что средній гражданинъ является дѣятельнымъ, просвѣщеннымъ, разумнымъ участникомъ въ управленіи своею страной. Между тѣмъ факты опровергаютъ такое предположеніе».

Значитъ ли это, однако, что расширеніе избирательныхъ правъ представляется ошибочнымъ и что средній человѣкъ не можетъ быть признанъ компетентнымъ гражданиномъ въ демократіи?

Этотъ вопросъ, говоритъ Брайсъ, побуждаетъ остановиться на другой отрасли гражданскаго долга—на долгѣ взаимной помощи, на обязанности людей, располагающихъ, благодаря своему уму и знаніямъ, способностью путемъ просвѣщенія и убѣжденія снабжать совѣтами и руководить своихъ менѣе подготовленныхъ согражданъ.

Казалось бы, что здѣсь значительную пользу могли бы приносить періодическія изданія, какъ органы, дающіе матеріалы для образованія общественнаго мнѣнія. Но, замѣчаетъ Брайсъ, — «каковы бы ни были услуги, оказываемыя газетою въ другихъ отношеніяхъ, она имѣетъ одинъ неизбѣжный дефектъ — большинство читающихъ ее она отучаетъ отъ самостоятельнаго мышленія». Являясь чаще всего органомъ партійнымъ, имѣющимъ распространеніе въ средѣ сторонниковъ даннаго теченія, газета преподноситъ читателю идеи, которыя отвѣчаютъ его склонностямъ, и повседневнымъ напоминаніемъ ихъ она приучаетъ его видѣть въ нихъ истины. Рѣдко онъ имѣетъ охоту, еще рѣже терпѣніе основательно разобраться въ этихъ идеяхъ и составить самостоятельное сужденіе. «Онъ радъ избавиться отъ необходимости думать, потому что думать — тяжелая работа. И тутъ безпечность!» восклицаетъ Брайсъ. Въ концѣ концовъ хотя теперь читаютъ больше, чѣмъ прежде, да и самихъ читающихъ гораздо больше, однако мышленіе не увеличивается соотвѣтственно чтенію ни у отдѣльныхъ лицъ, ни въ массахъ, а скорѣе уменьшается. «Сознательность и самостоятельность мысли не развиваются въ соотвѣтствіи съ распространеніемъ просвѣщенія. Число читающихъ и вотирующихъ въ Англіи и Франціи теперь въ двадцать разъ больше, чѣмъ было семьдесятъ лѣтъ назадъ. Между тѣмъ процентъ тѣхъ, которые думаютъ передъ подачею голоса, не увеличился соотвѣтственно распространенію народнаго образованія или расширенію избирательныхъ правъ».

По этому поводу Брайсъ горячо высказывается за то,

чтобы люди, стоящіе выше своихъ согражданъ по знаніямъ и уму, стремились поднять уровень гражданскихъ чувствъ не только путемъ болѣе дѣятельнаго участія своего въ политической жизни, но и стараясь развивать въ средѣ своихъ согражданъ, стоящихъ въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, надлежащія свѣдѣнія о политическихъ вопросахъ и добросовѣстное отношеніе къ ихъ разрѣшенію. Основою демократіи является равенство, но ни въ одной государственной формѣ руководство не представляется столь существеннымъ. «Массы населенія безъ разумныхъ, сознающихъ свою отвѣтственность лидеровъ, которыхъ онѣ уважаютъ и за которыми онѣ слѣдуютъ, представляютъ собою толпу, готовую сдѣлаться жертвою ловкаго мошенника». Воздѣйствіе на массы—дѣло трудное, особенно въ большихъ городскихъ центрахъ, въ которыхъ велика разобщенность между людьми различныхъ классовъ и разныхъ занятій и гдѣ экономическіе конфликты сдѣлали рабочихъ подозрительными. Однако въ городахъ Англіи и Шотландіи есть люди, успѣшно ведущіе такую работу, плодотворность которой зависитъ отъ такта и умѣнья выразить чувства человѣческой солидарности.

III.

Переходя къ анализу значенія личныхъ и частныхъ интересовъ, какъ фактора, вредно отражающагося въ государственной жизни, Брайсъ выдвигаетъ явленіе, характеризующее послѣднія десятилѣтія въ развитіи большинства государствъ: постепенное расширеніе вмѣшательства госу-

дарственной власти въ такія области, которыя прежде составляли сферу частной предприимчивости. Считая, что практика еще не даетъ вполне достаточнаго матеріала для окончательной оцѣнки этого теченія, Брайсъ находитъ нужнымъ остановиться на одномъ обстоятельствѣ, которое до сихъ поръ не привлекало къ себѣ вниманія. «Я имѣю въ виду—говоритъ Брайсъ—то вліяніе, какое расширеніе государственнаго воздѣйствія оказало на роль частныхъ интересовъ въ законодательствѣ и управленіи». Чѣмъ болѣе публичная власть либо сама беретъ на себя, либо подвергаетъ своему воздѣйствію предпріятія, сопряженные съ денежными выгодами, тѣмъ болѣе со стороны частныхъ лицъ возникаетъ стремленіе повліять на дѣйствія власти въ направленіи выгодномъ для этихъ лицъ. Наличие у нихъ частныхъ интересовъ, отличныхъ отъ интереса общественнаго, вызываетъ съ ихъ стороны склонность, при осуществленіи своихъ политическихъ правъ, имѣть въ виду не общее благо, а свои карманы.

Частные интересы всегда и всюду играли болѣе или менѣе замѣтную роль. Землевладѣльческій классъ, руководившій англійскимъ законодательствомъ въ XVIII столѣтіи, думалъ прежде всего о себѣ и проводилъ законы въ своихъ выгодахъ. Однимъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ въ пользу расширенія избирательныхъ правъ было именно указаніе на то, что путемъ устраненія преобладающаго вліянія одного класса будетъ обезпеченъ общій національный интересъ. «Сторонники демократизаціи надѣялись, что когда общее благо будетъ выдвинуто какъ общая задача, преслѣдованіе эгоистическихъ цѣлей—и должностными лицами,

и отдѣльными привилегированными классами—подвергнется осужденію и исчезнетъ. Тѣмъ не менѣ эгоистическія цѣли продолжали во всѣхъ демократическихъ государствахъ опредѣлять характеръ дѣятельности отдѣльныхъ классовъ или группъ гражданъ. Онѣ представляютъ собою сильный соблазнъ, затуманивающій у многихъ людей то чувство долга—думать прежде всего о всемъ обществѣ, которое должно являться для гражданъ путеводною звѣздою въ ихъ дѣятельности».

Приступая къ обзорѣнїю тѣхъ формъ, въ которыхъ проявляется отмѣченное зло въ современныхъ государствахъ, Брайсъ вскользь упоминаетъ о подкупѣ, какъ наиболѣе грубомъ проявленіи корыстныхъ интересовъ, при чемъ говоритъ, что за послѣднее время въ Англіи и особенно въ Шотландіи подкупъ сдѣлался рѣдкимъ благодаря энергичной борьбѣ съ нимъ на почвѣ строгихъ законовъ.

Болѣе значительную роль играютъ личные мотивы, выступающіе въ вопросахъ обложенія, которое постоянно растетъ вслѣдствіе постояннаго роста государственныхъ расходовъ въ частности на военныя нужды. Между тѣмъ система обложенія можетъ быть построена такъ, что тяжесть его оказывается болѣе ощутительною для однихъ и менѣ чувствительною для другихъ классовъ. У каждаго изъ нихъ имѣется мотивъ переложить бремя обложенія на другихъ.

Особенно ярко выступаетъ преобладаніе частныхъ интересовъ въ области тарифной политики. Ввозныя пошлины почти во всѣхъ государствахъ устанавливаются не только для увеличенія государственныхъ доходовъ, но и

для парализованія иностранной конкуренціи на внутреннемъ рынкѣ. Такими пошлинами особенно дорожатъ производительные классы, такъ какъ онѣ болѣе или менѣе устраняютъ съ рынка иностранные продукты и даютъ возможность производителю поднимать цѣны на свои продукты. Во Франціи земледѣльцы, составляющіе значительнѣйшую часть населенія, требуютъ высокихъ пошлинъ на пищевые продукты, привозимые изъ-за границы. Въ Германіи землевладѣльцы долгіе годы боролись—и успѣшно—за высокія пошлины на хлѣбъ и мясо, тогда какъ рабочій классъ противится этимъ пошлинамъ въ интересахъ удешевленія пищевыхъ продуктовъ. Одинаково въ обѣихъ странахъ мануфактуристы отстаиваютъ высокія ввозныя пошлины на мануфактурные товары.

Вопросы тарифной политики получили такое огромное значеніе, что избиратель склоненъ ставить передъ собою не вопросы о томъ, кто изъ кандидатовъ болѣе достоинъ избранія и какая политика лучше для страны, а вопросъ о томъ, является ли кандидатъ сторонникомъ высокаго тарифа, который принесетъ выгоды его карману, если онъ производитель, или же приведетъ къ вздорожанію потребляемыхъ имъ продуктовъ, если онъ смотритъ съ точки зрѣнія потребителя.

Во многихъ странахъ обширныя средства изъ государственнаго казначейства тратятся на общественныя работы для той или другой мѣстности, какъ устройство гаваней, пристаней, каналовъ и т. п. Это открываетъ широкое поле для интригъ и искательства со стороны тѣхъ лицъ, которыя могутъ извлечь выгоды для своихъ част-

ныхъ интересовъ. Путемъ поддержки, оказываемой вліятельному кандидату или партіи, нерѣдко добиваются принятія такихъ работъ, которыя либо представляютъ собою бесполезную трату денегъ, либо даютъ извѣстной мѣстности выгоды на счетъ налогоплательщиковъ другихъ мѣстностей, не получающихъ соотвѣтственной компенсаціи. Въ нѣкоторыхъ странахъ такіе приемы получаютъ значеніе настоящаго политическаго подкупа.

Современнымъ правительствамъ приходится быть въ соотношеніи съ огромнымъ контингентомъ людей по производству различныхъ работъ, какъ постройка судовъ, изготовленіе вооруженія, проведеніе дорогъ и т. п. Естественно, что лица, берущія отъ казны различнаго рода подряды, склонны преслѣдовать свои частные интересы хотя бы въ явный ущербъ интересу общественному. Опасность этого столь очевидна, что въ Англіи уже давно былъ изданъ законъ, воспреещающій избраніе въ члены парламента лицъ, имѣющихъ подряды отъ правительства; но это—лишь палліативъ.

Частные интересы представителей многихъ профессій и отраслей промышленности оказываютъ нерѣдко огромное вліяніе на законодательство, парализуя проведеніе мѣропріятій общей пользы. Характерною иллюстраціею этого является судьба проектовъ объ уменьшеніи потребленія спиртныхъ напитковъ въ Англіи. Производство этихъ напитковъ въ значительной степени перешло отъ отдѣльныхъ фирмъ въ руки акціонерныхъ компаній, вслѣдствіе чего сильно увеличился контингентъ людей, заинтересованныхъ—въ качествѣ акціонеровъ—въ прибыль-

ности этихъ предпріятій. Когда въ парламентѣ возбуждаются предложенія о сокращеніи числа мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ, директора компаній издають циркуляры, приглашающіе акціонеровъ выступить въ защиту своихъ интересовъ путемъ давленія на парламентъ, и оппозиція такимъ биллямъ оказывается весьма упорною, такъ какъ очень многіе депутаты опасаются потерять многочисленные голоса акціонеровъ указанныхъ компаній.

Если бы—говорить Брайсъ—мы пожелали опредѣлить въ данномъ государствѣ общее число гражданъ, проявляющихъ въ своей публичной дѣятельности личные интересы, то прежде всего необходимо было бы разграничить тѣ случаи, въ которыхъ эти интересы являются чисто денежными, отъ тѣхъ болѣе многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ интересы въ извѣстномъ смыслѣ личные могутъ быть защищаемы и по общимъ соображеніямъ экономической и соціальной политики, встрѣчающимъ сочувствіе со стороны тѣхъ, которые здѣсь ничего не теряютъ и не выигрываютъ. Къ послѣдней категоріи относятся, напр., проявленія рабочаго законодательства. Законы о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ или объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими обеспечиваютъ выгоды одному классу, правда, очень многочисленному. Но эти законы могутъ быть оцѣниваемы и съ точки зрѣнія интересовъ всего общества.

За устраненіемъ обширной группы людей, личные интересы которыхъ лежатъ въ области вопросовъ, то или иное рѣшеніе которыхъ можетъ быть оправдываемо общеполитическими соображеніями, процентъ гражданъ, пу-

бличная дѣятельность которыхъ опредѣляется ихъ эгоистическими интересами, окажется не великъ. Въ эту группу войдутъ «тѣ, которые домогаются израсходованія государственныхъ суммъ въ предѣлахъ своей мѣстности, — которые добиваются полученія прибыльныхъ подрядовъ отъ казны, — которые какими-либо иными путями стремятся извлечь выгоды путемъ проведенія отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ, — которые, состоя на общественной службѣ, агитируютъ за повышенное вознагражденіе, — которые, посредствомъ голосованія за извѣстную партію, добиваются полученія или сохраненія за собою публичныхъ должностей. Казалось бы, что такія лица, и вмѣстѣ взятыя, составляютъ слишкомъ ничтожную часть избирателей для того, чтобы вліять на направленіе политики или понизить уровень гражданскихъ чувствъ въ странѣ».

Они опасны не своею численностью, а характеромъ своей дѣятельности. Алчность ихъ корыстныхъ вожделѣній соединяется съ коварностью пріемовъ, къ которымъ они прибѣгаютъ для обезпеченія своего вліянія въ погонѣ за наживою. Въ результатѣ получается деморализація, составляющая неизбежное послѣдствіе господства своекорыстныхъ интересовъ. Власть денегъ — говоритъ Брайсъ — составляетъ для демократическихъ государствъ постоянный источникъ опасностей, болѣе грозный, чѣмъ невѣжество, чѣмъ апатія, чѣмъ партійные раздоры, чѣмъ демагогизмъ. Это — потому, что эта опасность такъ многообразна, такъ коварна, потому что она трудно поддается обнаруженію, такъ быстро распространяется».

Въ заключеніе своихъ соображеній о роли частныхъ

интересовъ въ политикѣ Брайсъ высказываетъ нѣсколько характерныхъ замѣчаній о соотношеніи между классами.

Внутренніе политическіе конфликты могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ группамъ: борьба между различными народностями въ предѣлахъ одного государства, религіозныя распри, борьба за политическія права, борьба между различными экономическими классами. Первые три вида конфликтовъ почти совершенно исчезли въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Остаются конфликты на почвѣ экономической, имѣющіе характеръ борьбы между болѣе богатыми и бѣдными классами.

При всей неизбѣжности такой борьбы — говоритъ Брайсъ — весьма плачевно, когда она становится главнымъ предметомъ политической жизни и когда именно на почвѣ ея происходитъ дѣленіе партій. Еще Аристотель говорилъ, что наиболѣе благопріятнымъ представляется такое положеніе, когда власть находится въ рукахъ гражданъ средняго достатка, у которыхъ нѣтъ мотива грабить богатыхъ и которые сами не вызываютъ зависти у бѣдныхъ. Съ другой стороны, Платонъ, выражая сожалѣніе по поводу внутренней борьбы, развѣдавшей греческія республики, объясняетъ ее тѣмъ, что въ каждомъ государствѣ есть два враждующихъ между собою государства — богатые и бѣдные.

Желательнѣе всего, чтобы въ свободныхъ государствахъ дѣленіе на партіи не имѣло въ своемъ основаніи дѣленія населенія на бѣдныхъ и богатыхъ. Для Англіи весьма благопріятнымъ было то, что партія виговъ, которая со временъ Карла II являлась выразительницею и за-

щитницею народныхъ правъ, числила въ своихъ рядахъ значительный контингентъ среднихъ и даже очень крупныхъ землевладѣльцевъ и въ еще большей мѣрѣ состоятельный торговый классъ и что, съ другой стороны, въ составѣ торійской или консервативной партіи было много несостоятельныхъ гражданъ. Благодаря этому борцы за свободу и политическія реформы усвоили себѣ осторожныя пріемы и уважительное отношеніе къ правамъ собственности и вообще къ правамъ пріобрѣтеннымъ. Въ конечномъ результатѣ эгоистическіе интересы, въ ихъ грубомъ выраженіи алчной погони за наживою, никогда не получали въ Англіи преобладающей роли. Частные интересы и въ ней выступаютъ весьма замѣтно, но ни требованія отвлеченной справедливости, ни общенациональные интересы не отдаются партизанами борящихся между собою партій въ жертву выгодамъ, которыя они надѣялись бы извлечь для себя самихъ.

Внимательные наблюдатели англійской политической жизни въ ея прошломъ и настоящемъ едва ли признаютъ преувеличеннымъ изложенное утвержденіе Брайса, особенно припомнивъ эволюцію рабочаго и вообще соціальнаго законодательства въ Англіи, съ его смѣлыми новшествами, которыя въ послѣдствіи служили образцами для другихъ государствъ, и принявъ во вниманіе, напр., то, что во Франціи до сихъ поръ неизмѣнными неудачами сопровождалась попытка ввести подоходный налогъ.

IV.

Въ политической и исторической литературѣ много разъ высказывалось осужденіе партіямъ на почвѣ признанія тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ крайняя партійность, побуждающая людей отворачиваться отъ правды, развивающая взаимную ненависть, заставляющая интересы группы ставить выше интересовъ всей страны. Тѣмъ не менѣе неизбѣжность партій въ свободномъ государствѣ едва ли можетъ быть отвергаема.

Эдмундъ Боркъ, одинъ изъ наиболѣе глубокихъ мыслителей въ сферѣ политической философіи, самъ принимавшій активное участіе въ политической жизни Англіи въ концѣ XVIII столѣтія, такъ опредѣляетъ партію: «группа людей, объединившихся для обезпеченія совмѣстными усиліями національнаго интереса на извѣстной основѣ, въ отношеніи къ которой всѣ они согласны». Съ точки зрѣнія Борка, партія представляетъ собою явленіе законное и полезное, когда у нея есть принципиальное основаніе и когда она олицетворяетъ извѣстную доктрину; но она становится вредною, когда она слѣпо идетъ за своимъ лидеромъ или когда ея стремленія сводятся къ захвату или удержанію извѣстною группою политической власти или къ извлеченію какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ. Значеніе партіи въ каждомъ данномъ случаѣ оцѣнивается смотря по тому, руководствуется ли она въ этомъ случаѣ принципиальными соображеніями, имѣющими въ виду общественное благо.

Партія, будучи естественнымъ порожденіемъ условій

государственнаго управленія, отражаетъ въ себѣ нѣкоторыя постоянныя черты человѣческой природы и, прежде всего, слѣдующія четыре: чувство симпатіи, склонность къ подражанію, потребность ассоціаціи, любовь къ борьбѣ. Эти черты переплетаются въ каждой группѣ и даже въ каждой отдѣльной личности, при чемъ у однихъ рѣзче выступаютъ однѣ черты, у другихъ другія. То, что именуется «партійнымъ духомъ» (Party Spirit), партійностью, представляетъ собою своеобразное сочетаніе интеллектуальныхъ и эмоціональныхъ элементовъ, въ неодинаковомъ соотношеніи находящихся у различныхъ лицъ.

Существованіе партій вытекаетъ изъ наличности въ каждомъ обществѣ различныхъ взглядовъ на общественныя дѣла. Группировка людей, исповѣдующихъ тѣ или иные взгляды, вызывается рядомъ практическихъ потребностей. Въ обширномъ обществѣ, гдѣ каждый занятъ своимъ дѣломъ, должны быть обеспечены какія-либо средства освѣдомленія гражданъ о текущихъ вопросахъ, выясненія значенія ихъ, предложенія извѣстныхъ способовъ разрѣшенія ихъ. И чѣмъ обширнѣе общество, тѣмъ такая потребность оказывается болѣе настоятельною. Думающіе согласно и готовые дѣйствовать совмѣстно организуются, и ихъ организація становится партіею.

Кромѣ того въ обширномъ обществѣ большинство гражданъ не знаютъ и не могутъ знать, кто именно являются людьми, наиболѣе подготовленными для руководящей роли. Партійныя организаціи представляютъ собою удобныя средства для того, чтобы намѣтить кандидатовъ.

Если бы партіи существовали только ради заботъ объ

общественной пользѣ путемъ защиты взглядовъ и предложений, ведущихъ къ этой цѣли, то партійность не была бы опасною, такъ какъ она лишь свидѣтельствовала бы о ревностномъ служеніи идеямъ, почитаемымъ вѣрными и благодѣтельными. Но въ дѣйствительности партіи существуютъ и для другихъ цѣлей, и жизнь ихъ вдохновляется не единственно общимъ благомъ и даже не главнымъ образомъ имъ.

Какія силы спланиваютъ партію? Во 1-хъ, вѣра въ принципы, которые она исповѣдуетъ; во 2-хъ, преданность лидерамъ; въ 3-хъ, желаніе видѣть партію сильною и успѣшно дѣйствующею; въ 4-хъ, любовь къ борьбѣ, желаніе не только имѣть успѣхъ, но именно сразиться съ противною партіею и одолѣть ее. Эта послѣдняя черта въ особенности присуща англичанамъ, ирландцамъ и американцамъ, и именно она придаетъ выборамъ у нихъ чрезвычайное оживленіе, составляющее ихъ прелесть. Въ послѣдніе часы выборной операціи оно достигаетъ высшаго напряженія; о самомъ предметѣ борьбы забываютъ, и обѣ стороны борются только, чтобы одолѣть противника.

Соотношеніе между каждымъ изъ этихъ элементовъ, въ совокупности составляющихъ партійный духъ, постоянно измѣняется. Иногда преданность лидерамъ, иногда антагонизмъ, доходящій до ненависти къ противной партіи, выражается въ размѣрахъ, совершенно не соответствующихъ тому интересу, какой проявляется въ отношеніи къ принципамъ и догматамъ партій. Возможно и обратное соотношеніе между этими элементами. Но бываютъ и такіе случаи, когда понижаются и страстность

внѣшнихъ проявленій, и преданность доктринамъ партіи, которая продолжаетъ существовать просто какъ организація.

Когда утрачивается преданность извѣстнымъ принципамъ и партія живетъ инстинктивною вѣрностью своему лидеру или своимъ лозунгамъ, тогда все сводится къ желанію одолѣть противника, и побѣда является не побѣдою извѣстнаго направленія, а скорѣе побѣдою даннаго лица или группы. Иногда борьба настолько обостряется, что сторонники противной партіи разсматриваются какъ враги, а не какъ соучастники въ общей жизни государства. Каждая партія ненавидитъ и поноситъ знаменосцевъ другой партіи.

Посмотримъ, говоритъ Брайсъ, какъ партійность можетъ вліять на выполненіе гражданскаго долга хотя бы въ томъ болѣе мягкомъ выраженіи ея, которое она принимаетъ въ наиболѣе культурныхъ государствахъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ изъ юго-восточныхъ государствъ можно и теперь еще наблюдать тѣ рѣзкія проявленія, которыя были только-что отмѣчены.

Предположите зауряднаго честнаго гражданина, который соображаетъ, какъ ему голосовать по извѣстному политическому вопросу. Допустимъ, что онъ принадлежитъ къ извѣстной партіи и желаетъ сохранить съ нею связь. Если его мнѣніе по данному вопросу совпадаетъ съ мнѣніемъ партіи, то дѣло рѣшается просто. Если однако онъ расходится во мнѣніи со своею партіею, что онъ сдѣлаетъ и какъ ему слѣдуетъ поступить? Въ четырехъ случаяхъ изъ пяти средній человѣкъ просто послѣ-

дуетъ за своею партіею, не безпокоя себя размышленіями. Партія обдумала и пришла къ извѣстному рѣшенію, и этого ему достаточно.

Если же однако, будучи человѣкомъ болѣе дѣятельнымъ или добросовѣстнымъ, онъ, обдумавъ вопросъ, придетъ къ заключенію, что партія его ошибается: руководиться ли ему собственнымъ своимъ убѣжденіемъ, или пожертвовать имъ и подчиниться рѣшенію партіи?

Возьмемъ два случая: въ одномъ это будетъ добросовѣстный гражданинъ, но простой рядовой въ партійной арміи, которому нужно лишь подать голосъ; въ другомъ — выдающійся добросовѣстный гражданинъ, являющійся въ этой арміи офицеромъ, быть можетъ полковникомъ или даже генераломъ.

Рядовой гражданинъ прежде всего поколеблется разойтись со своею партіею. Онъ связанъ съ нею привычкою, ея лидеровъ онъ предпочитаетъ лидерамъ противной партіи. Ему непріятно своимъ голосомъ поддержать тѣхъ, кому онъ до сихъ поръ противодѣйствовалъ; ему противно явиться дезертиромъ въ глазахъ своихъ товарищей по партіи. Тѣмъ не менѣе голосъ долга велитъ ему повиноваться своему убѣжденію. Этому голосу онъ, будучи добросовѣстнымъ, по всей вѣроятности и послѣдуетъ, если вопросъ представляется дѣйствительно важнымъ. Но онъ во всякомъ случаѣ не былъ и не могъ быть свободнымъ и безпристрастнымъ судьей въ дѣлѣ.

Предположимъ теперь, что этотъ гражданинъ принадлежитъ къ числу настолько выдающихся и вліятельныхъ членовъ партіи, что на него возлагаются надежды,

при чемъ и его будущее связывается съ судьбою партіи. Такому человѣку вдвойнѣ трудно составить себѣ или осуществить вполнѣ безпристрастное мнѣніе. Отъ этого можетъ зависѣть вся его дальнѣйшая карьера. Со стороны своихъ сочленовъ онъ, измѣнивъ имъ, рискуетъ вызвать порицаніе, а отъ противной партіи онъ можетъ получить за свою прямоу похвалы, горшія для него, чѣмъ оскорбленіе.

Его рѣшеніе можетъ оказаться подъ воздѣйствіемъ и другихъ соображеній. Онъ можетъ думать, что та польза, которую онъ принесетъ своей партіи, оставаясь въ ней и содѣйствуя успѣшной дѣятельности ея по другимъ вопросамъ, перевѣшиваетъ непріятность вотировать въ этомъ случаѣ противъ своего убѣжденія. Либо онъ можетъ такъ высоко ставить вліяніе своей партіи для блага страны и такъ опасаться ослабить ее, содѣйствуя пораженію ея по данному вопросу, что ему покажется правильнымъ въ этомъ случаѣ поступить вопреки своему убѣжденію.

Все это аргументы, имѣющіе свое значеніе и подлежащіе тщательному соображенію со стороны людей, желающихъ поступить правильно. Многое зависитъ здѣсь отъ важности даннаго вопроса. Если онъ глубоко затрагиваетъ національное благополучіе, государственный человѣкъ подчинится велѣнію своей совѣсти. Если вопросъ имѣетъ второстепенное и преходящее значеніе, онъ, можетъ быть, сочтетъ своимъ долгомъ пожертвовать своими взглядами ради партіи.

Разобраться въ подобныхъ случаяхъ нелегко и за-

урядному избирателю, который ничего не теряет и не выигрываетъ, но политическому лидеру — еще гораздо труднѣе не только потому, что затронуть его личный интересъ, но и потому, что ему виднѣе общія условія партійной системы управленія и передъ нимъ выступаетъ политическое положеніе во всей совокупности его проявленій.

Съ другой стороны, любопытно отмѣтить замѣчаніе Брайса о томъ, что собственно партійный духъ нерѣдко гораздо сильнѣе выражается у зауряднаго члена партіи, чѣмъ у человека, занимающаго болѣе или менѣе видное положеніе, напр., у члена парламента. Послѣдній близко знакомъ съ закулисною стороною политической жизни; ему часто претягъ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ партійные руководители. Наиболѣе рѣзкая критика партійныхъ промаховъ слышится обыкновенно въ тѣсной средѣ партійныхъ комитетовъ, и партійные лидеры наиболѣе склонны подмѣчать ошибки, которыя каждый изъ нихъ дѣлаетъ. Но для зауряднаго члена партіи, особенно если онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ мѣстныхъ проявленіяхъ партійной жизни, партія дѣлается своего рода фетишемъ. Онъ хлопочетъ, всѣми силами старается обезпечить успѣхъ своей партіи на мѣстѣ, и ему некогда подумать, не ошибается ли она. Всю жизнь свою принадлежа къ данной партіи, онъ радъ не беспокоить себя размышленіями и идетъ за нею съ закрытыми глазами. Главнымъ образомъ у такихъ благодушныхъ, простоватыхъ людей партійность парализуетъ независимость въ сужде-

ніяхъ о людяхъ и о достоинствахъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій.

Если бы — говоритъ Брайсъ — мнѣ предложили формулировать окончательное заключеніе о роли партійности въ государственной жизни, то «все, что я могъ бы сдѣлать, это—указать, съ одной стороны, на опасности, грозящія отъ нея, и съ другой—на трудность обойтись безъ такого движущаго фактора. Въ данномъ случаѣ примѣнимо то, что сказалъ римскій поэтъ любимой женщинѣ: *nes cum te possum vivere, nes sine te*. По сравненію съ безпечною или апатіею партійность имѣетъ то преимущество, что она во всякомъ случаѣ развиваетъ въ гражданахъ интересъ къ политической жизни. Съ другой стороны, она менѣе вредна, чѣмъ личный интересъ, по существу своему нѣчто грязное. Она представляетъ собою эксцессъ—правда, могущій дойти до крайностей—эксцессъ чувства, которое само по себѣ естественно и благотворно. По вопросу о томъ, до какихъ предѣловъ человекъ можетъ руководствоваться этимъ чувствомъ, нельзя установить какія-либо общія правила. Каждый долженъ опираться на свой здравый смыслъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поступать соотвѣтственно съ его особенностями, стараясь поступить честно, но не рвать на себѣ волосы, ибо слишкомъ утонченная казуистика всегда окажется несостоятельною».

Изъ дальнѣйшихъ сужденій Брайса о партіяхъ и партійности заслуживаютъ особеннаго вниманія заключительныя замѣчанія, которыя мы приводимъ цѣликомъ:

«У средняго гражданина, который принадлежитъ къ

партіи, но не является рабомъ партіи, есть въ высшей степени важная задача кромѣ голосованія за партію, когда онъ согласенъ съ нею. Это—спасти свою партію отъ нея самой и страну отъ тираніи одной партіи. Мнѣ не разъ уже приходилось замѣтить, что руководство очень существенно для демократіи. Творческія идеи и конструктивная политика всегда создаются очень немногими наиболее выдающимися умами. Но подобно тому какъ массы населенія нуждаются въ лидерахъ, которые вдохновляли бы ихъ и думали бы за нихъ, такъ лидерамъ нужны массы разумныхъ и добросовѣстныхъ послѣдователей, которые бы сдерживали ихъ. Самые блестящіе лидеры могутъ оказаться недобросовѣстными или черезчуръ властными. Самые старательные лидеры могутъ увлечься и пойти слишкомъ быстро или слишкомъ далеко. Лидеры вмѣстѣ съ дѣятельными партійными работниками могутъ привыкнуть заботиться болѣе о своей партіи, чѣмъ о странѣ, и пользоваться партіею главнымъ образомъ какъ средствомъ удержатъ за собою власть. Примѣры всего этого мы видѣли и въ Англіи, и во Франціи. Когда случаются подобныя вещи, заурядные граждане, которые не ищутъ выгоды отъ успѣха своей партіи и у которыхъ головы не затуманены чадомъ партійныхъ страстей, должны отдать свои голоса другой сторонѣ и этимъ осудить ошибки своихъ главарей и умѣрить властвованіе, опасное для общественнаго благополучія. Партіи не въ большей мѣрѣ, чѣмъ отдѣльному лицу, не слѣдуетъ ввѣрять чрезвычайную власть. Этимъ путемъ такіе граждане могутъ охранять государственное равновѣсіе и возвращать партіи и лидеровъ къ

пониманію дѣйствительныхъ задачъ, для которыхъ существуютъ политическія организаціи. Не это ли имѣлъ въ виду Авраамъ Линкольнъ, когда онъ говорилъ о народѣ, какъ о кладезѣ практической мудрости въ націи, или когда онъ высказалъ слѣдующее замѣчательное изреченіе: «можно одурачивать нѣкоторыхъ всегда и всѣхъ иногда, но нельзя дурачить всѣхъ всегда».

«Націи могутъ заблуждаться, какъ заблуждаются отдѣльныя лица. Большинство, какъ говоритъ Карлейль, столь же часто ошибается, какъ и меньшинство. Иногда правымъ оказывается совсѣмъ ничтожное меньшинство. Однакоже въ концѣ концовъ народная мудрость всегда болѣе значительна, чѣмъ мудрость одного лица или группы. Ни одинъ лидеръ, ни одна партія, ни одно законодательное собраніе не въ состояніи разрушить государство, пока въ массѣ среднихъ гражданъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ, такъ и менѣе просвѣщенныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, сохраняется высокій уровень патріотизма и пракческаго здраваго смысла».

V.

Изъ трехъ факторовъ, подрывающихъ чувство гражданскаго долга, первый—безпечность—оказывается наиболѣе распространеннымъ, второй—личный интересъ—наиболѣе вреднымъ и третій—партійность—наиболѣе извинительнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тонкимъ и, быть можетъ, наиболѣе склоннымъ воздѣйствовать на людей, принимающихъ участіе въ повседневныхъ проявленіяхъ по-

литической жизни. Возрастаетъ ли вліяніе этихъ причинъ или какой-либо изъ нихъ по мѣрѣ осуществленія все болѣе полной демократизаціи, которое наблюдается теперь въ европейскихъ государствахъ—на этотъ вопросъ, по мнѣнію Брайса, пока еще нельзя отвѣтить. Отвѣтъ на него можно будетъ дать лѣтъ черезъ пятьдесятъ, такъ какъ постоянно выступаютъ новыя теченія, благопріятныя и неблагопріятныя, значеніе которыхъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ не поддается учету.

Поставивъ вопросъ, какими способами возможно противодѣйствовать пагубному вліянію разсмотрѣнныхъ факторовъ, Брайсъ говоритъ, что для устраненія дефектовъ въ государственной системѣ возможны средства, такъ сказать, механическія и средства этическія. Подъ механическими средствами онъ разумѣетъ улучшеніе законодательства и учрежденій, а также политическихъ пріемовъ, подъ этическими—средства, воздѣйствующія на характеръ и духъ народа.

Обзоръ средствъ первой категоріи Брайсъ предваряетъ краткимъ упоминаніемъ о двухъ наиболѣе радикальныхъ теченіяхъ въ отношеніи къ измѣненію всего строя современныхъ государственныхъ учрежденій. Одно изъ нихъ имѣетъ своими выразителями такъ называемыхъ философскихъ анархистовъ, выступающихъ съ рѣшительнымъ протестомъ противъ все-поглощающаго государства, которое, по ихъ убѣжденію, подлежитъ упраздненію; другое теченіе—соціалистическое—напротивъ того, характеризуется чрезвычайнымъ расширеніемъ функцій государства. Не находя возможнымъ въ данномъ случаѣ оста-

новиться на разсмотрѣніи этихъ схемъ, въ виду ихъ чрезвычайной сложности, Брайсъ обращается къ нѣкоторымъ второстепеннымъ планамъ улучшенія государственной системы, выдвинутымъ съ цѣлью обезпечить гражданамъ возможность болѣе успѣшнаго осуществленія ихъ обязанностей.

Нѣкоторые связываютъ большія надежды съ системою пропорціональнаго представительства. Указываютъ, что при этой системѣ могли бы быть обезпечены два хорошихъ результата. Во-первыхъ, воля избирателей получила бы болѣе полное и точное выраженіе благодаря тому, что, наравнѣ съ большинствомъ, имѣло бы своихъ представителей и меньшинство. Во-вторыхъ, это содѣйствовало бы пробужденію энергіи избирателей, такъ какъ въ каждомъ округѣ представители теченія, недостаточно сильного, чтобы имѣть успѣхъ при наличности одного депутата отъ округа и вслѣдствіе этого въ настоящее время апатично относящіеся къ выборамъ, будутъ стремиться сплотиться въ извѣстную организацію и проявятъ болѣе интересъ къ политическимъ дѣламъ. Въ пропорціональной системѣ, такимъ образомъ, видятъ одно изъ тѣхъ улучшеній государственнаго механизма, которыя могутъ парализовать безпечность, поднявъ пульсъ общественной жизни. Повидимому опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи въ Бельгіи и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, оказались удачными. Можно надѣяться на дальнѣйшіе опыты примѣненія этой системы, которая во всякомъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ странахъ сдѣланы попытки про-

тиводѣйствовать индифферентному отношенію гражданъ къ своему долгу путемъ наложенія штрафовъ на уклоняющихся, безъ уважительныхъ причинъ, отъ подачи голоса. Эта мѣра пользуется сочувствіемъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и въ Бельгіи, но—по мнѣнію Брайса—она идетъ слишкомъ въ разрѣзъ съ нравами въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ для того, чтобы ее можно было считать подходящею для этихъ государствъ.

Гораздо большее значеніе можетъ имѣть предоставленіе народу непосредственно высказываться о мѣрахъ, уже принятыхъ законодательнымъ собраніемъ. Такой порядокъ, подъ названіемъ референдума, давно практикуется въ Швейцаріи и даетъ хорошіе результаты. Онъ, безъ сомнѣнія, увеличиваетъ интересъ гражданъ къ общественнымъ дѣламъ, побуждая ихъ вдумываться въ значеніе тѣхъ вопросовъ, которые подвергаются ихъ голосованію. Съ другой стороны, онъ ослабляетъ партійность. Дѣло въ томъ, что когда швейцарскій народъ приглашается высказаться, рѣшеніе его ни въ чемъ не отражается на исполнительной власти или на законодательномъ собраніи. Законъ можетъ быть отвергнутъ, но составители его продолжаютъ оставаться у власти. Въ отношеніи къ партіи, внесшей проектъ и проводшей его черезъ законодательное собраніе, отклоненіе его не является порицаніемъ. То обстоятельство, что партійность развита въ Швейцаріи менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ (кроме, пожалуй, Норвегіи), можетъ быть объяснено именно тѣмъ, что рѣшающій голосъ въ законодательствѣ отдѣленъ отъ тѣхъ органовъ управленія, которыми стремится овладѣть каждая политическая партія.

Далѣе Брайсъ останавливается на средствахъ предотвратити преобладаніе эгоистическихъ личныхъ интересовъ и высказываетъ общее положеніе, что чѣмъ менѣе будетъ точекъ соприкосновенія между государственными органами и денежными интересами частныхъ лицъ, тѣмъ лучше сохранятся честность администраціи и добросовѣстность частныхъ лицъ. Съ другой стороны, государство должно избѣгать мѣропріятій, направленныхъ къ обогащенію отдѣльныхъ лицъ или группъ въ ущербъ другимъ. Брайсъ съ осужденіемъ говоритъ о томъ, какъ во Франціи, Германіи и Бельгіи отдѣльныя группы путемъ политическаго давленія домогаются предоставленія условій, исключительно благопріятныхъ для отдѣльныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій—условій, отъ которыхъ терпятъ налогоплательщики и потребители.

Какъ однако ни велико значеніе различнаго рода механическихъ средствъ улучшить условія государственной жизни, проблема гражданского долга въ основѣ своей представляется проблемою этической. «Индифферентизмъ, эгоистическіе интересы, партійныя крайности будутъ исчезать по мѣрѣ того, какъ повысится уровень гражданской жизни и по мѣрѣ того, какъ постепенно будетъ увеличиваться количество людей, которые, стоя на высшемъ уровнѣ, будутъ проявлять болѣе строгія требованія къ себѣ и своимъ лидерамъ, въ сознаніи своего долга и необходимости его осуществлять».

Къ достиженію этой цѣли нужно идти путемъ воспитанія будущихъ гражданъ, при чемъ нравственное воспитаніе должно комбинироваться съ развитіемъ просвѣ-

щеннаго пониманія гражданскаго долга. А для того, чтобы этотъ послѣдній получилъ надлежащее осуществленіе въ практической жизни, нужно, чтобы граждане усвоили себѣ, что ихъ собственный интересъ состоитъ въ использовании всего того, что можетъ дать управленіе, когда оно ведется правильно. «Возьмите, напр.,—говоритъ Брайсъ,—задачи, которыя должны быть выполнены въ городахъ съ значительнымъ и постоянно растущимъ числомъ жителей. Какъ много нужно еще сдѣлать для оздоровленія городовъ, для обезпеченія лучшихъ жилищъ для бѣдныхъ, для того чтобы искоренить очаги преступленій, устранить соблазны пьянства и игорныхъ притоновъ, облегчить наиболѣе нуждающимся возможность умственного развитія и пользованія красотами искусства. Какъ много мы можемъ сдѣлать для того, чтобы украсить города парками и общественными зданіями такъ, чтобы внѣшній видъ ихъ вселялъ въ жителей чувство красоты и побуждалъ бы ихъ гордиться имъ... Не заинтересованъ ли каждый изъ насъ въ томъ, чтобы городъ, въ которомъ мы живемъ, имѣлъ такой видъ? Высшее счастье состоитъ въ томъ, чтобы видѣть вокругъ себя людей счастливыми».

Нужно развивать въ гражданинѣ и чувство собственного достоинства и самоуваженія. «Нужно напоминать ему, что онъ унаслѣдовалъ права и преимущества, за которыя боролись наши предки и благодаря которымъ онъ, независимо отъ своего происхожденія и состоянія, является участникомъ въ управленіи своею страной».

Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльных людей, моменты подъема чередуются съ моментами упадка

духа. Но это не представляется неизбѣжнымъ. Отдѣльный индивидуумъ, поднявшись силою духа до извѣстной высоты, можетъ удержаться на ней, силою воли подавляя въ себѣ слабости и развивая привычки благородно мыслить и благородно дѣйствовать. Точно такъ же и народъ, для котораго традиціи являются тѣмъ, что привычки для отдѣльнаго человѣка. Воспоминанія прошлаго могутъ служить указателями для настоящаго, благородныя традиціи—кодексомъ чести, нарушать который возбраняетъ чувство чести. Когда при обзорѣ современныхъ европейскихъ демократій вниманіе изслѣдователя останавливается на томъ, какъ много въ нихъ условій, благопріятствующихъ превращенію государственнаго управленія въ орудіе служенія эгоистическимъ цѣлямъ, онъ не можетъ не подмѣтить, что тѣ изъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ сохраняется высокій уровень гражданской чистоты, обязаны этимъ уважительному отношенію ихъ къ своимъ традиціямъ.

Изобразивъ въ своей книгѣ различныя тѣневыя стороны въ жизни современныхъ демократій, Брайсъ въ заключеніе высказываетъ нѣсколько соображеній, умѣряющихъ тотъ пессимистическій тонъ, которымъ проникнуто его послѣднее произведеніе. Цитированіемъ ихъ я и закончу изложеніе его.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и въ Америкѣ, и въ Англіи—говоритъ Брайсъ,—можно подмѣтить одинъ благопріятный, обнадеживающій признакъ. «Это—растущее въ средѣ образованныхъ и болѣе состоятельныхъ классовъ сочувствіе и сознаніе отвѣтственности ихъ въ отношеніи

къ обездоленнымъ слоямъ населенія. Теперь въ большей мѣрѣ, чѣмъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, выступаютъ братскія чувства, желаніе прійти на помощь, недовольство тѣми общественными условіями, которыя тяжело отзываются на простыхъ людяхъ. Альтруистическое теченіе это, всюду замѣтно проступающее въ области частной филантропической дѣятельности, повидимому проникаетъ и въ сферу государственной жизни, становясь новымъ факторомъ ея; оно уже проявляется въ законодательствѣ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ когда либо прежде. Мы можемъ смѣло надѣяться, что оно будетъ втягивать все большее и большее число людей, ищущихъ помочь своимъ ближнимъ, въ ту законодательную и административную работу, которая оказывается съ каждымъ днемъ все болѣе пригодною для того, чтобы справляться съ экономическими и социальными проблемами».

Цѣна 1 руб. 25 коп.

1121

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.
(СПБ., Невскій пр., д. 40).

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11

11